В. Комарницкій.

Опытъ
аткаго критико-библіографическаго обзора нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Предмѣстье, № 3.
1911.

В. Комарницкій.

Komarnitskii, Viktor Grigor'evich

КРАТКОЕ

критико-библіографическое обозрѣніе нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы.

ВАРШАВА.
Типографія Варш. Учебн. Округа.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Настоящая книжка составилась изъ лекцій, прочитанныхъ на курсахъ, устроенныхъ въ іюнѣ 1910 г. при Варшавскомъ Учебномъ Округѣ для съѣзда учителей и учительницъ городскихъ и начальныхъ училищъ. Эти лекціи, нѣсколько расширенныя и дополненныя, быть-можетъ, были бы полезны не только городскимъ и начальнымъ учителямъ, но и учащимся въ средней школѣ; быть-можетъ, онѣ были бы полезны и такъ называемымъ широкимъ слоямъ публики.

Научныя пріобрѣтенія въ области исторіи русской литературы проникаютъ и въ учебники, и въ школы, и въ широкія массы чрезвычайно медленно и съ ничѣмъ не оправдываемымъ запозданіемъ. Послѣдніе годы отмѣчены двумя характерными явленіями. Съ одной стороны, въ печати стала появляться масса литературной стряпни, не только ничего общаго съ наукой не имѣющей, но подчасъ даже и вредной распространительницы неправильныхъ сужденій. Съ другой стороны, публика и молодежь стали обнаруживать еще въ большей степени, чѣмъ раньше, дилетантское отношеніе къ области исторіи русской литературы, отчасти вслѣдствіе слабаго знакомства

съ научной исторіей русской литературы, отчасти вслѣдствіе продолжительнаго питанія дурными источниками.

Кромѣ того, низшая и средняя школа чаще всего не только не противодѣйствуютъ склонности мало развитого ума къ скороспѣлымъ и дилетантскимъ сужденіямъ въ такой области первостепенной важности, какъ великое литературное прошлое русскаго народа, но какъ будто это дилетантское отношеніе даже поощряютъ, все болѣе и болѣе отодвигая на задній планъ область прошлаго, т. е. именно то, что стало объектомъ науки и безпристрастнаго сужденія.

Вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу до сихъ поръ и въ публикѣ и въ школѣ, напр., еще не установилось должнаго уваженія къ русской народной словесности. До сихъ поръ многіе говорятъ о безидейности въ той древней русской литературѣ, въ богатствѣ содержанія которой въ настоящее время послѣ работъ Владимірова, Архангельскаго и др. и открытій Никольскаго и др., никакъ нельзя уже сомнѣваться. До сихъ поръ ученики средней школы не отличаютъ апокрифовъ отъ отреченныхъ книгъ; происхожденіе лѣтописей ошибочно ставятъ въ связь съ пасхальными таблицами. До сихъ поръ имъ неизвѣстны цѣнныя сужденія академика Ѳ. Е. Корша о ритмическомъ складѣ „Слова о полку Игоревѣ“ и объ удареніяхъ въ древне-русскомъ языкѣ. Нерѣдко молодые люди въ произведеніяхъ Ломоносова и Фонвизина видятъ только одни недостатки, дѣятельность Карамзина вычеркиваютъ изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія, скептически относятся къ литературнымъ заслугамъ Крылова, не понимаютъ самаго существеннаго въ дѣятельности Пушкина и т. д., и т. д. Вообще же молодежь не относится съ должнымъ уваженіемъ къ славному литературному прошлому, въ то же самое время слишкомъ переоцѣнивая значеніе современныхъ намъ писателей.

При такомъ положенiи вещей ни у учащейся молодежи ни среди широкой публики не можетъ быть глубокаго пониманiя и знанiя исторiи русской литературы, той русской литературы, въ которой болѣе всего воплотился генiй русскаго народа, которая составляетъ нашу гордость, передъ которой въ настоящее время преклоняется весь романо-германскiй мiръ и которую русскiе люди должны знать лучше всего.

Чтобы публика могла приблизиться къ пониманiю русской литературы, она должна измѣнить свое дилетантское и чисто субъективное отношенiе къ литературному прошлому. Не зная корней литературы, нельзя въ полной мѣрѣ осмыслить и ея позднѣйшихъ ростковъ. Въ отсутствiи среди широкихъ слоевъ научныхъ знанiй и правильныхъ сужденiй о русской литературѣ въ нѣкоторой степени, конечно, виновата школа. Другой причиной слѣдуетъ считать слѣпую довѣрчивость и легковѣрiе средняго читателя, который то и повторяетъ, что ему подскажетъ первая случайно попавшаяся подъ руку книжка или плохой и старый учебникъ. Мнѣ кажется, что при необыкновенной засоренности книжнаго рынка и умственной расшатанности молодежи въ настоящее время вообще болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо прiйти ей на помощь, особенно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ получить научнаго образованiя въ высшей школѣ. Надо предостеречь средняго читателя отъ дилетантизма, предостеречь его отъ влiянiя литературнаго хлама, и дать ему возможность самому разбираться въ литературныхъ явленiяхъ, толкнувъ его на научный путь при помощи научныхъ трудовъ и при помощи такого научно-популярнаго критико-библiографическаго аппарата, который предостерегъ бы его отъ возможныхъ блужданiй. Среднiй читатель долженъ знать, чего онъ можетъ ждать въ настоящее время отъ исторiи русской литературы, какъ науки, и чего не можетъ ждать; онъ долженъ знать, что о многомъ нельзя говорить съ такою хлестаковскою развязностью,

съ какою обыкновенно говорятъ дилетанты; онъ долженъ знать, что внѣ исторической перспективы правильныхъ сужденій не можетъ быть. Мнѣ думается, что въ дѣлѣ борьбы съ дилетантизмомъ помимо школы не маловажную роль могли бы сыграть популярные критико-библіографическіе обзоры трудовъ по исторіи русской литературы, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, снабженные нѣкоторыми общими руководственными указаніями. Придавая такое именно значеніе критико-библіографическимъ обзорамъ трудовъ по исторіи русской литературы, я и рѣшился предложить вниманію лицъ, приступающихъ къ изученію исторіи русской литературы и пользующихся различными трудами, „Опытъ краткаго критико-библіографическаго обозрѣнія нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы". Моя задача была компилятивнаго характера. Я поставилъ себѣ задачей, насколько это было возможно при бѣдности библіотекъ въ Варшавѣ, собрать критическіе отзывы и резюмировать ихъ. Эти отзывы, разбросанные по разнымъ журналамъ за разные годы и по разнымъ книгамъ, собранные въ одномъ мѣстѣ, помогутъ среднему читателю въ нѣкоторой степени оріентироваться. Я не могъ обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ старыхъ трудовъ, какъ напр. Шавырева и Галахова, по той простой причинѣ, что этими трудами до сихъ поръ пользуются во многихъ такъ называемыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи. Въ своемъ обозрѣніи я указалъ 30 трудовъ по исторіи русской литературы. Въ самомъ перечнѣ трудовъ есть нѣкоторая случайность и въ самихъ разборахъ есть нѣкоторая неравномѣрность. То и другое въ значительной степени объясняется первоначальнымъ происхожденіемъ моихъ лекцій, когда объемъ матеріала надо было по практическимъ соображеніямъ поставить въ зависимость отъ отведеннаго мнѣ числа часовъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность Помощнику Попечителя Варшавскаго Учебнаго

Округа И. В. Посадскому за любезное содѣйствіе въ появленіи на свѣтъ моей книги, напечатанной во II томѣ изданнаго Округомъ сборника — „Курсы по гуманитарнымъ наукамъ".

В. Комарницкій.

Варшава
Февраль. 1911 г.

I.

М. Г.

Кто изъ лицъ, приступающихъ къ серьезному изученію русской литературы, не тратилъ значительной доли времени, иной разъ совершенно непроизводительно и безуспѣшно, на одно только отыскиваніе лучшихъ трудовъ по исторіи русской литературы, на отыскиваніе лучшаго текста писателей. Кто изъ насъ не испытывалъ горькаго разочарованія и большой досады, когда напрасно были потрачены или время на чтеніе или деньги на пріобрѣтеніе тѣхъ книгъ, которыя на повѣрку оказывались весьма неудовлетворительными и не заслуживающими того вниманія, которое былъ имъ удѣлено.

Затруднительное положеніе средняго или малоподготовленнаго читателя въ послѣднее время въ значительной степени усилилось и по другимъ обстоятельствамъ.

Всѣмъ Вамъ хорошо извѣстно, что интересъ къ русской литературѣ необыкновенно выросъ у насъ и за границей. Въ послѣднее время стала появляться масса разнородныхъ изслѣдованій, всевозможныхъ изданій исторій русской литературы, разнообразныхъ статей, различныхъ критикъ, разнокалиберныхъ пособій и т. д. и т. д. Въ составленіи и выпускѣ этихъ трудовъ принимаютъ участіе люди съ необыкновеннымъ разнообразіемъ

талантовъ, ученой подготовки, литературныхъ вкусовъ и направленій, благихъ пожеланій и т. п. Понятно, что даже специалисту едва ли представляется возможнымъ разбираться во всемъ томъ, что появляется постоянно на книжномъ рынкѣ.

Если же обратиться къ учителю - труженику, то становится совершенно очевиднымъ, что онъ по отсутствію свободнаго времени и по многимъ другимъ печальнымъ условіямъ учительскаго существованія чаще всего лишенъ возможности слѣдить за всѣми новыми изслѣдованіями и строго научными выводами. Если учитель не обреченъ въ силу печальной необходимости на неподвижность въ смыслѣ совершенствованія ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній, то во всякомъ случаѣ не избавленъ, какъ и всякій другой не специалистъ, отъ опасности подвергнуться вліянію дилетанскихъ сужденій или публицистическихъ измышленій, ничего общаго не имѣющихъ съ научными положеніями.

Для иллюстраціи своей мысли я позволилъ бы себѣ воскресить въ Вашей памяти одну изъ страницъ біографіи Гоголя. Въ то время, какъ профессора Нѣжинскаго лицея были знакомы съ русской литературой только до Державина, студенты самостоятельно изучали Жуковскаго и Пушкина. Бывали случаи, когда ученики ради шутки переписывали извѣстныя стихотворенія извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, выдавали за свои опыты и просили профессоровъ дать о нихъ отзывы. Профессора глубокомысленно критиковали ихъ съ точки зрѣнія пресловутой ложноклассической теоріи сочиненій, а иногда высказывали и свое мнѣніе въ родѣ: „изряднехонько“ и т. п. Студенты, конечно, смѣялись и не могли уважать даже лучшихъ изъ профессоровъ, которые еще не дошли до того, что ученикамъ давно извѣстно.

Далѣе, изучающій исторію литературы долженъ всегда считаться, съ одной стороны, съ тѣмъ ея характеромъ и съ тѣми ея особенностями, которыя обусловли-

ваются принадлежностью ея къ гуманитарнымъ наукамъ и отличіемъ ея отъ наукъ математическихъ и точныхъ, съ другой стороны, положеніемъ науки исторіи русской литературы въ данное время.

Считаю нелишнимъ нѣсколько остановить Ваше вниманіе на вопросѣ о положеніи науки исторіи русской литературы въ настоящее время. Положеніе науки исторіи русской литературы, несмотря на массу изданій и изслѣдованій, несмотря на обиліе попытокъ дать общіе курсы по исторіи русской литературы, тѣмъ не менѣе страдаетъ массою пробѣловъ. Отсюда вытекаетъ невозможность въ настоящее время нарисовать точную картину историко-литературной эволюціи. Такъ думаетъ академикъ В. М. Истринъ, такъ думаетъ профессоръ Н. К. Никольскій, такъ думаютъ и многіе другіе ученые. Такое положеніе науки объясняется тѣмъ, что у насъ еще сравнительно мало подготовительныхъ научныхъ работъ и мало удовлетворительныхъ изданій памятниковъ, которыя подчасъ даже „опасны для работы“. Это положеніе справедливо и по отношенію къ новой русской литературѣ отчасти потому, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ научныхъ изданій большинства русскихъ классиковъ [1]). При такой постановкѣ вопроса въ наши дни построить научную исторію русской литературы казалось бы невозможно.

Однако мы вслѣдъ за академикомъ А. И. Соболевскимъ

---

[1]) Починъ въ дѣлѣ выпуска научныхъ изданій взяла на себя Академія Наукъ; въ послѣдніе годы, напр., вышли въ свѣтъ произведенія Кольцова, часть произведеній Лермонтова и Пушкина.

Для XIX в. мы имѣемъ слѣдующія хорошія изданія: сочиненія Гоголя—подъ редакціей Тихонравова; Пушкина—Ефремова, изд. Суворина; Батюшкова - Майкова; Грибоѣдова-Шляпкина; Вяземскаго - Шереметева; Крылова-Каллаша, изд. „Просвѣщенія”; С. Аксакова-Горнфельда и др.

Для XVIII в. очень цѣнны изданія: сочиненія Державина въ 8 томахъ—академика Грота, сочиненія Ломоносова (не всѣ) Сухомлинова и сочиненія императрицы Екатерины II (не всѣ)—Пыпина.

Изданія сочиненій русскихъ писателей, выходящія при журналахъ въ видѣ приложеній, въ большинствѣ случаевъ плохи.

и проф. В. Н. Перетцемъ будемъ разсуждать такъ. Научныя истины не есть что-либо абсолютное, а лишь показатель нашихъ знанiй о предметѣ въ данный моментъ. Ростъ теорiй и измѣненiе ихъ—вещь обыкновенная даже въ области такихъ точныхъ наукъ, какъ физика и химiя. Вообще не можетъ быть рѣчи о научномъ трудѣ въ идеальномъ смыслѣ этого слова, могущемъ сохранить свое значенiе на пространствѣ вѣковъ. Въ мiрѣ все преходяще, и то, что вчера еще считалось научной истиной, сегодня послѣ открытiя новыхъ данныхъ уже признается страннымъ заблужденiемъ.

Вы должны пока помнить, что наша наука болѣе ставитъ вопросы, чѣмъ рѣшаетъ ихъ. Вы должны твердо запечатлѣть въ своей памяти мысль, что наша „наука находится въ разгарѣ развитiя", ежедневно давая спецiальныя работы и указывая новыя точки отправленiя.

Вотъ тѣ мотивы, по которымъ я настойчиво рекомендовалъ бы каждому изъ Васъ, во-первыхъ, смотрѣть на всякiй общiй обзоръ исторiи русской литературы только, какъ на опытъ, и не иначе и, во-вторыхъ, считать опытъ болѣе или менѣе научнымъ не постольку, поскольку онъ рѣшаетъ вопросы, а постольку, поскольку авторъ добросовѣстно исчерпалъ матерiалъ и пользовался научными методами. Въ указанномъ смыслѣ научная исторiя для нашего времени возможна.

Но не только научный матерiалъ, растущiй съ каждымъ годомъ, отличается подвижностью.

Хотя присяжные ученые много толкуютъ о методахъ научныхъ и ненаучныхъ, объективныхъ и субъективныхъ, однако добиться устойчивости въ пониманiи задачъ и методовъ изученiя исторiи литературы до сихъ поръ всё-таки не удалось. Въ прежнихъ методахъ еще не успѣли хорошо разобраться, еще не успѣли использовать ихъ для соотвѣтственнаго распредѣленiя и освѣщенiя матерiала, какъ появились другiя точки зрѣнiя

другія дисциплины, хотя и не совсѣмъ новыя, но всё-таки могущія стать руководящими, какъ напр., строго психологическая точка зрѣнія, эсто-психологическая точка зрѣнія, точка зрѣнія классовой психологіи и т. п.

Курсы по исторіи русской литературы стали строить нѣсколько иначе, чѣмъ строили въ то время, когда мы съ Вами были на школьной скамьѣ. Вслѣдствіе наростанія литературнаго и научнаго матеріала и вслѣдствіе сдвига въ точкахъ зрѣнія на литературныя явленія, ихъ освѣщеніе нѣсколько измѣняется. Надо съ гордостью признаться, что изученіе русской литературы въ наше время вообще значительно оживилось, какъ въ дѣлѣ изученія древней русской литературы, такъ и въ области изслѣдованіи новой и новѣйшей русской литературы. При всемъ томъ вмѣсто научно-обработанной исторіи мы имѣемъ, по совершенно справедливому замѣчанію академика В. М. Истрина, одну только критику, критику и критику.

Разобраться въ этой критикѣ не спеціалисту едва ли представляется возможнымъ. Съ другой стороны, не настало еще время для составленія удовлетворительнаго и исчерпывающаго свой предметъ научно-популярнаго или учебнаго курса, который могъ бы служить вполнѣ надежнымъ руководствомъ.

Вотъ тѣ мотивы, М. Г., которые побудили меня предложить Вашему благосклонному вниманію опытъ посильнаго краткаго критико-библіографическаго обозрѣнія нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Что касается трудовъ такихъ почтенныхъ ветерановъ, какъ А. Д. Галаховъ, И. Я. Порфирьевъ, Г. Карауловъ и др., то ихъ труды придется признать во многихъ частяхъ сильно устарѣвшими. Что касается новыхъ трудовъ, то въ нихъ мы найдемъ много новаго и весьма интереснаго. Нѣкоторые читаются съ захватывающимъ интересомъ. Конечно, не всѣ они обладаютъ одинаковыми достоинствами: одни отличаются научностью; другіе отличаются извѣстнымъ

публицистическимъ пошибомъ и не вызваны явленіями научной жизни; третьи представляютъ собой компиляціи и сведеніе итоговъ.

Есть, наконецъ, кромѣ научныхъ, популярныхъ и дилетанскихъ трудовъ по литературѣ, особая группа трудовъ, изъ ряда вонъ выходящая, о которой совсѣмъ не надлежало бы намъ говорить, если бы насъ не вынуждали къ тому сдѣланныя нами многочисленныя наблюденія.

Дѣло въ томъ, что нашъ нынѣшній книжный рынокъ, особенно въ послѣдніе годы, необыкновенно засорился, а нѣкоторые издатели и нѣкоторые авторы, злоупотребляя неосвѣдомленностью широкой публики и довѣрчивостью мало подготовленныхъ покупателей, безпрепятственно распространяютъ литературный хламъ всевозможныхъ сортовъ подъ видомъ всевозможныхъ трудовъ и „пособій" по литературѣ, хламъ, ни въ какомъ отношеніи и ни въ какой степени не заслуживающій вниманія. Интересъ къ русской литературѣ, которая, по словамъ Берлинскаго профессора Брикнера, „совершаетъ тріумфальное шествіе на Западѣ, гдѣ всѣ чувствуютъ ея мощь и силу", несомнѣнно повсюду растетъ. Въ нашемъ обществѣ растетъ спросъ на критическія статьи, на разборы, на популярные курсы, на опыты синтеза по русской литературѣ; широкая публика ищетъ помощи, чтобы разобраться въ литературныхъ явленіяхъ. Тысячи юношей и дѣвицъ стремятся къ образованію, готовятся къ экзаменамъ и тоже ищутъ пособій, руководствъ. Всѣ ждутъ и отъ критики и отъ ученыхъ— разъясненій, выводовъ, совѣтовъ, указаній. Но руководителей у насъ мало, въ глухихъ мѣстахъ ихъ совсѣмъ нѣтъ; критико-библіографическихъ обзоровъ почти нѣтъ [1]). Если не считать случайныхъ, краткихъ, бѣг-

---

[1]) Весьма цѣнными надо признать статьи А. И. Яцимирскаго, посвященныя обзору новыхъ изслѣдованій и изданій по русской литературѣ, помѣщенныя въ „Русской Школѣ" за 1906 г.—11 и 12., 1907—11, 12., 1908—1, 2, 12, 1909—11, 12, 1910 2—3.

лыхъ и поверхностныхъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ, окажется, что солидныхъ рецензій необычайно мало, да и то онѣ не всѣмъ доступны по разнымъ причинамъ: или помѣщены въ спеціальныхъ журналахъ или разбросаны по разнымъ толстымъ журналамъ.

Строго научная рецензія работъ по русской литературѣ также не всегда бываетъ по силамъ среднему читателю. Среднему читателю, да и вообще всякому не спеціалисту, чаще всего нужны указанія популярнаго характера, а не строго научнаго. Кромѣ того, средній читатель, мало подготовленный, настойчиво ищетъ какого-нибудь общаго обзора трудовъ по русской литературѣ, въ которомъ были бы сведены въ одно цѣлое отзывы, по крайней мѣрѣ, о главнѣйшихъ трудахъ. Такой обзоръ давалъ бы возможность оріентироваться и предостерегалъ бы отъ возможныхъ ошибокъ, одностороннихъ и тенденціозныхъ сужденій. Своевременное предупрежденіе читателя необходимо особенно въ тѣхъ случахъ, когда авторъ обладаетъ свойствомъ подкупать читателя эмоціональностью и хлесткостью рѣчи.

Въ своихъ законныхъ поискахъ и естественныхъ блужданіяхъ и средній читатель и учащаяся молодежь зачастую попадаетъ въ сѣти издателей литературнаго хлама. А такого литературнаго хлама—въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать,—развелось видимо - невидимо. И только печальный фактъ успѣха этой литературы и несомнѣнный вредъ, причиняемый ею русскому просвѣщенію, вынуждаютъ насъ, хотя и между прочимъ, но совершенно кстати посвятить нѣсколько словъ и литературному хламу, хотя это, конечно, не входитъ въ нашу непосредственную задачу. Зло вообще и педагогическое въ особенности слишкомъ велико. Эксплуатація широкой публики и особенно учащейся молодежи слишкомъ дерзка, чтобы объ этой эксплуатаціи не говорить и чтобы не предупреждать и покупателя и читателя объ

опасности вовлеченія въ невыгодную сдѣлку. Само собою разумѣется, весьма полезны и необходимы такія пособія при изученіи русской литературы, какъ пособія Буслаева, Стоюнина, Житецкаго, Балталона, Алферова и Грузинскаго, Сиротинина и многія другія; такія пособія, какъ „Русская классная библіотека", издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова, и „Историко - литературная библіотека", подъ редакціей Грузинскаго, скажемъ даже и разборы С. Бураковскаго [1]).

Въ данномъ случаѣ мы, конечно, говоримъ не объ этихъ весьма полезныхъ пособіяхъ. Мы хотимъ сказать, что подъ видомъ „пособій", ничего общаго съ пособіями не имѣющихъ, выпускаются въ свѣтъ фальсифицированныя пособія и макулатура. Распространительницей этого литературнаго хлама является прежде всего наша Варшава, а затѣмъ Одесса и другіе города. Загляните, пожалуйста, любопытства ради въ одну изъ витринъ любого книжнаго магазина; спросите пособія для изученія русскихъ классиковъ, и вамъ прежде всего, конечно, по коммерческимъ соображеніямъ, предложатъ для изученія Гоголя, Пушкина, Гончарова, Островскаго пособія Майкова, Соловьева и др.; а для изученія такихъ памятниковъ, какъ „Слово о полку Игоревѣ"—изданіе Григорьева. Ссылаясь на рекомендацію учителей (?), предложатъ Вамъ сборники

[1]) П. Житецкаго. Теорія поэзіи. В. Я. Стоюнина. О преподаваніи русской литературы. Ѳ. Буслаева. Русская хрестоматія, изданіе исправленное А. И. Соболевскимъ. Ц Балталона. Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. А. Алферова и А. Грузинскаго. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. К. Козьмина. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. А. Сиротинина. Бесѣды о русской словесности. В. Острогорскаго. Бесѣды о преподаваніи словесности.

Историко - литературная библіотека, подъ редакціей Грузинскаго. Вып. I—Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и перепискѣ. Сост. Каллашъ Вып. II—Западники 40-хъ годовъ (Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій). Сост. Нелидовъ. Выпускъ III—Грибоѣдовъ. Сост. Алферовъ. Вып. IV—Пушкинъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ письмахъ. Сост. Заозерскій. Выпускъ V—Русскіе славянофилы (Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. С. и И. С. Аксаковы) Сост. Бродскій.

Полевого, Никитина, Григорьева, Рошала и tutti quanti. Какъ видите—фамиліи авторовъ въ большинствѣ случаевъ даже извѣстныя и чисто русскія: Майковъ, Соловьевъ, Полевой. Если же вооружиться терпѣніемъ и просмотрѣть хоть часть сихъ трудовъ, то можно прійти въ необыкновенное изумленіе отъ поразительнаго невѣжества и удивительной безграмотности авторовъ, излагающихъ мысли неправильнымъ и дубовымъ языкомъ, за исключеніемъ тѣхъ страницъ, въ которыхъ мы наталкиваемся на плагіаты. На повѣрку оказывается, что авторы прикрываются извѣстными русскими фамиліями и дѣлаютъ это, повидимому, не безъ основанія. Между прочимъ для характеристики сей литературной стряпни весьма любопытна одна подробность. Нѣкоторыя „пособія" изданы отнюдь не въ Петербургѣ, какъ обозначено на первой страницѣ обложки; на другой сторонѣ той же обложки мы ясно читаемъ, что книга напечатана въ варшавской типографіи. Злоупотребляя довѣрчивостью покупателя и особенно учащейся молодежи и пользуясь тѣмъ, что критика обходитъ молчаніемъ подобную литературную стряпню и не клеймитъ ихъ соотвѣтственнымъ именемъ, нѣкоторые варшавскіе творцы становятся ужъ черезчуръ беззастѣнчивыми [1]). Одинъ изъ нихъ выпустилъ въ свѣтъ сначала „Матеріалы по русской словесности", пособіе для самообразованія и для учителей (?), а затѣмъ книгу „Толстой и Достоевскій", представляющую нелѣпую мозаику и безтолковое сочиненіе на заданную тему со всѣми недостатками плохихъ ученическихъ работъ вплоть до списыванія чужихъ мыслей. Книга „Толстой и Достоевскій" выпущена даже въ красной обложкѣ. Характерно и то, что книга обозначена выходящей въ

---

[1]) Что научной критикѣ нѣтъ никакого дѣла до макулатуры, это понятно; но непонятно и непростительно то, что о ней молчатъ педагогическіе журналы и учители. Впрочемъ долженъ сознаться, что нѣкоторые педагоги не только рекомендуютъ ученикамъ Рошала, но и сами имъ пользуются (sic), напр., планами.

свѣтъ якобы 3-мъ изданіемъ въ то время, какъ достовѣрно извѣстно, что ни 1-го ни 2-го изданія публика не видала. Вотъ къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ господа аферисты, посягая на обывательскій карманъ.

Итакъ, мы позволили себѣ нѣсколько отклониться въ сторону отъ нашей задачи, чтобы подчеркнуть Вамъ фактъ обилія литературнаго хлама на нашемъ книжномъ рынкѣ, хлама, который иной разъ случайно, а иной разъ и неслучайно попадаетъ въ руки и учениковъ, и учителей, и другихъ лицъ, изучающихъ русскую литературу. Особенно широко распространяются творенія Рошала.

Про всѣ эти труды и „пособія" надо въ концѣ концовъ открыто сказать то же, что Бѣлинскій въ свое время говорилъ о дѣланной и ходульной дѣтской литературѣ въ извѣстныхъ его словахъ: „Бѣдныя дѣти! сохрани васъ Богъ отъ оспы, кори и сочиненій Беркена, Жанлисъ и Бульи". Перефразируя слова Бѣлинскаго, мы скажемъ: „Бѣдные читатели! Сохрани васъ Богъ отъ нынѣшнихъ варшавскихъ, одесскихъ и другихъ подобныхъ „пособій" по исторіи русской литературы".

Есть у насъ пособія и другого рода, составленныя съ благими намѣреніями. Сюда надо отнести большую часть нашихъ учебниковъ, о которыхъ мы вкратцѣ скажемъ только слѣдующее. „Пособіе по русской словесности" Смирновскаго чрезвычайно отстало въ научномъ отношеніи, мало обработано, отличается большими пробѣлами и представляетъ собою не то учебникъ—не то хрестоматію; очерки Сальникова - невѣжественны; очерки Штепенки—невѣжественны; очерки Дворникова, отличающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже неправильнымъ языкомъ, дилетанскіе очерки. Пособіе Синюхаева содержитъ цѣлый рядъ ошибочныхъ сужденій. Учебникъ Орлова—черезчуръ болтливъ, слишкомъ элементаренъ, слишкомъ поверхностенъ. Учебникъ Евстафьева при нѣкоторыхъ достоинствахъ слишкомъ кратокъ и элементаренъ. Кромѣ указанныхъ популярныхъ учебниковъ, есть

много другихъ, въ которыхъ еще больше недостатковъ, но о нихъ не стоитъ говорить.

Опять и опять становится совершенно очевиднымъ, что въ дѣлѣ выбора матеріала для самообразованія и для усвоенія того, что дѣйствительно добыто наукой, средній читатель находится въ большомъ затрудненіи. Выручить читателя изъ такого затруднительнаго положенія и могъ бы, намъ кажется, тотъ критико - библіографическій обзоръ, который мы намѣрены предложить Вашему благосклонному вниманію. Я заранѣе ходатайствую передъ Вами о снисхожденіи къ моему скромному опыту. Наша задача была компилятивнаго характера; мы основывались на мнѣніяхъ такихъ компетентныхъ судей, какъ акад. В. М. Истринъ, А. Н. Пыпинъ, проф. А. С. Архангельскій, В. Н. Перетцъ, К. К. Арсеньевъ, А. И. Яцимирскій, А. Грузинскій, Сакулинъ, Шляпкинъ, какъ С. Ашевскій и др.

При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы мы, минуя двѣ указанныя выше категоріи (литературный хламъ и плохіе элементарные учебники), раздѣлили труды для удобства обозрѣнія на четыре слѣдующія группы: 1) научные труды и популярно-научные обзоры всей русской литературы, 2) популярно-научные обзоры и школьныя руководства, посвященные только нѣсколькимъ литературнымъ эпохамъ, 3) обзоры, посвященные только новой и новѣйшей литературѣ, и 4) новѣйшіе обзоры, интересные съ точки зрѣнія основного руководящаго принципа.

II.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ научныхъ и популярно-научныхъ трудовъ, посвященныхъ исторіи всей русской литературы.

Къ числу первыхъ попытокъ подробнаго изложенія народной словесности и подведенія итоговъ тому, что было сдѣлано раньше въ области древней русской словесности до начала XVI вѣка, надо отнести трудъ С. П. Шевырева [1]). Исторія русской словесности, въ 4 частяхъ. СПБ. 1887 г. ц. 6 руб. часть 1 и 2-ая, изд. 3-ье: LXX+164; ч. 3-ья и 4-ая, изд. 2-ое: XVI+223; 128. Приложено 2 палеографическихъ снимка.

Трудъ былъ написанъ Шевыревымъ добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла; однако нужно замѣтить, что въ немъ сказались существенные недостатки, хотя и не зависѣвшіе отъ автора. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда работалъ Шевыревъ, лучше были изслѣдованы памятники древней письменности, вслѣдствіе чего этотъ отдѣлъ и у Шевырева былъ разработанъ лучше и представлялъ результатъ важныхъ изслѣдованій. Памятники же устной словесности были хуже разработаны; поэтому и у Шевырева—въ этотъ отношеніи изслѣдованіе получилось поверхностное.

Къ числу недостатковъ надо отнести и то, что Шевыревъ преимущественно обращалъ вниманіе на духовную письменность; опять таки это вышло у него неволь-

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о первыхъ опытахъ исторіи русской литературы можно найти въ статьѣ акад. М. Сухомлинова. Ж. Мин. Нар. Пр. 1871 г. авг., 139—180 стр.

но, такъ какъ въ то время всѣ труды ученыхъ были обращены на духовныя произведенія, при чемъ мало обращали вниманія на старинныя повѣсти. Кромѣ того, то особенное вниманіе, какое оказывалъ Шевыревъ духовной письменности, объясняется особыми воззрѣніями Шевырева, увлекавшагося философіей Баадера, принадлежавшаго къ католической школѣ и пытавшагося философски обосновать догматику; эта философія особенно пришлась по душѣ Шевыреву. Наконецъ, „Исторія русской словесности" Шевырева отличается и методологическимъ недостаткомъ, на который указалъ Буслаевъ. Шевыревъ факты историко-литературные разсматриваетъ не въ историко-литературномъ порядкѣ, а фактическомъ, съ точки зрѣнія событій въ памятникахъ; напр., у него въ III-емъ томѣ не „житія святыхъ", а „святые по жизни". Разницу въ историческомъ появленіи памятниковъ Шевыревъ оставляетъ безъ вниманія, забываетъ цѣли историко-литературныя и преслѣдуетъ цѣли поучительныя, превознося и защищая русскую старину въ общихъ разсужденіяхъ.

Н. С. Тихонравовъ въ рѣчи, посвященной памяти С. П. Шевырева, такъ охарактеризовалъ значеніе трудовъ Шевырева.

„Шевыреву принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе на историческое изученіе языка и словесности. Если его „Исторія" древней русской литературы не свободна отъ сентиментальной идеализаціи древнерусской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первой попыткой представить полную картину историческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону одной идеею: но это была идея русской народности... Первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ допетровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнутъ изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя край-

нихъ патріотическихъ увлеченій и сентиментальной идеализаціи".

Кр. см. 1) Памяти С. П. Шевырева. Рѣчь Н. С. Тихонравова. Отчетъ Московскаго университета за 1864 г. 2) М. Сухомлиновъ. О трудахъ по исторіи русской литературы Ж. М. Н. Пр. 71 г. авг. 3) Перечень другихъ крит. статей см. въ „Библіографическомъ указателѣ" А. В. Мезіеръ.

Среди большихъ трудовъ по исторіи русской литературы, въ свое время претендовавшихъ на научную цѣнность и всѣмъ извѣстныхъ, надо отмѣтить исторіи Галахова, Порфирьева и Пыпина.

1) Галаховъ А. Д. Исторія русской словесности древней и новой въ 2-хъ томахъ. Изд. 3. СПБ. 1894 г. ц. 3 руб. I томъ въ 2 отдѣлахъ: отдѣлъ I—древнерусская словесность, 517 стр.; отдѣлъ 2: отъ Петра Великаго до Карамзина, 330 стр. II томъ: отъ Карамзина до Пушкина, 489 стр. 3-е изданіе—буквальная перепечатка второго.

Рецензія второго изданія А. Кирпичникова Ж. М. Н. Пр. 1880 г. 3 и А. С—скаго Ист. В. 1881 г. 1. Кромѣ того, Ж. М. Н. Пр. 69 г. № 2 статья Я. К. Грота и критика Н. С. Тихонравова „Отчетъ о XIX присужденіи наградъ графа Уварова" СПБ., стр. 13—136

А. Галаховъ. Исторія русской словесности. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 9. Москва 1900 г. 243+XXX. Ц. 1 р.

Учебникъ разобранъ 1) Кирпичниковымъ Ж. М. Н. Пр. 1880 г. мартъ, 2) М. К. (Колосовымъ) Рус. Фил. Вѣстн. 1880 т. 3. 3) Соврем. Изв. 1881 г. № 13 и 4) Христ. чтеніе 1886 г. № 7 и 8. Подробный перечень статей и замѣтокъ о трудѣ Галахова можно найти въ прекрасномъ трудѣ Венгерова: „Источникъ словаря русскихъ писателей" I т. 689 стр.

2) И. Я. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Казань. Часть I—древній періодъ: устная и книжная словесность до Петра, 724 стр. 2 руб. Изд. 8 (съ 5 безъ перемѣнъ). Казань 1900 г.

Часть II—новый періодъ: отдѣлъ 1—отъ Петра В. до Екатерины II 1907 г. изд. 5, 350 стр. 1 р. 50 к.; отдѣлъ

2—литература въ царствованіе Екатерины II, изд. 4. 1906 г. 417 стр. 2 р.; отдѣлъ 3—литература въ царствованіе Александра I, изд. 3. 1904. 251 стр. Ц. 1 руб. 20 коп.

Кр. см. 1) Рецензія въ Ист. В. 1881 г. 8 Ореста Миллера; 2) критическая статья А. И Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1882 г. 6; 3) Вѣстн. Европы 1891 г.—январь; 4) С. Шашкова. Народная поэзія и допетровская письменность. Дѣло. 1879, 11. 5) От. Зап. 1870 11; 6) Прав. Обозр. 1870, 11.

И. Порфирьевъ. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности, изд. 4. 314+III. Казань. 1904 г. 1 р 20 к.

3) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. I—древняя письменность; 537 стр. + XI. Т. II—древняя письменность, времена московскаго царства; канунъ преобразованій, 552 стр. + VI. Т. III—судьбы народной поэзіи; эпоха преобразованій Петра В.; установленіе новой литературы, Ломонсовъ, 543 стр.: + X. Т. IV. Времена императрицы Екатерины II. Девятнадцатый вѣкъ. Пушкинъ и Гоголь. Утвержденіе національнаго значенія литературы, 677 + IX. 1907 г. Изд. 3 безъ перемѣнъ, 10 руб.

Кр. см. 1) А. Архангельскій. Новый трудъ по исторіи русской литературы. Ж. М. Н. Пр. 1898, 9. 2) Его же. Труды академика А. Н Пыпина въ области исторіи русской литературы. Ж. М. Н. Пр. 1904 г. 2. 3) П. Полевой. Труды по исторіи литературы. Ист. Вѣстн. 98 г. 2. 4) Жизнь 1899 4. 5) Міръ Бож., 1898: 3 и 6; 1899, 2. 6) Рус. Мысль 1898—2, 99—3, 1902—10 и 11; 1903—8. 7). Вѣст. Восп. 1903—5; 8) Вѣст. Евр. 1897—11; 98—10; 99—10; 1902—10; 1907—3.

Въ первомъ изданіи трудъ Галахова подвергся суровой, но строго-научной образцовой критикѣ Н. С. Тихонравова (Собраніе сочиненій, т. 1). Во второмъ изданіи, переработанномъ согласно рецензіи Тихонравова, не получилось цѣльности ни въ планѣ ни въ изложеніи; трудъ представляетъ не связанные другъ съ другомъ одной идеей 5 отдѣловъ, написанныхъ разными лицами. Отдѣлъ повѣстей составленъ А. Н. Веселовскимъ. Отдѣлъ былинъ и историческихъ пѣсней составленъ О. Ѳ. Миллеромъ. Духовные стихи—А. И. Кирпичниковымъ. Пѣсни обрядо-

выя и бытовыя, сказки, пословицы, заговоры и загадки— И. О. Морозовымъ.

На основаніи исторіи Галахова, написанной 40 лѣтъ тому назадъ, конечно, нельзя въ настоящее время составить сноснаго представленія объ эволюціи русской литературы. Въ теченіе 40 лѣтъ наука сдѣлала много открытій и появился новый матеріалъ. Цѣлый рядъ недостатковъ, допущенныхъ Галаховымъ, Тихонравовъ въ свое время объяснилъ положеніемъ вещей: затрудненіями по изученію рукописей и источниковъ, большею частью не изданныхъ, массой безличныхъ литературныхъ произведеній которыя не подвергались еще исторической критикѣ, и вообще, крайней бѣдностью подготовительныхъ работъ по исторіи древней русской словесности. Эта бѣдность была такъ поразительна, что „преосв. Филаретъ высказалъ даже мысль, что для составленія подробной исторіи русской духовной литературы не настало пока время: недостаетъ еще много данныхъ" (соч. Тихонравова I, 124).

Кромѣ того, Галаховъ вышелъ изъ эстетической школы и съ ея точки зрѣнія оцѣнивалъ какъ древній такъ и новый періодъ русской литературы; между тѣмъ эстетическое направленіе уже отжило свое время. Поэтому трудъ Галахова, въ свое время очень почтенный и капитальный по массѣ фактовъ, надо въ настоящее время признать устарѣвшимъ какъ по матеріалу, такъ и по направленію.

Порфирьевъ, въ противоположность Галахову, стоитъ уже не на эстетической точкѣ зрѣнія, а на исторической; однако и его трудъ надо признать въ извѣстной степени устарѣвшимъ.

Особенно цѣнна 1 часть, представлявшая полный сводъ историко - литературныхъ данныхъ и снабженная весьма богатыми библіографическими примѣчаніями. При разборѣ произведеній древне - русской письменности авторъ приводитъ много выписокъ выдающихся мѣстъ изъ подлинниковъ и, какъ профессоръ духовной академіи

сообщаетъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о духовной и проповѣднической литературѣ. Включивъ въ литературу отдѣлъ проповѣдей, авторъ нерѣдко приводитъ такія проповѣди, которыя не характерны для эпохи. Можно указать и другіе случаи, когда авторъ включаетъ въ область исторіи литературы не относящійся сюда матеріалъ, какъ напр., исторію возникновенія двухъ теорій о происхожденіи Руси, филологическія толкованія въ XVIII в. и пр. Что касается новаго періода русской литературы, то Порфирьевъ не обнаруживаетъ широкаго пониманія. Онъ излагаетъ содержаніе произведеній, при чемъ изложеніе носитъ слишкомъ ужъ элементарный характеръ. На основаніи этой части нельзя составить правильнаго представленія о новомъ періодѣ. Въ общемъ трудъ Порфирьева въ лучшей, древней части служитъ цѣннымъ до сихъ поръ собраніемъ фактическаго матеріала; богатство библіографическихъ указаній и самостоятельность автора въ отдѣлѣ древней переводной литературы дѣлаетъ этотъ трудъ и въ настоящее время хорошей справочной книгой.

Послѣ Шевырева, Галахова и Порфирьева, которымъ приходилось работать при весьма скудныхъ источникахъ и пособіяхъ, появился цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій, касающихся русской, славянской и византійской литературы; появился рядъ изданій памятниковъ; выяснился составъ рукописныхъ собраній. И вотъ въ 90-хъ годахъ сдѣлалъ попытку дать новое изложеніе русской литературы и по особой схемѣ—А. Н. Пыпинъ, маститый публицистъ и впослѣдствіи академикъ.

Четырехтомное сочиненіе Пыпина преслѣдуетъ широкія и популярныя задачи; это не только научный, въ которомъ приняты во вниманіе въ большинствѣ случаевъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій, но и вмѣстѣ съ тѣмъ популярно - доступный для всякаго образованнаго читателя историческій обзоръ явленій русской литературы. Пыпинъ—убѣжденный западникъ и въ своихъ научныхъ работахъ онъ ведетъ борьбу со славянофильствомъ.

По отношенію къ древнему періоду онъ стремится доказать, что литературы до Петра не существовало, потому что не существовало мысли.

Точка зрѣнія Пыпина на допетровскій періодъ можетъ привести къ невѣрнымъ выводамъ и дать поводъ къ совершенно ошибочнымъ сужденіямъ. Послѣ выхода 1 тома, I изд. Н. Полевой въ своей статьѣ „Труды по исторіи литературы" заявилъ слѣдующее.

„Чрезвычайно любопытно, что при этомъ Пыпинъ положительно отрицаетъ всякое значеніе просвѣщенія, внесеннаго въ древнюю Русь Византіею и прочно-укоренившагося въ отдѣльныхъ центрахъ. Вмѣстѣ съ Голубинскимъ онъ пытается доказать, что попытка ввести къ намъ школьное ученіе была сдѣлана только Владиміромъ—и не повторялась потомъ, такъ что русскіе люди въ XI вѣкѣ оказались болѣе невѣжественными, чѣмъ въ X вѣкѣ, и вполнѣ соглашается съ выводомъ Голубинскаго, который утверждаетъ, что и до монгольскаго ига „непросвѣщеніе или невѣжество уже успѣло пріобрѣсти видъ нормальнаго положенія."

„Не можемъ понять, что побуждаетъ Пыпина отвергать признанные наукою факты, неопровержимые и неподлежащіе никакому отрицанію: образованность князей, книголюбіе ихъ, побуждающее къ собиранію большихъ библіотекъ и къ значительнымъ затратамъ на книги, распространенную во всѣхъ классахъ любовь къ чтенію, знаніе языковъ, приводившее къ тому, что многіе князья окружали себя греками, сами переводили и другихъ побуждали къ переводу книгъ, значеніе монастырей, какъ центровъ не только духовнаго, но и мірского просвѣщенія, и т. д.? Факты эти находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ несомнѣнномъ расцвѣтѣ литературномъ, который проявился у насъ въ XI и XII вѣкахъ, и указываютъ слишкомъ ясно, что просвѣщеніе, принесенное къ намъ изъ Византіи, пустило у насъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества—въ духовенствѣ, въ княже-

ской и дружинной средѣ) глубокіе корни и принесло обильный и цѣнный плодъ. Отвергнувъ значеніе и вліяніе (даже самое существованіе) этого просвѣщенія, Пыпинъ видитъ себя въ странномъ положеніи: онъ не можетъ себѣ объяснить появленіе въ древней Руси Иларіоновъ и Кирилловъ Туровскихъ, вынужденъ признавать нашу первоначальную лѣтопись явленіемъ диковиннымъ, чуть не единичнымъ, и на „Слово о полку Игоревѣ" смотритъ, какъ на памятникъ „загадочный".

По отношенію къ новому періоду Пыпинъ стремится доказать, что, во-первыхъ, Петровскія реформы не были насильственны и необходимо вытекали изъ предшествующаго періода и что, во-вторыхъ, вся послѣдующая исторія есть дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ, которыя были заложены въ Петровскихъ реформахъ. Въ изложеніи новой литературы Пыпинъ вообще болѣе объективенъ.

Историко-публицистическая точка зрѣнія автора, такъ сказать, искупается широтой его воззрѣній, выдержанностью основной точки зрѣнія, богатствомъ библіографическаго аппарата, яснымъ и простымъ изложеніемъ.

Систематическое изложеніе Пыпинъ довелъ въ своей книгѣ до половины XIX вѣка; дальнѣйшему же развитію русской литературы онъ посвятилъ одну небольшую главу, въ которой далъ общую характеристику литературнаго движенія.

Трудъ Пыпина прежде всего замѣчателенъ по схемѣ, въ которой онъ излагаетъ исторію.

„Въ древнемъ періодѣ русской литературы историкъ встрѣчается съ однимъ постояннымъ явленіемъ, котораго не можетъ не принять во вниманіе. Вслѣдствіе условій, въ какихъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда съ XI—XIII до XVII и даже XIX столѣтія; старые памятники заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія; напротивъ, новые примы-

кали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ. Исторія дѣлала свое; совершались событія, которыя бывали цѣлыми переворотами въ политической жизни народа, но письменность сохраняла тѣ же традиціонныя формы. Такова была лѣтопись; таковы были памятники паломничества; такова была литература церковнаго поученія, житія, наконецъ, отреченныхъ книгъ и т. д. Въ связи съ этимъ мы наблюдаемъ другое явленіе. Московская Русь, когда установилась въ обширное царство, оказалась на перепутьѣ: какъ бы въ предчувствіи новыхъ теченій національной жизни, она думала закрѣпить все старое содержаніе письменности, какъ національное достояніе, на которомъ воспитался русскій народъ и сталъ великимъ народомъ, и достояніе, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить и впредь, потому что въ немъ предполагалась вся истина. Эта мысль выразилась цѣлымъ рядомъ сборныхъ трудовъ: такова была „Степенная книга", которая въ обычной компилятивной формѣ хотѣла объединить изложеніе русской исторіи отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ; таковъ былъ „Хронографъ", который по старымъ и застарѣлымъ свѣдѣніямъ излагалъ русскому читателю всеобщую исторію; таковъ былъ „Азбуковникъ", который собиралъ изъ рукописей старыхъ и новыхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, составлявшія своего рода научную энциклопедію; таково было, наконецъ, громадное предпріятіе митрополита Макарія, который въ своихъ Четіихъ Минеяхъ хотѣлъ объединить всю старую русскую письменность въ порядкѣ Святцевъ... Такимъ образомъ при постановкѣ историко - литературнаго вопроса сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхожденію, потому что по существу оно имѣло внутреннюю связь и равную цѣнность для читателя. Простое хронологическое распредѣленіе памятниковъ „по вѣкамъ" въ этомъ смыслѣ не до-

стигаетъ цѣли, такъ какъ вынуждало бы къ постояннымъ возвращеніямъ назадъ. Вопросъ не безразличенъ, потому что съ извѣстной постановкой изложенія соединяется представленіе о внутреннемъ значеніи самыхъ явленій.“

„Нѣтъ сомнѣнія, что самая задача исторіи требуетъ вниманія къ хронологическому теченію фактовъ, но эта цѣль можетъ быть достигаема общими указаніями историческихъ періодовъ. Замѣтимъ, что самые факты древней письменности до сихъ поръ еще не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія, и въ древнемъ періодѣ иногда не опредѣлено даже, былъ ли памятникъ русскаго или южно-славянскаго происхожденія.“

Народная словесность въ трудѣ Пыпина помѣщена въ третьемъ томѣ, на рубежѣ древняго и новаго періодовъ русской литературы.

„Ставить изложеніе судьбы народной поэзіи въ началѣ цѣлой исторіи мы считали неудобнымъ, почти невозможнымъ, потому что обыкновенно мы знаемъ нашу народную поэзію почти только въ новѣйшей ея формѣ, когда она испытала на себѣ вліяніе всѣхъ послѣдовательныхъ вѣковъ исторіи, о которыхъ еще не было рѣчи; въ ней предстоитъ еще выдѣлять древнее отъ новѣйшаго, и этотъ предварительный трудъ до настоящаго времени далеко не законченъ, можно сказать, только начатъ.“

„Исторія новѣйшей литературы со временъ Петра или еще раньше, съ XVII вѣка, представляетъ совсѣмъ иную картину. Историкъ можетъ послѣдовательно наблюдать два исторически развивающіяся движенія: во-первыхъ, постоянное расширеніе европейскихъ вліяній, приносившихъ новый матеріалъ знанія и новыя литературныя формы, которыя были формами всей европейской литературы, и, во - вторыхъ, столь же постоянное расширеніе содержанія русской жизни въ этихъ литературныхъ

формахъ, сначала чуждыхъ и искусственныхъ, потомъ все болѣе привычныхъ."

„Хронологическая послѣдовательность исторіи не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію. Каждое поколѣніе имѣло своего великаго представителя и даже иногда не одного, въ области поэзіи, въ усовершенствованіи литературнаго языка, въ вопросахъ общественнаго просвѣщенія, и каждое поколѣніе представляло собою новый шагъ въ развитіи литературы. Имена Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина Гоголя давно стали историческими показателями знаменательныхъ моментовъ въ развитіи нашей новѣйшей литературы."

Пыпинъ излагаетъ исторію литературы по писателямъ, при чемъ біографическія данныя сообщаются кратко и приведены въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ главамъ. Такой пріемъ имѣетъ свои преимущества, такъ какъ у читателя получается болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о каждомъ писателѣ. Однако при такомъ пріемѣ изложенія возможны довольно существенные пробѣлы, такъ какъ изображеніе среды общественныхъ и культурныхъ условій, выясненіе основныхъ началъ журналистики по необходимости отодвигается на второй планъ, а на главное мѣсто выдвигается личность писателя.

Въ итогѣ мы приходимъ къ двумъ общимъ выводамъ.

Во - первыхъ, надо признать трудъ Пыпина солиднымъ сводомъ огромнаго количества спеціальныхъ изслѣдованій за 20—30 лѣтъ, въ которомъ авторъ излагаетъ только общую картину хода русской литературы, впервые представленной съ такой рельефностью.

Во - вторыхъ, какъ по указаннымъ выше особенностямъ изложенія Пыпина, такъ и по невозможности въ настоящее время, какъ мы упоминали въ первой лекціи, составить исторію русской литературы, удовлетворяющую

всѣмъ научнымъ требованіямъ и во всемъ ея объемѣ, слѣдуетъ помнить, что исключительное пользованіе однимъ трудомъ Пыпина не можетъ дать всесторонняго представленія о ходѣ русской литературы. И самъ Пыпинъ въ I томѣ высказывалъ мнѣніе, что содержаніе и методъ исторіи литературы еще не достаточно выяснены, что исторію литературы надо разрабатывать съ разныхъ точекъ зрѣнія и потому попытку написать полную исторію русской литературы слѣдуетъ вообще считать преждевременной или, говоря другими словами, трудъ Пыпина, хотя и весьма солидный, слѣдуетъ считать также опытомъ.

Особенности и значеніе труда Пыпина были мѣтко опредѣлены проф. А. Архангельскимъ въ статьѣ „Труды академика А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы“, написанной по поводу 50-лѣтія его научной дѣятельности и помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. за 1904 г., февраль (119 и 120 стр.)

Привожу выдержки изъ этой статьи.

„Трудъ Пыпина не представляетъ собой строго - научной, систематической „исторіи литературы“, полнаго строго - научнаго пересмотра всего литературнаго матеріала и систематическаго его изложенія; книга не даетъ „итоговъ“ въ точномъ, строгомъ смыслѣ слова. Какъ рядъ „очерковъ“, помѣщавшихся въ журналѣ на протяженіи болѣе 20-ти лѣтъ, трудъ, конечно, и не могъ дать этого, хотя при отдѣльномъ изданіи очерки были вновь пересмотрѣны и пополнены. Авторъ, впрочемъ, и ставитъ себѣ задачи другія. Его цѣлью было не столько произвести такой новый пересмотръ всему научному матеріалу, подвести строго - научный „итогъ“ всему сдѣланному,— сколько познакомить широкую публику съ общимъ характеромъ производящихся здѣсь работъ и изысканій, помочь оріентироваться въ нихъ образованному читателю, перенести ихъ результаты изъ кабинета спеціалиста въ среду „образованной массы читателей“. Какъ справедливо было замѣчено, исторія русской литературы—

„наука для многихъ“; но ея „серьезная популяризація“ можетъ быть выполнена лишь серьезнымъ ученымъ, лишь глубокимъ ученымъ и знатокомъ дѣла, обладающимъ къ тому же всѣмъ изяществомъ легкаго популярнаго изложенія. Именно такой „серьезной популяризаціей“ является разсматриваемый трудъ академика Пыпина. Общій характеръ своихъ „очерковъ“ указываетъ самъ авторъ въ предисловіи къ послѣднему тому: „Я имѣлъ въ виду—замѣчаетъ онъ здѣсь—читателя, болѣе или менѣе приготовленнаго, и предполагая основные факты извѣстными, въ особенности считалъ задачей—установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ связи съ событіями жизни государства, народа и общества. Этимъ опредѣлялось и расположеніе историческаго матеріала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я старался дать указанія о настоящемъ положеніи главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ“...

„Излишне прибавлять, что эти внутреннія соотношенія“ и „связи“ указываются въ разсматриваемыхъ очеркахъ съ полной глубиной научныхъ знаній и изученій предмета. Излагая въ своемъ цѣломъ, въ своихъ обширныхъ четырехъ томахъ, общій ходъ нашего литературнаго развитія, ходъ русской литературы отъ ея древнѣйшихъ, примитивныхъ зачатковъ до позднѣйшаго, „послѣгоголевскаго“ періода, полнаго ея художественнаго расцвѣта,—„Исторія русской литературы“ академика Пыпина намѣчаетъ лишь въ общихъ широкихъ контурахъ главные пункты этого длиннаго пути, даетъ общую картину историческаго развитія и роста, стараясь указать главнѣйшія, основныя черты совершавшагося движенія,—въ связи съ общимъ ходомъ исторической жизни страны, разнообразными и сложными условіями ея общественной жизни „съ событіями жизни государства, народа и общества“. Дѣлаемыя характеристики—какъ это понятно и само собой—не всегда представляютъ разультатъ ка

кихъ - либо новыхъ, самостоятельныхъ изученій и изслѣдованій; но всегда полны высокихъ достоинствъ сами по себѣ, всегда отличаются рельефностью и яркостью,—нерѣдко 2—3-мя страницами даютъ необычайно яркое освѣщеніе цѣлой эпохѣ, цѣлому литературному періоду... Среди другихъ имѣющихся у насъ общихъ курсовъ исторіи литературы,—трудъ Пыпина занимаетъ совершенно особое, отдѣльное мѣсто, рѣзко отличаясь отъ нихъ и своимъ общимъ характеромъ, направленіемъ, отчасти и самимъ объемомъ содержанія, доводя изложеніе до 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Предоставляя этимъ курсамъ (разумѣемъ, главнымъ образомъ, книги Галахова и Порфирьева) фактическую сторону предмета,—трудъ академика Пыпина старается дать собранному литературному матеріалу широкое прагматическое освѣщеніе, указать „внутреннее соотношеніе“ фактовъ и явленій. Въ этомъ отношеніи „Исторія русской литературы“ Пыпина является въ высшей степени цѣннымъ и существеннымъ ихъ дополненіемъ,—не только для образованнаго читателя, но и для каждаго начинающаго спеціалиста. Особенно цѣннымъ является трудъ въ послѣднихъ томахъ, въ изложеніи литературы XVIII и XIX вѣковъ. Своимъ общимъ характеромъ, основными задачами, которыя здѣсь поставлены,—эти послѣдніе томы труда А. Н. Пыпина напоминаютъ книгу Тэна по исторіи англійской литературы. Впрочемъ, нашъ авторъ хорошо сознаетъ крайности тэновской критики,—сознаетъ справедливость возраженій, сдѣланныхъ противъ него позднѣйшими историками литературы... Въ началѣ своего труда А. Н. Пыпинъ, указывая на ту сложность, которую приняли въ позднѣйшее время историко - литературныя изученія,—замѣчаетъ: „Множество новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ предметовъ, которые найдено было нужнымъ привлечь къ „историко - литературному“ изученію, было таково, что старыя рамки этого изученія уже вскорѣ оказались слишкомъ тѣсными и непригодными.“ Съ не-

обычайнымъ расширеніемъ объема предметовъ, мало-по-малу потребовавшихъ себѣ мѣста въ изученіи литературы,— „необходимо измѣнилась самая постановка ея исторіи. На ея мѣсто становилось теперь что-то новое, далеко превышавшее ея прежніе размѣры; но это новое было такъ широко и разнообразно, что ученая критика и до сихъ поръ не выработала точнаго разграниченія отраслей новаго знанія и его цѣльнаго опредѣленія... Историко-литературная критика различнымъ образомъ вступала на новые пути, что́ указываетъ несомнѣнно на будущее глубокое измѣненіе цѣлаго метода“... „Исторія русской литературы Пыпина общимъ своимъ характеромъ и направленіемъ старается поставить русскаго читателя на эти „новые пути“,—и въ этомъ ея большая научная заслуга.“

Въ послѣднее время въ Москвѣ была сдѣлана попытка составить такой новый сводъ историко-литературнаго матеріала въ одно цѣлое, который могъ бы дать представленіе о русской литературѣ болѣе или менѣе всестороннее и во всемъ объемѣ. Такъ какъ выполненіе подобной задачи не подъ силу отдѣльному лицу, то для осуществленія задуманнаго грандіознаго предпріятія были привлечены почти всѣ русскіе ученые. Тутъ я имѣю въ виду изданіе товарищества Сытина и „Міръ“: „Исторія русской литературы“.

„Народная словесность“ подъ редакціей Е. В. Аничкова, 428 стр. 1908 г. Ц. 6 руб.

„Русская литература до XIX в.“ подъ редакціей А. К. Бороздина 1910 г. Ц. 6 руб.

„Исторія русской литературы XIX в.“ подъ редакціей профессора Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и П. Н. Сакулина т. I—430 стр., т. II—431 стр., т. III--503 стр., т. IV.

„Народная словесность“ ни больше ни меньше, какъ историко-литературная хрестоматія въ родѣ извѣстныхъ хрестоматій Покровскаго, т. е. сборникъ небольшихъ

отдѣльныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій, расположенныхъ въ случайномъ порядкѣ; въ нихъ довольно трудно разобраться тѣмъ неподготовленнымъ читателямъ, на которыхъ повидимому разсчитана книга. Довольно трудно, напр., усмотрѣть связь въ такомъ планѣ изложенія: заговоры, христіанскія легенды, сказки, былины, духовные стихи, историческія пѣсни, народная драма, псалмы и гимны сектантовъ. Помимо весьма неудачнаго расположенія матеріала и нѣкоторыхъ пробѣловъ, критика уже отмѣтила довольно много существенныхъ недостатковъ во многихъ статьяхъ этого тома.

Статью А. Бороздина объ изученіи русской народной словесности признаютъ „блѣднымъ и вялымъ очеркомъ“; въ статьѣ М. Халанскаго о сказкахъ находятъ очень мало „научной правды“; про статью Сергѣя Городецкаго „Сказочныя чудища“ говорятъ, что она написана „съ чисто хлестаковскою развязностью“; о статьѣ Александра Блока „Поэзія заговоровъ и заклинаній“ говорятъ, что она представляетъ собой „ученическую работу на заданную тему, написанную въ превыспреннемъ стилѣ“. Двѣ статьи А. Бороздина о былинахъ составлены по шаблону „обычнаго средне - учебнаго изложенія“. Хорошими статьями признаются статьи Е. Аничкова, знатока народной поэзіи: „Народная поэзія и древнія вѣрованія славянъ“, „Христіанскія легенды въ народной передачѣ“, „Пѣсня“ (Вѣст. Восп. 1909 г., № 5).

Несмотря на указанные существенные недостатки, „Народная словесность“, какъ систематизація прежнихъ изученій устной словесности, тѣмъ не менѣе прочтется съ интересомъ и даже съ пользой, если имѣть въ виду отсутствіе другихъ научно - популярныхъ систематизацій.

„Исторіи русской литературы до XIX в.“ Бороздинъ предпослалъ введеніе, посвященное разсмотрѣнію такихъ вопросовъ, какъ опредѣленіе литературы, методы и пріемы изученія литературныхъ произведеній, развитіе историческаго изученія русской литературы. Однако опредѣ-

леннаго и яснаго отвѣта на поставленные вопросы авторъ не далъ и оставилъ читателя въ недоумѣніи, какое же именно произведеніе можно назвать литературнымъ. Статья о пріемахъ изученія литературныхъ произведеній слишкомъ поверхностна, и вопросъ не исчерпанъ. Перечень популярныхъ изданій и школьныхъ учебниковъ по исторіи русской литературы необыкновенно скуденъ, а отзывы объ учебникѣ Галахова и книгѣ берлинскаго профессора А. Брикнера совсѣмъ не вѣрны; въ настоящее время Галаховъ уже устарѣлъ и довольствоваться имъ нельзя, а Брикнеръ составилъ „исторію" совсѣмъ „не очень хорошо", а очень плохо, потому что древняго періода совсѣмъ не понялъ и вообще изложилъ исторію весьма тенденціозно. Общій обзоръ исторіи русской литературы до XIX в., составляющій первую главу, написанъ по типу обычныхъ учебниковъ и по шаблону. Исторія древней русской письменности обстоятельнѣе изложена, полнѣе и въ болѣе свѣжемъ освѣщеніи въ учебникѣ Келтуялы. Свѣдѣній собщается или не больше того, что изложено въ учебникахъ, или даже меньше. Фактическій матеріалъ чаще всего случайный. Въ такихъ главахъ, какъ напр. о Ломоносовѣ, о Фонвизинѣ, очень много біографическаго матеріала и очень мало историко-литературнаго освѣщенія. Мало подготовленный читатель на основаніи даннаго Бороздинымъ матеріала такъ и не дастъ себѣ отчета въ томъ, какое же мѣсто занимаютъ, напр., Ломоносовъ, Фонвизинъ и др. въ исторіи русской литературы. Общія характеристики слабы и безжизненны. Единственнымъ достоинствомъ слѣдуетъ признать великолѣпныя иллюстраціи, которыя, по мнѣнію Яцимирскаго, „годятся развѣ для показыванія учащимся этой книги на урокахъ, но не больше."

„Исторія русской литературы XIX в." составляетъ коллективную работу цѣлаго ряда изслѣдователей литературы подъ общей редакціей проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

О каждомъ вопросѣ пишетъ человѣкъ, спеціально изучившій его. Изданіе иллюстрируется хорошо исполненными портретами. Въ виду тѣсной связи русской литературы съ жизнью и общественно - политическими условіями исторія литературы разсматривается въ тѣсной связи съ общими историческими условіями. Поэтому прежде всего въ „Исторіи" дается историческій очеркъ каждой эпохи, въ которомъ обрисовано направленіе правительственной политики и общественной атмосферы. Затѣмъ слѣдуютъ обзоры умственныхъ теченій данной эпохи (философскихъ направленій, общественныхъ идей, идеологій) и литературныхъ направленій и школъ эпохи. Вслѣдъ за этимъ даются характеристики наиболѣе важныхъ писателей данныхъ эпохъ. Здѣсь Вы встрѣтите имена всѣхъ русскихъ ученыхъ. Это изданіе еще не закончено; вышли три тома, печатается IV-ый.

Всѣ ждали, что это изданіе будетъ самой лучшей исторіей, гдѣ соединены научность и популярность изложенія съ полнотою и обстоятельностью.

Однако по мѣрѣ того, какъ выходили и выходятъ отдѣльные выпуски, постепенно критикой овладѣваетъ нѣкоторое разочарованіе; критика ждала болѣе солиднаго труда. Общая схема построенія заслуживаетъ полнаго одобренія, однако сразу бросается въ глаза разнородность въ характерѣ статей: однѣ изъ нихъ очень почтенныя научныя изслѣдованія; другія носятъ характеръ оригинальныхъ статей; нѣкоторыя по содержанію своему случайны и далеко не могутъ быть признаны исчерпывающими, чего несомнѣнно ждетъ читатель. Кромѣ разнородности въ характерѣ статей, къ недостаткамъ „Исторіи" надо отнести отсутствіе строгой объективности; на очень многихъ статьяхъ слишкомъ замѣтенъ публицистическій налетъ въ большей или меньшей степени.

Это не объективно изложенная исторія, а рядъ болѣе или менѣе интересныхъ очерковъ авторовъ опредѣленныхъ направленій. Преобладающій лейтъ - мотивъ—діа-

лектическій матеріализмъ. Мысли весьма часто не доказываются. Напр., Л. Мартовъ въ очеркѣ „Общественныя и умственныя теченія 70-хъ годовъ“, въ IV гл.—„либерализмъ, націонализмъ и реакціонныя теченія“ пишетъ:

„Къ концу десятилѣтія (шестидесятыхъ годовъ), по мѣрѣ того, какъ революціонное движеніе интеллигенціи пріобрѣтало непосредственно - политическій характеръ и стало оказывать возбуждающее вліяніе на общество, либеральная публицистика почувствовала подъ ногами нѣкоторую почву и стала выступать увѣреннѣе какъ въ своей оппозиціи правительству, такъ и въ своей критикѣ революціоннаго русскаго соціализма и европейскихъ соціалистическихъ доктринъ (статьи А. Градовскаго, Чечерина, Ю. Жуковскаго)“. „Научная цѣнность этой критики, говоритъ г. Мартовъ, представляется, однако, невысокой.“

Однако доказательства этого положенія Мартовъ не приводитъ. Въ итогѣ Мартовъ взамѣнъ всесторонняго понятія объ общественныхъ и умственныхъ теченіяхъ 70-хъ годовъ даетъ лишь понятіе о революціонныхъ теченіяхъ отъ Бакунина до марксизма. Это теченіе, конечно, само по себѣ интересно, но имъ вѣдь не исчерпывается данная эпоха. О другихъ теченіяхъ свѣдѣній читатель не находитъ. (Газета Россія, 1910 г. 16 декабря.)

Въ общемъ все - таки надо признать, что многія статьи даютъ читателю очень цѣнныя свѣдѣнія и обобщенія. Особенно цѣннымъ и полезнымъ слѣдуетъ признать отдѣлъ библіографіи. Съ внѣшней стороны изданіе исполнено превосходно; оно великолѣпно иллюстрировано художественно исполненными портретами писателей.

Когда въ 1905 г. въ Ж. М. Нар Просв. (іюль—августъ) была опубликована новая программа по исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній, стали появляться учебные курсы, составленные примѣнительно къ новой программѣ. Къ числу такихъ учебныхъ руководствъ прежде всего надо отнести трудъ В. В. Сиповскаго.

В. В. Сиповскій. Исторія русской словесности. Часть I: 1 вып. 145 стр.—60 коп.; 2-ой вып. 251 стр.—1 руб.; часть II 334 стр. 1 р. 30 коп.; (съ эпохи Петра до эпохи Александра I); ч. III: вып. I—(Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій)—1 р. 20 коп.; 2 в. 330 стр.—1 р. 25 к. (очерки русской литературы XIX ст. 40—60 годовъ).

Отдѣльные выпуски „Исторіи русской словесности“ В. В. Сиповскаго сейчасъ же по выходѣ въ свѣтъ подверглись основательной и жестокой критикѣ, главнымъ образомъ, со стороны проф. Архангельскаго и академ. Истрина [1]).

Прежде всего была выяснена полная ненаучность въ созданіи схемы древней литературы и въ раздѣленіи ея на церковную, полуцерковную и свѣтскую. Былъ сдѣланъ цѣлый рядъ фактическихъ поправокъ, указаны пробѣлы въ содержаніи, небрежность въ изложеніи, неточности и неровности въ стилѣ. Было указано на то, что черты византійской литературы смѣшаны съ чертами русской литературы; что даны не совсѣмъ правильныя свѣдѣнія о лѣтописи; что отдѣлъ житій былъ представленъ вопреки историческому положенію вещей; что точка зрѣнія; то историческая, то поэтическая вносятъ путаницу; что понятіе легенды взято изъ исторіи западно - европейской литературы и т. д. и т. д.

Многія замѣчанія, въ свое время сдѣланныя критикой, въ настоящее время потеряли свое значеніе, такъ какъ въ новыхъ изданіяхъ своихъ выпусковъ Сиповскій принялъ во вниманіе если и не всѣ, то во всякомъ случаѣ большинство сдѣланныхъ ему замѣчаній, устранилъ прежніе дефекты и болѣе внимательно обработалъ свой трудъ, вслѣдствіе чего его „Исторія“ въ новыхъ изданіяхъ представляетъ значительно исправленный трудъ.

[1]) А. Архангельскій. Замѣтки на программу по исторіи русской литературы и теоріи словесности. Ж. М. Н. Пр. 1906 г. апрѣль, май, іюнь, іюль. В. М. Истринъ. Новая програма курса русской словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Ж. М. Н. Пр. 1906—іюль, декабрь; январь 1907 года.

Сиповскій предназначилъ свой трудъ для учениковъ средней школы. Однако, если считать „Исторію“ Сиповскаго руководствомъ для учениковъ средней школы, то на повѣрку она окажется въ однихъ мѣстахъ слишкомъ пространной, въ другихъ мѣстахъ содержащей отчасти много лишняго, отчасти много малодоступнаго. Для студентовъ же университета трудъ Сиповскаго окажется слишкомъ элементарнымъ, мало обстоятельнымъ и вообще недостаточнымъ.

Во введеніи къ 1-ой части, 1—выпуску, Сиповскій разъясняетъ такіе вопросы, какъ напр., языкъ, словесность, письменность и литература, происхожденіе народной поэзіи и др. Несомнѣнно эти явленія нуждаются въ выясненіи. Однако смыслъ ихъ едва ли будетъ доступенъ тѣмъ ученикамъ V класса, для которыхъ они предназначаются, особенно въ той формѣ, въ какой ихъ излагаетъ Сиповскій. Характеристика этихъ явленій получилась слишкомъ и слишкомъ краткой, а потому она едва ли способна выяснить мало подготовленнымъ читателямъ ихъ сущность.

Въ распредѣленіи матеріала по народной словесности въ сущности говоря новизны нѣтъ. Духовные стихи и легенды по старому обычаю выдѣлены. Введены только новые отдѣлы, какъ напр., „Зачатки русской народной драмы“, очеркъ написанный Н. Н. Виноградовымъ, и глава о современной народной пѣснѣ, такъ называемой частушкѣ. Авторъ весьма доброжелательно относится къ частушкѣ, что едва ли справедливо.

„Новыя поколѣнія—говоритъ Пыпинъ—становятся равнодушнѣе къ старинѣ, искажаютъ ее и предпочитаютъ безвкусныя или прямо дурныя пѣсни новаго сложенія, трактирныя и фабричныя. Современные наблюдатели народной жизни указываютъ цѣлую формацію новѣйшихъ пѣсенъ въ этотъ направленіи, съ грубой формой и столь же грубымъ содержаніемъ, нерѣдко лишь въ нѣсколько стиховъ, почему онѣ называются „частушками“

„сбирушками“, „вертушками“ и другими наименованіями, въ которыхъ, между прочимъ, также сказалось ихъ случайное уличное и трактирное происхожденіе. Отношеніе къ этимъ пѣснямъ у собирателей и критиковъ двоякое: однимъ кажется униженіемъ достоинства народной поэзіи собираніе и сохраненіе этихъ произведеній, представляющихъ только письменное искаженіе ея чистаго преданія; другіе считаютъ этотъ взглядъ несправедливымъ и видятъ здѣсь, правда, еще не установившійся, но здоровый переходный моментъ къ новому развитію.“ („Исторія русской литературы”, СПБ. 1902 г., стр. 95—96).

При составленіи отдѣла о народной словесности Сиповскій главнымъ образомъ использовалъ работу проф. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности“ и труды Буслаева, А. Веселовскаго и Жданова, при чемъ отбросилъ измышленія „миѳологической школы“.

Въ книжкѣ такимъ образомъ собраны наиболѣе устойчивые результаты современнаго изслѣдованія, вслѣдствіе чего устная словесность въ учебникѣ впервые поставлена на строго научную почву, за что мы Сиповскому должны сказать великое спасибо. Компиляція получилась весьма удачная. Лучшаго учебника по народной словесности мы пока не могли бы указать.

Исторія русской литературы изложена у Сиповскаго, какъ рядъ моментовъ изъ жизни русскаго слова,—„моментовъ“, которые отразили на себѣ послѣдовательныя эпохи культурной жизни. „Въ этомъ постоянномъ тѣсномъ связываніи литературы съ культурой“, говоритъ авторъ:—„особенность моей книги; мнѣ хотѣлось бы въ этомъ видѣть и ея достоинство.“

Сиповскій предлагаетъ дѣленіе исторіи русской литературы на періоды „сообразно историческимъ эпохамъ“. „Литературное произведеніе всегда было и будетъ выраженіемъ настроеній той эпохи, которой оно принадлежитъ. Поэтому изученіе литературы всегда тѣсно связано съ знаніемъ исторіи общества, эту литературу со-

здавшаго. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, нетрудно замѣтить, что въ прошломъ наша историческая жизнь знаетъ нѣсколько культурныхъ эпохъ, съ своеобразными особенностями"...

Первымъ „моментомъ" Сиповскій считаетъ періодъ „Кіевской Руси" хотя бы потому, что центръ тогдашней культурной жизни сосредоточивался главнымъ образомъ въ Кіевѣ.

Второй моментъ—періодъ сѣверо-восточной Руси (переходной отъ Кіева къ Москвѣ XIII—XV вв.). Возвышеніе Москвы, централизація Руси и выработка новыхъ своеобразныхъ идеаловъ—третій моментъ (отъ XV до XVII в.). XVII вѣкъ—культурный переломъ въ исторической жизни московской Руси—эпоха пробужденія въ русскомъ обществѣ самосознанія—4-ый моментъ. Вся первая половина XVIII в., когда культура поддерживалась свыше, когда нѣсколько личностей вели русскую цивилизацію на помочахъ,—пятый моментъ.

Въ эпоху Екатерины дѣло просвѣщенія изъ рукъ отдѣльныхъ личностей переходитъ въ руки общества—это шестой моментъ. Александровская Россія съ ея подъемомъ самосознанія, общественнаго и національнаго, была седьмымъ моментомъ. Эта эпоха выдвинула Пушкина, который сосредоточилъ въ себѣ всѣ теченія старины и намѣтилъ всѣ настроенія литературной жизни XIX вѣка.

Эпоху до XIII в., которую Сиповскій называетъ Кіевскимъ періодомъ, правильнѣе было бы назвать эпохой Руси до-монгольской. Авторъ пользовался книгой Владимірова, который древній періодъ русской литературы называетъ Кіевскимъ. Но это лишь личное мнѣніе Владимирова, далеко не общепринятое въ наукѣ и встрѣтившее вполнѣ основательное возраженіе такихъ знатоковъ, какъ Истринъ и Архангельскій. Дѣло въ томъ, что терминъ „кіевскій" слишкомъ узокъ. „Кіевскій" центръ былъ важнѣйшимъ центромъ нашей начальной, до-мон-

гольской литературы, но далеко не исключительнымъ и единственнымъ. Теперь уже хорошо извѣстно, что были областныя литературы (памятники новгородскіе, туровскіе, смоленскіе и т. д.)

О начальныхъ областныхъ росткахъ возникавшей литературы, росткахъ, которые пробивались одновременно разомъ въ самыхъ различныхъ пунктахъ сѣверной и южной Руси, въ настоящее время уже пора говорить съ полной опредѣленностью.

Все изложеніе литературы періода сѣверо-восточной Руси, т. - е. переходнаго отъ Кіева къ Москвѣ (XIII—XV вв.), въ общемъ цѣнно. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что характеристика литературы цѣлыхъ 2-хъ вѣковъ чуть-ли не впервые появляется въ учебникѣ; въ прежнихъ учебникахъ этотъ періодъ исчезалъ въ изложеніи. Однако слѣдуетъ отмѣтитъ и то, что изложеніе этого періода вышло всё - таки хаотичнымъ, каковая особенность обуславливается тѣмъ, что выясненіе этой эпохи представляетъ значительныя затрудненія и для ученой работы. Далѣе нѣсколько въ скомканномъ видѣ получилось изложеніе періода Московскаго; XV вѣкъ какъ - то исчезъ, какъ и раньше куда - то исчезъ XIV вѣкъ. Одно весьма интересное явленіе XV—XVI вѣковъ, такъ назыв. „теорія третьяго Рима“, развито безъ надлежащей обстоятельности; пробу болѣе цѣлесообразнаго и, кстати сказать, весьма интереснаго изложенія этого вопроса предлагаетъ акад. Истринъ —(„Новая программа“, 9—16 стр.).

При изложеніи четвертаго періода, а именно культурнаго перелома въ исторической жизни Московской Руси—XVII в.,—авторъ мало удѣляетъ вниманія культурной исторіи и борьбѣ латинскаго вліянія съ греческимъ.

Изъ XVII в. Сиповскій сдѣлалъ отдѣльный, самостоятельный періодъ на томъ основаніи, что XVII в. есть особый „историческій моментъ русской культуры“. Съ этимъ положеніемъ проф. Архангельскій никакъ не можетъ согласиться.

„Замѣтимъ, говоритъ проф. Архангельскій, что „историческій моментъ культуры“ не есть еще моментъ и для исторіи литературы“; культурно-историческіе моменты не всегда являются показателями таковыхъ же „моментовъ“—новыхъ, особыхъ періодовъ—и въ области „литературы“. Общія разнообразныя условія культурной жизни и область жизни литературной, конечно, тѣсно соприкасаются, взаимно вліяютъ одна на другую; но обѣ сохраняютъ часто свою самостоятельность, каждая живетъ своей особой, самостоятельной жизнью,—отсюда эпохи процвѣтанія литературы далеко не всегда совпадаютъ съ періодами большого культурнаго и общественнаго развитія народа и наоборотъ“...

Далѣе, Сиповскій не сообщилъ достаточныхъ свѣдѣній о переводной литературѣ Московской Руси, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе, будто всѣ отмѣченные тамъ переводные памятники перешли въ Москву черезъ юго-западную Русь.

По этому поводу проф. Архангельскій заявляетъ, что въ Москвѣ дѣлались и свои собственные переводы съ того же польскаго языка, и что были и непосредственныя обращенія къ западу. Вообще трудно провести рѣзкую границу, точно указать для большинства памятниковъ переводной литературы, что перешло къ намъ черезъ юго-западную Русь и что переведено прямо въ Москвѣ. Помимо того, слѣдовало бы указать, что многіе переводы, и притомъ наиболѣе ранніе, шли къ намъ и черезъ Новгородъ. По указанію Соболевскаго, переводы Новгорода начинаются уже со второй половины XV вѣка, и какъ въ этомъ, такъ и въ началѣ слѣдующаго столѣтія „Новгородъ энергично работаетъ надъ переводами“... Со второй четверти XVI вѣка „Новгородъ сходитъ со сцены“,—и „переводная дѣятельность сосредоточивается въ Москвѣ“. Въ XVII в. Москва „уже одна занимается переводами“... Что касается переводческой роли юго-западной Руси—Соболевскій отводитъ ей, напротивъ, самую

невидную роль. Трудовъ, которые были переведены на церковно - славянскій языкъ въ южной и западной Россіи и могли свободно быть читаемы великорусскими читателями,—„было совсѣмъ мало“, говоритъ изслѣдователь. „Южно и западно - русскіе образованные люди въ XVII вѣкѣ владѣли польскимъ языкомъ лучше, чѣмъ церковно - славянскимъ, и если переводили съ какого-нибудь западно - европейскаго языка, то чаще всего не на церковно - славянскій, а на польскій языкъ.“ (Ссылка Архангельскаго на трудъ Соболевскаго: Западное вліяніе въ московской литературѣ XV—XVII вв.).

Вообще важность вопроса требовала бы болѣе обстоятельныхъ и болѣе ясныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, которыя сообщены въ учебникѣ.

Въ свою книгу Сиповскій ввелъ такой матеріалъ, какъ переводные романы и оригинальныя повѣсти, что заслуживаетъ особеннаго одобренія. Раньше въ учебникахъ помѣщались жалкіе обрывки свѣдѣній о повѣствовательной литературѣ. Теперь пользующійся учебникомъ Сиповскаго составитъ себѣ понятіе о возникновеніи и постепенномъ развитіи этой литературной формы въ древней русской литературѣ и о переходѣ ея въ романъ

Резюмируя все сказанное о I части (вып. I и вып. II) учебника Сиповскаго, акад. Истринъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Учебникъ по исторіи допетровской литературы Сиповскаго выгодно отличается отъ всѣхъ существующихъ тѣмъ, что онъ построенъ на новыхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Онъ не повторяетъ старыхъ словъ Галахова, Порфирьева и др., но даетъ намъ новую картину развитія русской литературы. Такимъ образомъ мы видимъ первый опытъ соприкосновенія школы съ наукой, отъ которой первая усиленно до сихъ поръ сторонилась.

2) Учебникъ выгодно отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ него внесена идейность. Авторъ хочетъ дать эволюцію литературы и такъ или иначе старается связать

отдѣльныя эпохи между собой. Допетровская литература является не соединеніемъ случайныхъ произведеній, но временами объединенной извѣстнымъ направленіемъ.

3) Въ изложеніи и въ отношеніи къ литературнымъ явленіямъ ярко выдѣляется симпатія къ нимъ со стороны автора. На каждой страницѣ обнаруживается, что авторъ убѣжденно цѣнитъ допетровскую литературу; учебникъ сливается съ самимъ авторомъ, что, несомнѣнно, будетъ подкупать ученика.

4) Похвальное, но напрасное стремленіе искать признаковъ поэзіи также портитъ дѣло, такъ какъ отодвигаетъ на второй планъ хронологическій методъ. Насильственное навязываніе воображаемыхъ, а иногда даже и истинныхъ поэтическихъ красотъ совершенно безполезно и, наоборотъ, заставляетъ скептически относиться къ восторгамъ автора.

5) Хронологическое изображеніе литературы далеко не проведено съ должной ясностью и послѣдовательностью; нѣкоторые вѣка исчезли, другіе смѣшаны.

6) Недостаточно обращено вниманіе на культурное состояніе общества и на различные общественные вопросы той или другой эпохи. Вмѣсто этого, объемъ напрасно увеличился отъ пересказа многихъ лишнихъ для учебника произведеній.

Другихъ замѣчаній акад. Истрина мы не приводимъ, такъ какъ съ выходомъ въ свѣтъ переработаннаго труда Сиповскаго эти замѣчанія потеряли свою силу.

Оба выпуска первой части „Исторіи" Сиповскаго представляютъ собой компиляціи. Вторая же часть во многихъ отдѣлахъ представляетъ результаты собственныхъ наблюденій и изслѣдованій автора. Сообщенныя свѣдѣнія не вызываютъ никакихъ возраженій. Однако нельзя того же сказать относительно чисто внѣшняго, механическаго распредѣленія матеріала въ Екатерининскую эпоху. Эта схематичность, не имѣющая подъ собой никакой научной почвы, легко можетъ только затемнить

историческую перспективу, такъ какъ направленія, намѣченныя Сиповскимъ, отвергнуты наукой. Наука въ лицѣ Незеленова („Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“), въ лицѣ Алекс. Веселовскаго и въ лицѣ Пыпина отвергала эти направленія. Поэтому правильнѣе было бы подчеркнуть то, что въ литературѣ екатерининскаго времени не было, собственно говоря, никакихъ строго и рѣзко опредѣленныхъ направленій.

„Въ русской общественной и литературной жизни, вторая половина XVIII столѣтія, обозначаемая обыкновенно именемъ императрицы Екатерины II,—отличается значительнымъ разнообразіемъ... Это разнообразіе достаточно замѣтно для того, чтобы ограничить порывы того смѣлаго историка литературы, который стремится раздѣлить всю совокупность идей и направленій екатерининскаго времени на рядъ правильныхъ и рѣзко очерченныхъ группъ. Такого рѣзкаго раздѣленія не можетъ быть въ этомъ сложномъ вихрѣ идей и направленій“, говоритъ проф. И. И. Замотинъ. Если же принять во вниманіе главные факторы, вліявшіе на эпоху, продолжаетъ проф. Замотинъ, то не внося излишней сложной классификаціи въ характеристику эпохи, можно опредѣлить всю совокупность Екатерининской литературы тремя стихіями: энциклопедизмомъ, націонализмомъ и исканіемъ новыхъ литературныхъ формъ и понятій. (И. И. Замотинъ. Литературныя эпохи XIX столѣтія). Далѣе, въ вопросѣ о нашемъ псевдоклассицизмѣ, для ясности дѣла, слѣдовало подчеркнуть мысль, что онъ у насъ не представляетъ какой - либо рѣзкой послѣдовательно выдержанной литературной теоріи. „Чаще всего это было лишь внѣшними, условными рамками литературы, своего рода принятымъ въ обществѣ костюмомъ, обязательнымъ для писателей,—при чемъ, облекаясь въ этотъ костюмъ, каждый писатель, болѣе талантливый и даровитый, могъ оставаться самимъ собой... Уже Ломоносовъ для своего времени былъ не столько „псевдоклассикомъ“, сколько

дѣйствительнымъ „поэтомъ“, дававшимъ современникамъ дѣйствительную „поэзію“.

Изложивъ довольно обстоятельно „Александровскій періодъ русской литературы“ и раздѣливъ его съ нѣкоторыми натяжками и искусственностью на сентиментально - реалистическое, романтическое, ложноклассическое, реалистическое и народническое направленія, Сиповскій заканчиваетъ вторую часть своей „Исторіи“ краткой характеристикой русской литературы Александровскаго періода.

Первый выпускъ третьей части Сиповскій посвятилъ Пушкину, Гоголю и Бѣлинскому.

Совершенно справедливо подчеркивая, что Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій крупнѣйшія явленія въ исторіи русской литературы, авторъ въ своемъ учебномъ руководствѣ больше всего мѣста отводитъ характеристикѣ этихъ трехъ великихъ русскихъ писателей. Они не только объясняютъ всё въ прошломъ русской литературы, но и даютъ ключъ къ разумѣнію всей послѣдующей литературы. Литературная дѣятельность Пушкина изложена не по литературнымъ видамъ, какъ у Саводника, а по періодамъ: въ Александровскую эпоху и въ Николаевскій періодъ.

Дѣятельность Гоголя разсмотрѣна по тремъ періодамъ его литературной дѣятельности. По указаннымъ выше основаніямъ Сиповскій далъ болѣе или менѣе детальный анализъ произведеній Пушкина и Гоголя.

Связавъ органически дѣятельность Пушкина и Гоголя съ исторіей русскаго народнаго, письменнаго и книжнаго творчества предшествующихъ вѣковъ, авторъ въ послѣднемъ выпускѣ своего труда, озаглавленномъ „Очерки русской литературы XIX ст. 40-хъ—60-хъ, годовъ“, выясняетъ тѣ литературные результаты, къ которымъ привела русскую литературу въ XIX в. дѣятельность трехъ названныхъ писателей.

Всѣхъ писателей XIX в. авторъ дѣлитъ на двѣ

школы: пушкинскую и гоголевскую. Къ пушкинской школѣ относятся писатели—скорбники, (Лермонтовъ, Огаревъ, Тютчевъ), писатели школы „искусство для искусства“ (Майковъ, Полонскій, Фетъ, гр. А. Толстой), поэты народники (Кольцовъ, Некрасовъ) и писатели—реалисты. Къ Гоголевской школѣ относятся писатели—обличители (Григоровичъ, Герценъ, Тургеневъ, Гончаровъ и Островскій) и писатели—моралисты (гр. Л. Толстой и Достоевскій).

Приведенная схема для русской литературы XIX в. должна быть признана весьма искусственной, схоластичной и непріемлемой. Кромѣ того, изъ приведенной схемы обнаруживается, что Сиповскій вмѣсто „направленій“, о которыхъ раньше съ особенной любовью говорилъ, говоритъ уже о Пушкинской и Гоголевской школахъ. Приходится также въ значительной степени пожалѣть, что списокъ разобранныхъ писателей далеко не полонъ: ни Сергѣя Аксакова, ни Писемскаго, ни Никитина, ни Мельникова нѣтъ.

Историческая перспектива и общественное значеніе важнѣйшихъ моментовъ въ литературѣ второй половины XIX в. не выяснены, вслѣдствіе чего послѣдній выпускъ „Исторіи“ значительно теряетъ свою цѣнность.

Въ характеристикахъ разныхъ произведеній русской литературы XIX в. авторъ избѣгалъ возможнаго субъективизма, обходя слишкомъ оригинальныя сужденія и придерживаясь общепринятыхъ мнѣній.

Намъ остается еще отмѣтить одну досадную особенность всей „Исторіи“ Сиповскаго.

Вѣдь „исторія литературы“ каждаго народа долгое время является исторіей выработки самыхъ орудій литературы—языка и литературныхъ формъ; вѣдь процессъ этой выработки особенно долго совершался у насъ, въ исторіи литературы русской; вѣдь исторія нашей литературы не только древней, до - петровской, но и всего XVIII и отчасти даже XIX вѣка вплоть до Пушкина—была въ значительной долѣ исторіею выработки литера-

турнаго языка и литературныхъ формъ; вѣдь, наконецъ, относящіеся сюда труды Ломоносова—особенно важны... „Весь періодъ нашей древней до - петровской литературы, до Ломоносова—былъ періодомъ, когда наша „литература“ не имѣла еще у себя самаго необходимаго и главнаго условія для своего развитія: литературнаго языка и литературныхъ формъ; и прозаическій языкъ и поэтическій стихъ были даны нашей литературѣ впервые только Ломоносовымъ, а окончательно завоеваны спустя еще чуть не сто лѣтъ, съ завершеніемъ дѣятельности Пушкина и Гоголя.“

Эти столь важные вопросы по исторіи русскаго литературнаго языка почему - то у Сиповскаго отсутствуютъ. Нѣтъ свѣдѣній ни о языкѣ нашихъ древнихъ памятниковъ, ни о значеніи трудовъ Ломоносова, ни о заслугахъ Карамзина, ни о заслугахъ Пушкина. Объ этихъ столь существенныхъ пробѣлахъ остается глубоко пожалѣть.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ труда Сиповскаго надо отнести сжатость изложенія и установленіе исторической, по возможности научной точки зрѣнія, что дало возможность дѣйствительно слить весь литературный матеріалъ въ одно органическое цѣлое. Читатель дѣйствительно на основаніи труда Сиповскаго можетъ составить себѣ въ предѣлахъ научной возможности текущаго момента, за немногими исключеніями, болѣе или менѣе правильное представленіе объ эволюціи русской литературы на всемъ ея протяженіи, за исключеніемъ 40—60-хъ годовъ XIX в.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ авторъ дѣлаетъ выводы и подводитъ итоги, ясно формулируя главныя положенія. Эти выводы и итоги также цѣнны.

Каждый выпускъ снабженъ краткимъ библіографическимъ указателемъ.

Итакъ, „Исторія“ Сиповскаго представляетъ въ настоящее время наиболѣе удачную систематизацію добытаго научнаго матеріала.

По обилію матеріала и научному тону книга стоитъ несомнѣнно выше всѣхъ другихъ руководствъ.

Тѣхъ достоинствъ, которыми отличается „Исторія“ Сиповскаго, нѣтъ въ школьномъ учебникѣ Незеленова.

А. И. Незеленовъ. 1) Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній (въ двухъ частяхъ). Изданіе 17. Подъ редакціей В. В. Каллаша. Часть I (съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина) Ц. 1 руб.

2) То же. Изданіе 16-ое ч. II (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). Москва. 1909 г. Ц. 1 руб.

3) То же Выпускъ III (дополнительный). Москва. 1909 г. Ц. 1 руб. 10 коп.

См. кр. Рецензія на первое изданіе Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 6; Русская Мысль Вл. Каллашъ, 1895 г. 7; Русская Школа 1895, № 12—А. Шалыгинъ. И. А Шляпкинъ. Ж. М. Н. Пр. 1910—9.

Всѣ прежнія изданія руководства Незеленова потеряли свое значеніе съ выходомъ въ свѣтъ 17-го изданія, проредактированнаго В. В. Каллашемъ. Дѣло въ томъ, что книга, впервые вышедшая въ 1893 г., нуждалась въ значительныхъ исправленіяхъ и значительныхъ дополненіяхъ. Отдѣлъ устной словесности былъ разсмотрѣнъ весьма слабо. Характеристики такихъ литературныхъ направленій, какъ сентиментализмъ и романтизмъ, были составлены ненаучно, сбивчиво и не по существу. Также сбивчиво и неясно охарактеризована Екатерининская эпоха, масонство; нѣкоторые отдѣлы были случайны (Голятовскій, Дмитрій Ростовскій), важные отдѣлы отсутствовали (В. И. Майковъ, А. Н. Радищевъ, Аблесимовъ, Лукинъ).

Къ числу достоинствъ руководства Незеленова слѣдуетъ отнести хорошо и по существу составленныя нѣкоторыя характеристики героевъ литературныхъ произведеній, напр., характеристику семьи Мироновыхъ, Тараса Бульбы и др. Каллашъ эти характеристики считаетъ излишними, съ чѣмъ трудно согласиться, такъ какъ анализъ характера и построеніе характеристикъ вообще

вещь очень трудная для учениковъ и сложная, требующая не только знанія содержанія произведенія, но и знанія жизни, знанія критическихъ статей и т. п., каковаго у учениковъ можетъ и не быть. Поэтому едва ли можно считать образцово составленныя характеристики излишними; онѣ нужны хотя бы для образца.

По словамъ Каллаша, всѣ недочеты и ошибки въ прежнихъ изданіяхъ исправлены, а длинноты, лишнее и устарѣлое текста исключено, при чемъ характеристики эпохъ и литературныхъ направленій отнесены редакторомъ къ приложеніямъ.

На повѣрку, однако, оказалось,что ошибки и „устарѣлости" въ первой части учебника можно указать чуть ли не на каждой страницѣ. Такъ это и дѣлаетъ И. А. Шляпкинъ въ своей рецензіи, помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. за 1910 г. (октябрь). Эти устарѣлости сохранились въ отдѣлѣ о сказкахъ (прежнія миѳическія сказки), объ апокрифахъ(смѣшаны съ отреченными книгами), о лѣтописяхъ (происхожденіе лѣтописей изъ пасхальныхъ таблицъ) и т. д. Біографія Радищева не въ мѣру подробна сравнительно съ другими біографіями и „украшена перлами на жаргонѣ листковъ 1905—1906 годовъ", какъ напр.: „Радищевъ пишетъ одно боевое произведеніе за другимъ, пока не срывается совершенно неожиданно на Путешествіи.... онъ не замѣтилъ сигнала къ отбою въ правительственныхъ сферахъ".

Подобная тенденціозность и хлесткій публицистическій стиль въ подобныхъ трудахъ, конечно, не умѣстенъ; съ этимъ нельзя не согласиться. Въ общемъ первую часть учебника, хотя и подвергнувшуюся чисткѣ, приходится считать попрежнему весьма слабой.

Вторая часть обработана лучше первой, но недостатки всё - таки есть, и всё въ томъ же описаніи сентиментализма и романтизма. Для характеристики обзора новѣйшей русской литературы, составленнаго самимъ Каллашемъ, достаточно привести довольно вразумительный

отзывъ Шляпкина: „читаешь эту хлестко написанную узко-тенденціозную книжку, и глазамъ не вѣрится“.

Біографіи весьма случайнаго характера, составлены не по существу и блещутъ перлами хлесткаго стиля. Характеристики односторонни; совсѣмъ опущены славянофилы, Герценъ, Печерскій, Щедринъ и др. Весь литературный матеріалъ III части не связанъ въ одну общую картину.

Наконецъ, укажемъ еще одинъ трудъ, обнимающій всю исторію русской литературы.

П. Н. Полевой. Исторія русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, полная, подробная, въ общедоступномъ изложеніи. 3 тома. VIII + 2013 стр. СПБ. 1900. Изд. А. Ф. Маркса. 12 руб.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что „Исторію“ Полевого никакъ нельзя признать ни полной, ни подробной, ни пропорціональной въ распредѣленіи историко-литературнаго матеріала. Такіе писатели-народники, какъ Даль, Н. Успенскій, Слѣпцовъ и др., пропущены.

О такихъ русскихъ писательницахъ, какъ Хвощинская (Заіончковская), Кохановская (Соханская), Марковичъ (Марко-Вовчокъ) авторъ не желаетъ говорить. О литературной дѣятельности Герцена авторъ не желаетъ говорить.

О развитіи русской журналистики даны свѣдѣнія весьма недостаточныя и отрывочныя; при чемъ о развитіи журналистики въ XVIII в. даются болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, а о журналистикѣ во второй половинѣ XIX в. свѣдѣній уже почти не дается. Многіе публицисты не упоминаются. Соразмѣрности частей въ распредѣленіи матеріала не получилось. „Россіадѣ“ Хераскова отведено больше мѣста, чѣмъ „Войнѣ и миру“. Жуковскимъ авторъ интересуется больше, чѣмъ Тургеневымъ и Достоевскимъ и т. п. Что касается содержанія, то критикой указаны были довольно крупные недостатки: ошибки или опечатки въ названіяхъ литературныхъ произведеній и особенно въ хронологическихъ датахъ; оби-

ліе противорѣчій въ разныхъ выпускахъ, фактическія ошибки и невѣрныя сужденія. Цѣлый рядъ фактическихъ ошибокъ, произвольныхъ сужденій, устарѣлыхъ фактовъ, неточностей и преувеличеній былъ указанъ въ рецензіяхъ.

Наконецъ, совершенно слабымъ получился послѣдній отдѣлъ, посвященный современной литературѣ. Вмѣсто историческаго очерка авторъ далъ сухой, скучный и далеко неполный перечень современныхъ писателей, расположенныхъ, кромѣ Л. Толстого, въ алфавитномъ порядкѣ. Весь отдѣлъ получился скомканнымъ, и читатель никакъ не можетъ почерпнуть обстоятельныхъ свѣдѣній ни о значеніи литературныхъ произведеній ни объ особенностяхъ творчества писателя.

Подчеркивая обиліе недостатковъ въ трехтомномъ трудѣ Полевого, мы не хотимъ, конечно, умалять и нѣкоторыхъ достоинствъ труда. Конечно, у Полевого есть и вѣрныя сужденія и хорошій матеріалъ. Главнымъ же достоинствомъ слѣдуетъ считать то, что изданіе получилось роскошно иллюстрированнымъ; въ текстѣ 953 рисунка, 19 хромолитографій, отпечатанныхъ многими красками и золотомъ, и 38 отдѣльныхъ цинкограф. приложеній.

Въ результатѣ попытку Полевого дать русскому читателю „популярно - научную книгу“ надо признать не удавшейся. Если же принять во вниманіе, что за послѣднее десятилѣтіе появились новыя научныя изслѣдованія и серьезные труды, вносящіе много новаго въ научное изложеніе предмета, то окажется, что трудъ Полевого въ нѣкоторыхъ частяхъ уже и значительно устарѣлъ.

См. кр. Рус. Шк., 1900, 7 и 8—Суровцевъ; Міръ Бож. 1901, 4—С. Ашевскій; Ист. Вѣстн , 1900—5, С. П.

III.

Нѣкоторые научные и популярно-научные обзоры, посвященные нѣсколькимъ литературнымъ эпохамъ.

Нечего грѣха таить, что древне-русская литература у насъ мало популярна и что въ широкой публикѣ ея совершенно не знаютъ. Тотъ же грѣхъ царитъ и въ школѣ: до сихъ поръ въ ней древней литературой тяготятся, до сихъ поръ считаютъ её скучной; сокращаютъ ее, елико возможно, и изученіе древне-русской литературы сводятъ къ изученію двухъ—трехъ произведеній внѣ исторической перспективы. При отсутствіи же исторической перспективы историческій интересъ въ изученіи, конечно, долженъ пропасть.

Говорятъ также, что „юношество нужно вводить въ текущую жизнь; что новѣйшая литература даетъ несравненно больше цѣнныхъ мыслей, художественныхъ впечатлѣній; что она больше даетъ и для языка“.

Говорятъ, что „древняя наша литература важна для спеціалиста ученаго, а не для подрастающаго поколѣнія, которое прежде всего рвется къ новой жизни и къ злободневнымъ вопросамъ. Говорятъ, что лучшія мысли нашихъ старыхъ книгъ теперь и для юноши стали уже избитымъ общимъ мѣстомъ, и не на малограмотныхъ и

старомодныхъ домыслахъ людей, давнымъ давно сошедшихъ со сцены, воспитывать въ самомъ дѣлѣ молодой умъ и свѣжія чувства вступающаго въ жизнь человѣка“.

Тѣмъ не менѣе мы должны заявить, что всѣ эти мысли кажутся справедливыми только на первый взглядъ. Ополчаться на древнюю литературу можно только по странному недоразумѣнію. Рѣдко кто въ настоящее время будетъ оспаривать мысль, что новая литература должна занимать главенствующее положеніе. Вѣдь главное основаніе, почему древняя литература должна быть предметомъ изученія, совсѣмъ не въ томъ, что она можетъ соперничать съ новой въ богатствѣ мыслей и образовъ. Очевидная необходимость изученія древней литературы вытекаетъ изъ самой цѣли ея изученія. Вѣдь если признать, что исторія культуры необходима для общаго образованія человѣка; вѣдь если признать, что новая литература находится въ генетической связи съ древней, то и древнюю нашу литературу, хотя бы въ главныхъ этапахъ ея развитія, нужно изучить каждому желающему сознательно отнестись къ быту и взглядамъ нашего времени и желающему подготовить себя и къ пониманію и къ сознательному изученію литературы.

Прежде также ополчались противъ древней русской литературы, но исходили изъ другихъ соображеній, оказавшихся впослѣдствіи ложными.

Въ 40-хъ годахъ XIX в. литературныя произведенія разсматривались только съ эстетической точки зрѣнія; другими словами, къ литературнымъ произведеніямъ относили только тѣ произведенія, которыя были художественны. При такой точкѣ зрѣнія литература должна была обнимать произведенія только наиболѣе художественныя, при чемъ исторія литературы превращалась въ исторію художественнаго творчества. Древне - русской письменности такіе теоретики—критики совсѣмъ не хотѣли знать: въ глазахъ Бѣлинскаго, напр., до-петровская старина

была первобытной безсознательной эпохой, „потерявшей интересъ съ тѣхъ поръ, какъ началась эпоха дѣйствительнаго просвѣщенія и возникла правильная литература“.

Для критика—эстетика древне-русская литература не можетъ представлять особеннаго интереса,—хотя впрочемъ и въ ней должно указать произведенія, которыя имѣютъ большое художественное значеніе, какъ напр., первоначальная лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и др. Теперь уже признано, что съ эстетическимъ критеріемъ къ древне-русской письменности подходить нельзя.

Значеніе древне-русской письменности заключается прежде всего въ ея историческомъ интересѣ. Она дала богатый матеріалъ для исторіи Россіи, для исторіи южныхъ славянъ и даже Византіи. Изученіе нашей древней письменности дало возможность построить новыя теоріи русской исторіи (историческая теорія Соловьева).

Кромѣ историческаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, древне-русская письменность имѣетъ большой бытовой и этнографическій интересъ. Она отразила въ себѣ народную психологію и духовные интересы русскаго народа съ X-го по XVIII в.; она отразила и міросозерцаніе, и настроенія, и идеалы. Благодаря памятникамъ древней письменности и народной словесности оказалось возможнымъ нарисовать широкую картину древне-русскаго быта: и церковнаго, и юридическаго, и семейнаго, и домашняго.

Изученіе древне-русской письменности имѣетъ и большой собственно литературный интересъ.

Уже давно проф. Владиміровъ заявилъ, что древняя русская литература гораздо богаче по содержанію, чѣмъ мы обыкновенно о ней привыкли думать. Это положеніе пріобрѣтаетъ всё большую цѣнность съ каждымъ открытіемъ новыхъ памятниковъ и съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ. Весьма вѣроятно, что съ разработкой источниковъ и съ открытіемъ новыхъ текстовъ и памятниковъ и съ успѣхами палеографіи и діалектологіи общераспространенное мнѣніе о составѣ и характерѣ древне-

русской литературы сильно измѣнится. Проф. Н. К. Никольскій, напр., уже сдѣлалъ цѣлый рядъ открытій въ отдаленныхъ библіотекахъ Россіи и уже напечаталъ цѣнные памятники въ „Матеріалахъ для исторіи древней русской письменности“.

Когда заимствованія и подражанія замѣнились самостоятельными опытами, появился, можно сказать, почти расцвѣтъ древне-русской литературы, выразившійся въ созданіи такихъ произведеній, какъ первоначальная лѣтопись, поученіе Владиміра Мономаха, Слово м. Иларіона, Хожденіе Даніила Паломника, Толковая Палея, Слово о Полку Игоревѣ, Моленіе Даніила Заточника, оригинальныя русскія житія и т. д.

Далѣе, изученіе древней русской литературы стоитъ въ связи съ такими весьма интересными вопросами, какъ взаимоотношеніе между письменностью и народною словесностью, между христіанскими и византійскими идеалами, съ одной стороны, и языческими, самобытными представленіями—съ другой; какъ двоевѣрный характеръ древне-русской литературы вообще, сравнительныя достоинства оригинальныхъ русскихъ произведеній литературы въ связи съ аналогичными произведеніями западно-европейскихъ литературъ, сравнительное изученіе народнаго эпоса съ эпосомъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ и т. д. и т. д.

Одно время раздавались голоса, да и теперь иногда они раздаются, будто древняя литература перваго періода безидейна. Это мнѣніе—говоритъ Келтуяла,—объясняется тѣмъ, что трудно отвлечься отъ точки зрѣнія человѣка XIX и XX вв. и представить себѣ въ реальныхъ чертахъ культурное состояніе русскаго народа въ начальную эпоху его государственнаго существованія. Но кто подробно изучалъ древнюю литературу, тотъ изумится необыкновенному подъему умственнаго развитія русскаго общества въ первой половинѣ XI в. и обилію новыхъ идей.

Наконецъ, древне-русская письменность даетъ обильный и весьма цѣнный матеріалъ для изученія русскаго языка и его нарѣчій.

Итакъ древне-русская литература представляетъ громадную цѣнность. Она оказывала свое вліяніе на русское общество XIX вѣка. Она же служила источникомъ вдохновенія такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и гр. А. Толстой.

Для общаго ознакомленія съ древней русской литературой, кромѣ указанныхъ раньше обзоровъ, можно было бы рекомендовать труды П. В. Владимірова, Н. С. Тихонравова и В. А. Келтуялы.

Въ изученіи исторіи русской литературы чрезвычайно важное значеніе имѣла дѣятельность Н. С. Тихонравова вслѣдствіе новой постановки историко-литературныхъ изученій, давшей возможность привлечь къ научному изученію и письменность до-петровскую. Критика школы Бѣлинскаго интересовалась только новѣйшей литературой, а древняя письменность казалась эпохой младенчества и наивнаго міросозерцанія. Тихонравовъ однако въ свое время заявилъ слѣдующее.

„Исторія литературы перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній, поставивъ себѣ задачею уяснять историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія,—развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ... Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко - литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературныя произведенія, которыя даже не упоминались въ

прежнихъ исторіяхъ литературы: вся исторія средневѣковой европейской словесности создалась только въ послѣднія четыре десятилѣтія... Обстоятельное изученіе народнаго быта по литературнымъ памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всѣми прочими художественными ея проявленіями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миніатюристами и гравёрами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитіи сблизиться съ исторіею искусства... Успѣхи языковѣдѣнія не остались, въ свою очередь, безъ вліянія на исторію литературы. Выростая на основѣ общихъ индо-европейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка, словесность народная можетъ быть вполнѣ понимаема только въ связи съ изученіемъ миѳологіи, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народнаго быта, среди которой она возникаетъ". (Цитата, приведенная проф. А. С. Архангельскимъ изъ „объявленія" объ изданіи „Лѣтописей русской литературы и древности, предпринятомъ Тихонравовымъ).

Когда новая точка зрѣнія была примѣнена къ русской древности, изслѣдованія дали любопытные, часто неожиданные и весьма цѣнные результаты. Тихонравовъ сталъ собирателемъ и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древней письменности.

Сочиненія Н. С. Тихонравова, Т. I. Древняя русская литература. Т. II. Русская лит. XVII и XVIII вѣковъ. Т. III, ч. I и II. Русская литература XVIII и XIX в. 7 р. 50 коп.

Русскія драматическія сочиненія (1672—1725). Предисловіе, текстъ и примѣчанія Н. С. Тихонравова, т. I и II.

Трехтомное собраніе сочиненій—неполное собраніе и представляетъ собою сборникъ статей. Въ I томѣ, который редактировалъ Сперанскій, помѣщены статьи, относящіяся къ древней русской литературѣ; въ началѣ тома помѣщена единственная обширная статья общаго содер-

жанія, а именно, знаменитый разборъ „Исторіи русской словесности“ Галахова. Второй томъ заключаетъ отдѣльныя статьи по исторіи русской литературы отъ конца XVII до первой половины XVIII ст. Будучи знатокомъ литературы XVII в., Тихонравовъ придавалъ ей огромное значеніе для новой русской литературы.

„Исторія новой русской литературы, говоритъ Тихонравовъ—должна начаться обозрѣніемъ второй половины XVII вѣка. Выяснивши себѣ содержаніе литературы этого времени, она осмыслитъ всё историческое развитіе нашей словесности... Ставши живою картиною всего русскаго общества XVIII столѣтія (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой“.

Среди всѣхъ статей Тихонравова слѣдуетъ считать наиболѣе интересными обширную статью объ отреченныхъ книгахъ въ древней Руси, изслѣдованіе о „Девгеніевомъ Дѣяніи“, изслѣдованія о началѣ театра, статью о „Московскихъ вольнодумцахъ начала XVIII вѣка“ и нѣкоторыя другія.

Статьи, помѣщенныя въ III томѣ, касаются жизни и дѣятельности Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и Щепкина, Тургенева и др. Всѣ эти статьи отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ: онѣ не представляютъ полныхъ и обстоятельныхъ біографій, не заключаютъ полнаго обзора или оцѣнки всѣхъ литературныхъ произведеній этихъ писателей. За то въ нихъ чрезвычайно мѣтко и тонко отмѣчены характерныя черты литературной дѣятельности каждаго изъ этихъ писателей и отмѣчены тѣ вліянія, подъ какими они работали.

Кр. см. Статья А. С. Архангельскаго въ Энц. Слов. Брокгауза и Евфрона.

А. Пыпинъ—В. Евр. 1898, іюнь; Т. В. Е.—В. Евр. 98 г. февр.

„Памяти Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы“. А. С. Архангельскаго. Казань. 1894 г.

Памяти Николая Саввича Тихонравова. Императорское Московское Археологическое Общество и Общество Любителей Россійской Словесности М. 1894 г. (въ сборникѣ среди другихъ статей помѣщенъ очеркъ библіографическихъ данныхъ и указатель статей о Тихонравовѣ, составленный Д. Д. Языковымъ). А. Н. Пыпинъ. „Тихонравовъ и его научная дѣятельность" при первомъ томѣ сочиненій Тихонравова.

Факты древней русской литературы XI, XII и XIII вѣковъ были собраны проф. П. В. Владиміровымъ въ его трудѣ.

Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вѣковъ. Кіевъ. 1900 г.

Проф. Владиміровъ т[illegible] высказался о значеніи и характерѣ своей книги.

„Русская литература Кіевскаго періода была богаче, чѣмъ мы ее привыкли представлять—что доказываютъ отъ времени и до времени появляющіяся открытія нашей науки. Болѣе или менѣе полное обозрѣніе этой литературы, изложенное хотя бы неравномѣрно, съ критическими разысканіями, съ библіографическими замѣчаніями составляетъ потребность нашего времени, несмотря на достоинство трудовъ Порфирьева, Тихонравова, Пыпина и друг."

Для удовлетворенія этой назрѣвшей потребности Владиміровъ задался цѣлью собрать факты древней русской литературы XI, XII, и XIII вѣковъ въ ихъ разнообразной, взаимной связи, въ ихъ частностяхъ и общихъ теченіяхъ, съ возможной научной обстановкой.

Книга была подвергнута довольно обстоятельному разбору съ фактической стороны Сперанскимъ и съ методологической точки зрѣнія В. Истринымъ

(Ж. М. Н. Пр. 1902 мартъ и августъ, разборъ В. М. Истрина и Archiv für Sl. Phil. XXIII Band. 601 стр., разборъ Сперанскаго).

Истринъ прежде всего находитъ, что Владиміровъ оставилъ безъ вниманія не мало методологическихъ вопросовъ, которые именно и составляютъ трудность для изученія древне - русской литературы.

1) Въ послѣднія три десятилѣтія широко развился

цѣнный филологическій методъ, который наглядно убѣждаетъ, что еще не скоро настанетъ время синтеза.

Въ силу этого необходимо предварительно позаботиться о новыхъ удовлетворительныхъ изданіяхъ памятниковъ, такъ какъ старыя въ силу своей неудовлетворительности прямо „опасны“ для работы.

2) Русская литература должна быть сближена съ югославянской, на что указывалось уже давно.

3) Не менѣе важное значеніе имѣетъ и изученіе византійской литературы, которая чрезвычайно мало изслѣдована.

4) Необходимы научныя изданія памятниковъ древнерусской литературы.

Если же по приведеннымъ мотивамъ слѣдуетъ смотрѣть на всякую исторію древней литературы только какъ на опытъ, но не больше, то для пользы науки и для ясности изложенія весьма желательно снабжать подобный трудъ свѣдѣніями, излагающими самый научный процессъ по каждому вопросу и ставящими задачи для будущихъ изслѣдователей. Мы прибавили бы даже, что такая постановка вопроса была бы весьма полезной и для простого обыкновеннаго читателя, ибо заставила бы трактовать о явленіяхъ древней русской литературы болѣе осмотрительно и вообще къ нимъ сознательнѣе относиться. Изложеніе научнаго процесса и исторія вопроса указала бы, что сдѣлано и что еще остается сдѣлать, о чемъ можно говорить съ увѣренностью и о чемъ нельзя категорически утверждать. При такой постановкѣ вопроса неясности въ древней русской литературѣ не будутъ смущать и охлаждать обыкновеннаго читателя.

Съ этимъ процессомъ научной работы и съ процессомъ развитія древней русской литературы, по мнѣнію Истрина, нельзя познакомиться по труду Владимірова.

Обходить вопросъ о хронологіи и опредѣленіи разныхъ редакцій одного и того же памятника древней русской литературы также рискованно. Особенно въ виду

взгляда Пыпина, который смотритъ на русскую литературу, какъ на не имѣющую хронологіи и, слѣдовательно, исторіи. Владиміровъ располагаетъ свою исторію древней русской литературы въ хронологическомъ порядкѣ, хотя и не въ деталяхъ. По мнѣнію Истрина, нельзя рѣшать вопроса о хронологіи такъ категорически, какъ Пыпинъ, но и нельзя его обходить молчаніемъ, какъ это дѣлаетъ Владиміровъ.

Далѣе, терминъ „редакція" не объясненъ и не указано различіе между древностью редакціи и древностью списка.

Областная литература отсутствуетъ, что совершенно не вѣрно. Просвѣтительнымъ центромъ былъ не только одинъ Кіевъ, какъ это хочетъ представить Владиміровъ. Примѣра ради, можно указать хотя бы на весьма поучительное посланіе Климента Смолятича. Авторъ вообще обнаруживаетъ нѣкоторое пристрастіе къ Кіеву. Обозначеніе всего разсматриваемаго періода Кіевскимъ также слѣдовало бы ограничить. Обходить молчаніемъ сборники также нѣтъ основаній и вопросу о сборникахъ слѣдовало отвести соотвѣтственное мѣсто.

Что касается фактической стороны, то рядъ неточностей былъ указанъ и были сдѣланы фактическія поправки Сперанскимъ и отчасти Истринымъ. Свѣдѣнія Владимірова о древне-славянскихъ памятникахъ, какъ хроника Іоанна Малалы, Георгія Мниха, сужденія о Толковой Палеѣ крайне недостаточны и случайны, и потому вызываютъ большія недоумѣнія. Отдѣлъ объ апокрифической литературѣ не совсѣмъ удовлетворителенъ; его слѣдовало значительно расширить соотвѣтственно имѣющемуся матеріалу; самое понятіе „апокрифъ" не выяснено, отношеніе къ „отреченной книгѣ" не указано и не выяснено различіе въ отношеніи византійца и славянина къ апокрифамъ.

Отдѣлъ переводной повѣствовательной литературы изложенъ не такъ обстоятельно, какъ у Пыпина. Дѣло

въ томъ, что Владиміровъ вообще съ большимъ вниманіемъ и иногда съ излишней подробностью останавливается на церковно - поучительной литературѣ.

Въ концѣ первой главы Владиміровъ сообщаетъ очень цѣнныя свѣдѣнія о древне-русскихъ спискахъ, о переписчикахъ, о знаніи древне - русскими людьми иностранныхъ языковъ, о древне-русскомъ языкѣ, его литературной обработкѣ и его разнообразіи въ памятникахъ русской письменности.

Отдѣлъ поученій изложенъ удачно и лучше, чѣмъ у Пыпина. Весьма удачно изложена глава, посвященная Слову о полку Игоревѣ.

Въ конечномъ итогѣ Истринъ приходитъ къ выводу, что помимо указанныхъ выше пробѣловъ методологическаго свойства и матеріалъ самый распредѣляется не равномѣрно, но какъ бы случайно. Указанные недостатки чаще всего объясняются отличительными особенностями древне-русской литературы и вообще такъ сказать искупаются трудностью дѣла. Неоспоримая заслуга автора—это то, что онъ вложилъ въ книгу большой запасъ знаній относительно рукописей на основаніи многолѣтнихъ изслѣдованій; воспользовался разнообразными пособіями и новѣйшими выводами другихъ ученыхъ и выдвинулъ такія части, которыя тогда оставались въ тѣни. Дополненіемъ къ „Древней русской литературѣ Кіевскаго періода“ можетъ служитъ другой трудъ П. В. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности“ 1896 г. (Рецензія Н. Сумцова на „Введеніе“—Рус. Фил. Вѣст. 1905 г. № 1).

Выдающимся явленіемъ послѣдняго времени слѣдуетъ считать весьма симпатичный по содержанію и построенію трудъ В. А. Келтуялы. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія. Часть 1, книга первая (отъ IX в. до половины XIII в.) СПБ. 1906 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Курсъ Келтуялы весьма цѣнное и полезное пособіе во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего она—хорошій итогъ научныхъ изслѣдованій по древней литературѣ.

Авторъ, отличаясь хорошей эрудиціей, включилъ въ курсъ данныя современныхъ изслѣдованій, напр. о лѣтописяхъ. Вслѣдствіе этого читатель дѣйствительно вынесетъ представленіе о древней литературѣ нѣсколько иное въ сравненіи съ представленіемъ, которое даютъ другіе курсы. Впрочемъ можно указать нѣсколько погрѣшностей, объясняемыхъ между прочимъ приверженностью автора къ марксизму и излишнимъ стремленіемъ подводить факты подъ принципы своей теоріи (сюда относятся взгляды его на исторію семьи, на первобытный коммунизмъ). Съ сужденіемъ автора о содержаніи произведеній первобытной поэзіи можно и не согласиться („первобытная поэзія отражаетъ факты, событія, чувства, идеи, пережитые большинствомъ"). Во всякомъ случаѣ весьма интересно обширное введеніе, въ которомъ авторъ разсматриваетъ такіе напр. вопросы: общественное развитіе и его основы, главныя эпохи въ исторіи общественнаго развитія, эпоха первобытнаго коммунизма, экономическій и соціальный строй славянъ вообще и русскихъ въ частности, исторія литературы и ея задача, методъ изученія словесныхъ произведеній и т. д.

Помимо научности изложенія книга весьма интересна и въ отношеніи построенія курса. Трудный и спорный вопросъ о способѣ изложенія исторіи древней литературы Келтуяла рѣшаетъ просто и довольно убѣдительно, прикрѣпляя историко-литературныя явленія кіевскаго періода къ экономической, соціальной и политической основѣ русской жизни. Онъ первый даетъ у насъ опытъ обзора всей древней литературы, какъ продукта не „общенароднаго", а классового творчества.

Для широкаго пониманія литературнаго произведенія изслѣдователь долженъ изучать его 1) въ связи съ біографіей автора, такъ какъ всякое произведеніе есть плодъ творчества отдѣльнаго лица, выражающаго въ немъ свой жизненный опытъ и настроеніе; 2) въ связи съ состояніемъ и исторіей того класса населенія, къ которому онъ

принадлежитъ, такъ какъ авторъ проникается интересами своего класса и его настроеніями; 3) въ связи съ культурно - соціальнымъ состояніемъ всего народа, такъ какъ авторъ—представитель цѣлаго общества—народа, распадающагося на нѣсколько классовъ; 4) въ связи съ состояніемъ сосѣднихъ болѣе культурныхъ народовъ, вліявшихъ на развитіе даннаго народа, такъ какъ общество - народъ развивается обыкновенно подъ вліяніемъ сосѣднихъ болѣе развитыхъ народовъ.

Бóльшій интересъ для болѣе широкой публики представлялъ бы другой трудъ Келтуялы „Краткій курсъ исторіи русской литературы“ въ двухъ выпускахъ, составляющій отчасти извлеченіе изъ пространнаго курса, отчасти его переработку, нерѣдко коренную.

Краткому курсу также предпослано введеніе, разсматривающее весьма важные предварительные вопросы. Къ сожалѣнію, нѣкоторые вопросы трактуются слишкомъ бѣгло, поверхностно и неубѣдительно; въ результатѣ—объясненіе оказывается невразумительнымъ. Взять хотя бы статью о развитіи научной и литературной дѣятельности въ Византіи; у автора получился весьма блѣдный и сухой очеркъ, состоящій изъ простого перечня именъ, ровно ничего не говорящихъ мало подготовленному читателю. Краткую исторію древней русской литературы авторъ начинаетъ съ опредѣленія „первоначальныхъ основъ древне-русской литературы“.

Такъ какъ древне-русская жизнь представила изъ себя взаимодѣйствіе двухъ культуръ—собственно русской національной и византійской иностранной, то и первоначальными основами самостоятельнаго литературнаго творчества были древнѣйшее національное устное творчество и византійско—болгарская литература.

Къ древнѣйшему устному творчеству относятся заговоры, лирическія, праздничныя, бытовыя пѣсни, сказки, загадки, поговорки.

Византійско—болгарская основа представлена въ пе-

реводной письменности: въ книгахъ еврейскаго св. Писанія ветхаго и новаго завѣта, въ апокрифахъ, агіографической литературѣ, въ сочиненіяхъ св. отцовъ, естественно - научной литературѣ и беллетристикѣ. Въ исторіи древней русской литературы, обнимающей періодъ времени приблизительно отъ IX в. до конца XVII, авторъ отмѣчаетъ пять періодовъ: 1) культуру великаго воднаго пути (отъ IX в. до половины XIII); 2) эпоху удѣльнаго литературнаго творчества (отъ половины XIII в. до конца XV в.); 3) эпоху московской культуры (отъ начала XVI в. до половины XVII в.); 4) эпоху южно-русскаго просѣщенія (отъ половины XVI в. до конца XVII в.) и 5) эпоху южно - русскаго вліянія на Москву (вторая половина XVII в.).

Авторъ, излагая свои чрезвычайно интересныя общія наблюденія, предлагаетъ совершенно измѣнить взгляды на противопоставленіе древней Руси современной Руси.

„У насъ существуетъ убѣжденіе, что до XIV в. (нѣкоторые полагаютъ, что даже до XVI в.) русская литература не развивалась и дать картину ея развитія невозможно. Я не раздѣляю этого убѣжденія. Съ основанія русскаго государства культурная и общественно—политическая жизнь русскаго народа испытывала рядъ послѣдовательныхъ, иногда крупныхъ измѣненій...; ученикъ, переходя отъ одннхъ произведеній къ другимъ въ порядкѣ моего изложенія, убѣдится, что въ древней русской литературѣ не было застоя, неподвижности; онъ увидитъ, что съ момента возникновенія русскаго идейно-литературнаго творчества происходило послѣдовательное движеніе впередъ, движеніе, которое постепенно углублялось, усложнялось и расширялось“.

Древнѣйшій періодъ русской литературы, т. е. до XIII в., представленъ у Келтуялы весьма солидно и научно 3, 4 и 5 періоды построены недурно и охарактеризованы болѣе или менѣе удачно въ зависимости отъ

количества и качества подготовительныхъ работъ, которыхъ вообще мало для XIV и XV вѣковъ.

Слабѣе охарактеризованъ второй періодъ, подраздѣленія котораго слишкомъ искусственны и условны. Признать терминъ „новгородско - псковская литература“ можно было бы, но, когда авторъ различаетъ спеціально „владимирская“, ростово-суздальская“, „тверская“, „муромо - рязанская“, „московская“ литературы, чувствуется нѣкоторая натяжка. Тѣмъ не менѣе курсъ Келтуялы производитъ пріятное впечатлѣніе прежде всего своей стройностью.

Свой критическій отзывъ о трудѣ Келтуялы Яцимирскій заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Несмотря на то, что В. Келтуяла замѣтно избѣгаетъ первоисточниковъ, не всегда внимателенъ къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ и изданіямъ, рѣдко знаетъ рецензіи—поправки другихъ ученыхъ, дѣлаетъ ошибки въ отдѣльныхъ заключеніяхъ, не всегда вѣрно понимаетъ старые тексты, слабо знакомъ съ вопросомъ о первобытныхъ вѣрованіяхъ и т. д.,—весь громадный трудъ его производитъ болѣе, чѣмъ благопріятное впечатлѣніе и съ полнымъ правомъ можетъ быть причисленъ къ трудамъ научнымъ“.

См. кр. 1) Сакулинъ. Вѣстн. Восп. 1906 г. № 8. 2) Яцимирскій. Ист. Вѣст. 1907, № 1. и Рус. Шк. 1906 г. № 11. 3) С. Ашевскій. Образ. 1907, 7. 4) А. Грузинскій. Крит. Обозр. 1907, 2.; 5) Крит. - библ. журналъ „Книга“ 1906, 1.

Что касается памятниковъ и писателей XIII—XVII вѣковъ, то до сихъ поръ еще не было такого связнаго обзора, который удовлетворялъ бы строго научнымъ требованіямъ. Этимъ отчасти и объясняется то, что изложеніе этихъ именно вѣковъ менѣе всего удается составителямъ полной исторіи русской литературы. Въ этой области идутъ пока подготовительныя работы, выражающіяся въ отдѣльныхъ монографіяхъ.

Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится изучающій русскую литературу, когда подходитъ къ XVIII вѣку. Наиболѣе разработаннымъ въ монографіяхъ, кажется, слѣдуетъ считать конецъ XVIII и начало XIX вѣка.

Для XIX вѣка мы имѣемъ довольно много общихъ обзоровъ. Остановимся на слѣдующихъ трудахъ, которые въ томъ или другомъ отношеніи представляютъ общій интересъ.

1) И. И. Замотинъ. Литературныя эпохи XIX столѣтія. Очерки по исторіи русской литературы. 80 коп. 153 стр. Варшава. 1906.

Книга состоитъ изъ 6 лекцій.

Въ первой лекціи авторъ намѣчаетъ схему развитія русской литературы и общественности на протяженіи всего XIX вѣка: а именно, романтизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, художественный реализмъ 40-хъ и 60-хъ годовъ, натуралистическое направленіе и поворотъ къ идеалистическимъ мотивамъ въ жизни и литературѣ.

Затѣмъ авторъ предварительно даетъ краткій очеркъ эпохи „наканунѣ XIX столѣтія", характеризуя основныя стихіи русской общественно - литературной жизни второй половины XVIII в.

Въ этой эпохѣ, сложной и обильной разнообразіемъ литературныхъ направленій, вкусовъ и формъ, основными стихіями авторъ считаетъ энциклопедизмъ и націонализмъ. Энциклопедизмъ вносилъ въ Екатерининскую литературу рядъ высокихъ и гуманныхъ идей государственнаго и общественнаго характера; націонализмъ—воспитывалъ въ литературѣ вниманіе и любовь къ своему народному настоящему и прошлому. Третьимъ замѣтнымъ теченіемъ Екатерининской литературы, узко - литературнымъ, было исканіе новыхъ формъ и понятій, которое находилось въ близкой связи съ ростомъ чувства народности.

Такимъ образомъ Екатерининская эпоха ввела русскую литературу въ кругъ общеевропейскихъ интересовъ и положила основаніе новой самобытной русской поэзіи какъ по содержанію, такъ и по формѣ.

Описаніе „перваго момента“ въ общественно - литературномъ развитіи вѣка начинается съ выясненія „мотивовъ индивидуализма и идеализма въ западно - европейской романтикѣ“. Всѣ черты романтизма въ первой четверти XIX столѣтія имѣли до извѣстной степени воспитательное значеніе и для русскаго общества и для литературы.

Три первыя лекціи представляютъ, собственно говоря, компилятивное изложеніе; авторъ часто цитируетъ Брандеса, Тэна, Пыпина, Шахова и др. Однако подборъ и освѣщеніе фактовъ принадлежитъ лично проф. Замотину.

Въ трехъ послѣднихъ лекціяхъ, представляющихъ вполнѣ самостоятельную работу, авторъ характеризуетъ три первыя десятилѣтія XIX в.

Въ 4-ой лекціи разсмотрѣны вопросы: начало XIX вѣка въ русской жизни и литературѣ; смѣна общественныхъ и литературныхъ взглядовъ; первыя проявленія романтическаго идеализма. Для пятой лекціи взяты вопросы: романтическій идеализмъ въ русской литературѣ 20-хъ—30-хъ годовъ; воззрѣнія романтиковъ на искусство и религію, на идеалъ счастья личнаго и общественнаго. Шестая лекція представляетъ сокращенное изложеніе магистерской диссертаціи Замотина—„Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ“.

Выпуская въ свѣтъ свои очерки, профессоръ Замотинъ имѣлъ въ виду исключительно учебныя цѣли—дать пособіе при изученіи новѣйшей русской литературы въ средней школѣ. Пособіе получилось дѣйствительно цѣнное. Если принять во вниманіе, что сущность романтизма и романтическое міровоззрѣніе еще недостаточно выяснены вообще,

и въ обычныхъ учебникахъ главы о романтизмѣ изло-
жены сбивчиво и туманно, то станетъ яснымъ, что вс
разъясненія проф. Замотина о литературномъ романтизм
и романтическомъ міровоззрѣніи должны быть приняты с
большой благодарностью и учителями и широкими кру
гами читателей. Затѣмъ цѣнны также выводы, сдѣланны
авторомъ и изложенные въ вполнѣ общедоступно
формѣ.

См. кр. А. М—нъ. Ист. Вѣст. 1906, авг.; А. И. Яцимирскій, Рус. Ш
1906, № 12; Я Бирюковъ. Рус. Шк. 1907 г. іюль—авг.

2) Ѳ. Ѳ. Нелидовъ. Очерки по исторіи новѣйше
русской литературы. I часть, 2 изданіе, исправленное
дополненное. XXII + 305 стр. Ц. 1 р.

Очерки имѣютъ въ виду пополнить обычные и суще
ственные пробѣлы въ учебникахъ: отсутствіе историче
ской основы и связи съ общественными теченіями.

„Знакомство съ писателемъ путемъ простого чтені
его произведеній, безъ всякой системы, внѣ всякой связ
съ исторіей его времени, безъ уясненія себѣ обществен
но - историческихъ задачъ, которыя онъ преслѣдовалъ
едва ли можетъ быть названо основательнымъ и имѣю
щимъ важное образовательное значеніе. Если подходит
къ этому вопросу съ серьезными требованіями, то с
этой точки зрѣнія придется сказать чистую правду, чт
огромному большинству нашего общества исторія вообщ
всей новой русской литературы очень мало извѣстна"
Какъ важны для читателя болѣе или менѣе основатель
ныя историко - литературныя знанія, доказать нетрудно
Почти всѣ идеи, съ которыми читатель встрѣчается в
новѣйшихъ произведеніяхъ, какъ, напр., отрицательное
отношеніе къ интеллигенціи, индивидуалистическія стремле-
нія и т. д.,—идеи старыя и для надлежащаго отношені
къ нимъ надо знать ихъ исторію".

Книга посвящена исторіи Николаевскаго тридцати-
лѣтія. Но для того, чтобы означенный періодъ поставит

въ органическую связь съ предшествовавшимъ ему литературнымъ развитіемъ, въ обширномъ введеніи авторъ далъ общій очеркъ русскаго литературно - общественнаго развитія отъ введенія письменности до первой четверти XIX в.

Болѣе обстоятельно авторъ останавливается на успѣхахъ нашей общественности и литературы при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Затѣмъ авторъ характеризуетъ первую четверть XIX в., Николаевскій режимъ, нѣмецкую идеалистическую философію, вліяніе западно - европейской поэзіи и утопическаго соціализма, образованіе кружковъ въ 20-ыхъ и 30-хъ годахъ XIX в., П. Я. Чаадаева, жизнь русской интеллигенціи въ эпоху германопоклоненія, западничество и славянофильство, разногласія, споры и разрывы въ московскихъ кружкахъ 40-ыхъ годовъ, общественное движеніе 40-хъ годовъ.

Отдѣльныя главы посвящены Бѣлинскому и Григоровичу. Пробѣломъ слѣдуетъ считать то, что авторъ вообще удѣляетъ мало вниманія общественнымъ и политическимъ стремленіямъ декабристовъ. Работа компилятивная, основанная на изученіи трудовъ Буслаева, Тихонравова, Пыпина, Веселовскаго и др. Огромный собранный матеріалъ въ общемъ освѣщенъ согласно научнымъ даннымъ, но въ планѣ замѣтна нѣкоторая разбросанность, затрудняющая усвоеніе книги. Книгу Нелидова всё - таки надо признать интересной и полезной, такъ какъ читатель дѣйствительно получаетъ представленіе о всемъ ходѣ умственнаго развитія русскаго общества въ указанный періодъ XIX в.

Кр. см. 1) Грузинскій, Вѣст. Восп. 1906 г. № 7 2) Ист. Вѣст. 1907 г. 3) Н. Кашинъ. Рус. Шк. 1907, № 2. 4) А. Налимовъ. Образ. 1907, 8, 5) А. Грузинскій. Крит. Обозр. 1907, 2, 6) Рус. Бог. 1907, 2.

3). К. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ. I—1 р. 75 коп. Т. II вып. I—1 р. 75 коп., вып. II 1 р. 75 коп.

Авторъ въ предисловіи къ I тому говоритъ:

„Обстоятельная, строго - научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ-быть, не особенно близкаго будущаго: для такой работы мы не обладаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ многіе источники хранятся въ недоступныхъ офиціальныхъ и частныхъ архивахъ, прямо являются секретомъ для изслѣдователей; кромѣ того, требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ, потому что безъ систематическаго обзора исторіи журналистики, безъ обстоятельнаго выясненія иноземныхъ вліяній, безъ изученія той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ писателямъ, всякіе общіе выводы будутъ только гадательными; наконецъ, чуть ли не самымъ важнымъ препятствіемъ для составленія исторіи русской литературы истекшаго вѣка слѣдуетъ считать невозможность объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій“.

Отвергая возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX в., проф. Бороздинъ думаетъ, что выпускаемое въ свѣтъ собраніе его историко - литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ, особенно для читателя не специалиста. Книга составилась частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, частью изъ университетскихъ курсовъ; нѣкоторыя характеристики написаны вновь. Вмѣсто исторіи русской литературы авторъ даетъ сборникъ „литературныхъ характеристикъ“.

Въ первый томъ, кромѣ очерка „главныя направленія русской литературы начала XIX вѣка“, вошли слѣдующіе очерки, посвященные писателямъ первой половины XIX в.: литературные и общественные взгляды Карамзина; романтизмъ; поэзія В. А. Жуковскаго; Крыловъ и Грибоѣдовъ; воспитательное значеніе А. С. Пушкина; Пушкинъ и поэзія дѣйствительности; поэтъ „гражданской

скорби“ двадцатыхъ годовъ; критическія обозрѣнія А. А. Бестужева; журналистъ двадцатыхъ годовъ; поэзія М. Ю. Лермонтова; развитіе взглядовъ Гоголя на творчество; Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій. Томъ заканчивается отчетомъ о трудѣ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ первый выпускъ II тома вошли характеристики главныхъ представителей западничества и славянофильства. Авторъ посвятилъ западничеству и славянофильству много мѣста, такъ какъ эти два теченія русской общественной мысли считаетъ особенно важными для пониманія нашего литературнаго развитія въ переходную эпоху отъ сороковыхъ до шестидесятыхъ годовъ.

Во второй выпускъ II тома вошли очерки о Ив. Тургеневѣ, Григоровичѣ и Достоевскомъ. Прежде всего отмѣтимъ такіе пробѣлы, напр., какъ отсутствіе въ характеристикахъ очерковъ о Батюшковѣ и Кольцовѣ. Кромѣ того, большинство литературныхъ характеристикъ далеко не полны и потому иногда односторонни. Въ статьѣ о Карамзинѣ разсмотрѣны его литературные и общественные взгляды, въ статьѣ о Гоголѣ только взгляды о творчествѣ.

Весь трудъ автора довольно объемистъ, занимаетъ свыше 1000 страницъ, но даетъ очень немного: цѣльности въ очеркахъ, посвященныхъ жизни и литературной дѣятельности даннаго писателя, нѣтъ. Содержаніе каждаго очерка совершенно случайное за весьма рѣдкими исключеніями. Зато почти каждый очеркъ не въ мѣру испещренъ цитатами; цитаты тянутся цѣлыми страницами. Напр., статья „Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики“ начинается на первой и второй страницѣ выпиской изъ письма Ив. Аксакова, на второй страницѣ помѣщенъ разсказъ Лажечникова объ отвѣтахъ Бѣлинскаго на экзаменѣ въ Чембарскомъ училищѣ; на 6-ой страницѣ—перепечатаны отзывы учителя Попова о Бѣлинскомъ, на 8-ой страницѣ перепечатаны собственныя мысли Бѣлинскаго

о страстной любви къ литературѣ и т. д. и т. д. Любовь къ длиннымъ цитатамъ у автора поразительная.

Въ статьѣ „Записки охотника“, занимающей 24 страницы, по обыкновенію масса выписокъ. Характеризуя, напр., Хоря и Калиныча, авторъ перепечатываетъ 1) значительныя выписки изъ разсказа, 2) оцѣнку, сдѣланную К. С. Аксаковымъ, 3) отзывъ Бѣлинскаго и т. д. Въ общемъ получается не въ мѣру громоздкій, расплывчатый матеріалъ, въ которомъ трудно сразу разобраться. Цитаты сопровождаются чрезвычайно расплывчатымъ изложеніемъ. Многословные очерки составлены по избитому шаблону.

Лучшія мѣста въ книгѣ, это подробный очеркъ, посвященный Ивану Аксакову, и очеркъ жизни и дѣятельности Чернышевскаго. Какъ компилятивный трудъ, „Литературныя характеристики“—слабы и не разработаны; какъ научный трудъ,—почти никакой цѣнности не имѣютъ по той простой причинѣ, что никакихъ самостоятельныхъ выводовъ авторъ не дѣлаетъ.

См. кр. 1) Грузинскій, Русская Мысль, 1907—№ 8; 2) С. Ашевскій, Міръ Божій 1905, сент.; 3) П. Щ.—Ист. Вѣстн. 1903 г. май; 4) Совр. Міръ 1908, 9; 5) Образ. 1907, 10.

4). Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. I—1 р.; вып. II—1 р. 25 коп.

Въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ уже пятымъ изданіемъ, авторъ далъ интересное введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. Авторъ выясняетъ значеніе поэзіи для современнаго общества и даетъ краткій очеркъ развитія русской поэзіи съ XVIII вѣка до Пушкина. Затѣмъ разсмотрѣнъ характеръ творчества Пушкина (самобытная струя, художественный реализмъ, взгляды на поэта и поэзію, гуманность) и Гоголя (изображеніе „пошлости пошлаго человѣка, пробужденіе общественнаго самосознанія, взгляды на поэта). Введеніе заканчивается выясненіемъ отличительныхъ чертъ духовной организаціи

поэта, избравшаго путь реально-художественнаго творчества, и общими выводами изъ разсмотрѣнія творческаго процесса русскихъ писателей реально-художественнаго направленія. Далѣе разсмотрѣна литературная дѣятельность Бѣлинскаго, Тургенева, Гончарова, Островскаго и Некрасова.

Второй выпускъ также начинается вступительными замѣчаніями, въ которыхъ Александровскій отмѣчаетъ важнѣйшія отличительныя особенности новѣйшей русской литературы: самую широкую гуманность, протестъ противъ всего, что такъ или иначе угнетаетъ человѣческую личность, защиту всѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ", интересъ ко мужику и стремленіе сдѣлать его личность и жизнь предметомъ поэтическаго воспроизведенія. Указанныя особенности новѣйшей русской литературы сводятся къ тремъ основнымъ чертамъ: стремленіе во имя высшихъ идеаловъ человѣческаго существованія освободить русскую жизнь отъ всего, что мѣшаетъ ея нормальному развитію, разоблаченіе идейной и моральной несостоятельности современнаго культурнаго общества и, наконецъ, интересъ къ народу и вообще національному укладу жизни и психологіи.

Выпускъ посвященъ Л. Толстому, общей характеристикѣ народническаго направленія въ русской литературѣ въ 40-ые—70-ые годы XIX в., разбору произведеній Гл. Успенскаго и обрисовкѣ творчества гр. А. Толстого. Подробнѣе авторъ „Чтеній" останавливается на дѣятельности гр. Л. Толстого.

„Никому изъ русскихъ писателей не удавалось такъ глубоко заглянуть въ самую глубь нашего - національнаго духа, какъ это сдѣлалъ Л. Н. Толстой своимъ художественнымъ творчествомъ".

„Можно съ увѣренностью сказать, что ни въ Россіи ни вообще въ міровой литературѣ нѣтъ въ настоящее время писателя, пользующагося такой широкой, всеобщей извѣстностью, какъ великій творецъ „Войны и Мира".

Болѣе того, едва-ли найдется на протяженіи всего XIX вѣка въ міровой литературѣ писатель, который оказалъ бы такое огромное вліяніе на своихъ современниковъ, какъ Л. Н. Толстой. Трудно сказать, гдѣ болѣе извѣстно имя Л. Толстого, гдѣ болѣе прислушиваются къ каждому его слову и изучаютъ его,—у насъ. въ Россіи или въ другихъ странахъ. Сочиненія Л. Толстого много лѣтъ подрядъ расходятся у насъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ; критическая литература о немъ поражаетъ своей обширностью и разнообразіемъ; біографическіе матеріалы разрослись до небывалыхъ размѣровъ, если принять во вниманіе, что писатель живъ и продолжаетъ работать. Все это свидѣтельствуетъ о самомъ широкомъ интересѣ русскихъ читателей къ его личности и творчеству. Но то же замѣчается и на Западѣ и въ Америкѣ. Когда около половины 90-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія одинъ очень распространенный американскій журналъ сдѣлалъ опросъ своихъ многочисленныхъ читателей, кто, по ихъ мнѣнію, наиболѣе великій писатель, подавляющее большинство (90%) назвало Льва Толстого. Извѣстный французскій писатель Флоберъ сравниваетъ его съ Шекспиромъ, а критикъ Матьи-Арнольдъ считаетъ Л. Толстого самой крупной величиной въ области современной литературы. Л. Толстой достигъ высшей славы, какая выпадала когда-либо на долю человѣческаго генія".

Особенно интересны слѣдующія статьи: связь Льва Толстого съ основнымъ направленіемъ новѣйшей русской литературы; причины огромной всемірной извѣстности Толстого; Толстой, какъ выразитель русскаго національнаго духа и т. д. Готовится къ печати третій выпускъ—литература послѣднихъ десятилѣтій XIX в.

Передъ нами книга талантливаго компилятора, который весьма добросовѣстно изучилъ источники, тщательно разсмотрѣлъ критическій матеріалъ и далъ сжатое обобщеніе всего того, что изучено о писателѣ. Такія обобщенія,

какъ, напр., статья о „лишнихъ людяхъ“, статья о русской женщинѣ въ изображеніи Тургенева и т. п., очень удачны и весьма интересны.

Но „Чтенія“ Александровскаго не только хорошо составленная компиляція. Авторъ, не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ, тѣмъ не менѣе нерѣдко вноситъ и свои цѣнныя соображенія. Выборъ матеріала, его освѣщеніе и объединеніе одной идеей принадлежитъ лично Александровскому.

„Чтеніями“ Александровскаго въ виду многихъ ихъ достоинствъ часто пользуются составители учебниковъ и не рѣдко приводятъ изъ нихъ цитаты, какъ дѣлаетъ это, напр., и Сиповскій.

Въ общемъ „Чтенія“ изложены вполнѣ научно, общедоступно и сжато. Отъ первой до послѣдней страницы живо чувствуется глубокая любовь автора къ русской литературѣ; своимъ „Чтеніямъ“ онъ предпослалъ въ качествѣ эпиграфа слова Щедрина: „Паче всего люби родную литературу“.

Въ итогѣ „Чтенія“ Александровскаго надо признать одной изъ лучшихъ книгъ въ наше время и весьма цѣннымъ научно - популярнымъ вкладомъ въ дѣло изученія новѣйшей русской литературы.

5). Орестъ Миллеръ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ біографическимъ очеркомъ Шляпкина. Изд. 5. Три тома. Т. I—2 р., II—1 р. 75 коп., III— 2 руб.

Авторъ не излагаетъ въ своемъ трехтомномъ трудѣ исторіи, не разсматриваетъ одной какой-либо эпохи, а разсматриваетъ отдѣльныхъ писателей. Первый томъ посвященъ И. С. Тургеневу и Ѳ. М. Достоевскому; второй томъ И. А. Гончарову, А. Ѳ. Писемскому, М. Е. Салтыкову и Л. Толстому; третій—С. Т. Аксакову, П. И. Мельникову и А. Н. Островскому.

Въ началѣ лекціи о „Запискахъ охотника“ Миллеръ предупреждаетъ читателя: „Я берусь говорить не столько

о самомъ писателѣ, объ его міросозерцаніи или даже о пріемахъ его творчества и степени присущей ему силы, сколько о тѣхъ явленіяхъ общественной нашей среды, которыя отразились въ его главнѣйшихъ типахъ".

Писатели разсматриваются при помощи анализа лицъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ писателей, вслѣдствіе чего получается нѣкоторая односторонность. При такой трактовкѣ вопроса полнаго и всесторонняго представленія о писателяхъ не можетъ получиться, а роль ихъ въ исторіи развитія общественной мысли становится не выясненной. Становясь на такую почву, авторъ почти неизбѣжно выражаетъ свои нравственныя, историческія и общественно-политическія воззрѣнія.

Всего болѣе Миллеръ преклоняется передъ Достоевскимъ. По поводу „Преступленія и наказанія" Миллеръ становится на точку зрѣнія Достоевскаго и заявляетъ себя проповѣдникомъ идеи христіанскаго самоотверженія.

Характеристики героевъ Гончарова и Писемскаго вышли краткими. Статья о Салтыковѣ значительно обширнѣе, но подробнѣе всего разбираетъ авторъ произведенія Толстого и между прочимъ осуждаетъ его за нехристіанскую теорію „непротивленія злу".

Анализъ характеровъ, особенно сложныхъ, какъ, напр., старика князя Болконскаго изъ „Войны и мира" и др., не удается автору. Въ третьемъ томѣ Миллеръ вкратцѣ опредѣляетъ отношеніе Аксакова къ природѣ въ его охотничьихъ разсказахъ и подробно выясняетъ значеніе Аксакова среди писателей Гоголевскаго періода. Потомъ авторъ подчеркиваетъ въ герояхъ „Семейной хроники" двѣ основныя черты: властность и стихійность, а затѣмъ высказывается взглядъ на отношеніе Аксакова къ крѣпостному праву.

„Вовсе и не думая добродушно относиться къ крѣпостному праву", говоритъ авторъ, „Аксаковъ во многомъ сочувственно рисовалъ намъ старый помѣщичій

бытъ и людей, въ немъ жившихъ, сочувственно рисовалъ во многихъ отношеніяхъ нравственную природу русскаго человѣка, вообще, какъ и физическую природу русской земли со всѣмъ ея птичьимъ и звѣринымъ міромъ".

Въ статьѣ о Мельниковѣ авторъ разбираетъ сначала мелкіе разсказы и очерки („Красильниковы", „Поярковъ", „Дѣдушка Поликарпъ", „Медвѣжій уголъ") и затѣмъ бытовые очерки „Старые годы" и „Бабушкины разсказы", изъ раскольничьяго быта „Гриша". Затѣмъ авторъ подробно разбираетъ двѣ эпопеи Мельникова „Въ лѣсахъ" и „На горахъ" и мастерски характеризуетъ главные типы, выведенные Мельниковымъ. О значеніи этихъ двухъ эпопей Миллеръ отзывается такъ:

„Скопить и привести въ порядокъ такой богатый этнографическій матеріалъ могъ только настоящій ученый, а создать изъ него такую полную и стройную картину русской жизни могъ только истинный художникъ. Своеобразное значеніе Мельникова именно и заключается въ такомъ сочетаніи двухъ стихій, рѣдко кому дающихся въ равной мѣрѣ. Обѣ, онѣ, конечно, замѣтны и у стараго пріятеля, а отчасти учителя Мельникова, В. И. Даля, но Мельниковъ далеко превосходитъ его, какъ художникъ".

Интересны разсужденія автора о русской народной жизни. Народную силу и нравственную силу народа авторъ полагаетъ въ общинѣ мірѣ и отрицательно относится къ поземельной общинѣ.

„Мельниковъ раскрылъ передъ нами въ цѣломъ рядѣ явленій общественныхъ роковыя послѣдствія подавленія духа любви... Наше чувство отдыхаетъ лишь на немногихъ образахъ, въ которыхъ не замеръ еще духъ жизни, истинный духъ любви и правды, потому что образы эти возникли на бытовой почвѣ общины".

Въ статьѣ объ Островскомъ Миллеръ анализируетъ его драмы, и возражаетъ Добролюбову, находя, что

Добролюбовская формула „самодурства“ слишкомъ узка для характеристики творчества Островскаго, что въ нее далеко не укладываются его разнообразныя произведенія и при оцѣнкѣ типа Катерины утверждаетъ, что „въ ней нѣтъ никакихъ признаковъ новой жизни, ничего возрождающаго и освободительнаго въ ея гибели“.

Значеніе Островскаго заключается въ его народности и въ обличеніи растущаго культа золотого тельца.

„Островскій—народный поэтъ, хотя у него и всего менѣе того, что принято у насъ называть народными типами, т. е. типами изъ жизни простого народа. Самые крестьяне являются у него, по преимуществу, въ несочувственномъ для народа видѣ, оторвавшихся отъ земледѣльческой почвы и перешедшихъ на почву торговую“.

„Чтенія, рѣчи и статьи“ Миллера, излагаемыя и дополняемыя въ новыхъ изданіяхъ, не такъ давно пользовались большою популярностью, при чемъ ихъ успѣхъ объясняется по преимуществу отсутствіемъ у насъ систематическихъ обозрѣній новѣйшей русской литературы.

Въ трехтомномъ трудѣ Миллера, носящемъ названіе „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, разсмотрѣны только главнѣйшія произведенія писателей послѣ Гоголя и охарактеризованы только 9 главнѣйшихъ писателей, т. е. далеко не всѣ писатели.

Самостоятельная точка зрѣнія на разбираемыхъ писателей у автора проявляется рѣдко. Каждую статью Миллеръ пишетъ подъ сильнымъ вліяніемъ какого-либо извѣстнаго критика. Этими руководителями Миллера были или Страховъ, или Ап. Григорьевъ, или Добролюбовъ, или другіе. Разсматривая общественное содержаніе и общественное значеніе произведеній писателей, Миллеръ совершенно оставляетъ въ сторонѣ ихъ литературныя достоинства.

При толкованіи литературныхъ типовъ Миллеръ всюду остается идеалистомъ въ смыслѣ нравственнаго усовершенствованія и славянофиломъ проповѣдникомъ сближе-

нія съ народными началами. Въ педагогическомъ смыслѣ толкованія Миллера должны быть признаны полезными. То, что вся книга сплошь проникнута хорошими нравственными принципами, то, что въ ней сказался авторъ извѣстный своей рѣдкой гуманностью, сердечностью, безкорыстіемъ, смиреніемъ и любовью къ ближнему дѣлаетъ книгу чрезвычайно симпатичной.

Сами же по себѣ научныя достоинства книги не велики. Теперь статьи Миллера хотя и могутъ быть полезны для общаго знакомства съ писателями, однако въ большинствѣ случаевъ представляютъ лишь историческій интересъ, такъ какъ у насъ уже имѣется нѣсколько хорошихъ опытовъ обозрѣнія исторіи новой русской литературы, въ которыхъ авторы отправляются отъ фактическаго матеріала, а не отъ этическихъ предпосылокъ.

Кр. см. Рец. въ Ист. Вѣстн. 1) В. З. 1887 г. авг. 2) А. Б—инъ 1888 г. мартъ; 3) В. А. 1890 авг.

1) С. Ставрина. Гоголевскій періодъ. Дѣло. 1876—2. 2). Z. „Ученый въ роли критика“. Дѣло. 1886—7. 3) Я.—О. Ѳ. Миллеръ. Матеріалы для оцѣнки его учено-литературной дѣятельности. Рус. Мысль 1889.—4.

Вѣст. Восп. 1907, 2; Вѣст. Евр. 1886, 11; Рус. Мысль 1887, 2 и 1890. 11. Рус. Шк. 1890, 8, Крит.-библіогр. журн. „Книга“ 1906, 8.

6). В. Саводникъ. Очерки по исторіи русской литературы. XIX в. 2 части. Ч. I—1 р. 35 коп.; ч. II—1 р. 25 коп.

Данная книга представляетъ не столько учебникъ правда одинъ изъ наиболѣе популярныхъ и лучшихъ въ наше время, сколько записки талантливаго учителя или популярныя лекціи по русской литературѣ XIX в. въ объемѣ курса средней школы. Во введеніи къ 1-ой части авторъ даетъ обстоятельный „очеркъ сентиментализма и романтизма въ западно-европейской литературѣ“, однако очеркъ исчерпывающимъ признанъ не можетъ быть. Перечисляя отличительныя черты романтизма, Саводникъ имѣетъ въ

виду почему-то болѣе французскую литературу, чѣмъ нѣмецкую.

Далѣе разсмотрѣны сентиментализмъ и романтизмъ въ русской литературѣ, классическое направленіе, развитіе національныхъ элементовъ въ литературѣ и зарожденіе реалистическаго направленія.

Изученіе литературной дѣятельности Пушкина по видамъ произведеній, а не по послѣдовательнымъ стадіямъ его творчества не можетъ быть признано правильнымъ.

Охарактеризовавъ литературную дѣятельность Лермонтова и Гоголя, Саводникъ заканчиваетъ общую картину развитія русской литературы двумя очерками, касающимися главнѣйшихъ умственныхъ теченій въ русскомъ обществѣ и въ литературной критикѣ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Во второй части, посвященной С. Аксакову, Тургеневу, Гончарову, Григоровичу, Островскому, гр. Л. Толстому, Достоевскому и русскимъ поэтамъ новаго времени, авторъ не ставитъ себѣ задачей дать полный обзоръ творчества разбираемыхъ писателей въ его цѣломъ, а въ цѣляхъ педагогическихъ стремится сосредоточить вниманіе учащихся на подробномъ анализѣ лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ произведеній каждаго писателя, стараясь на разборѣ ихъ выяснить особенности его творчества со стороны внутренняго содержанія и внѣшнихъ пріемовъ. Разборы нѣкоторыхъ произведеній, какъ, напр., „Семейной хроники" С. Аксакова, „Записокъ охотника" и др., и анализъ характеровъ, какъ, напр., Рудина, Лизы Калитиной, Обломова и др., весьма обстоятельны. Къ числу достоинствъ этихъ талантливо написанныхъ записокъ по исторіи русской литературы надо отнести хорошій языкъ автора, что очень рѣдко можно встрѣтить въ учебникахъ для средней школы.

Въ концѣ книги приложены синхронистическія таблицы по новой русской литературѣ. Эти таблицы дѣйстви-

тельно очень полезны какъ пособіе для справокъ, такъ и пособіе, въ которомъ дана общая схема литературнаго движенія въ Россіи на протяженіи полутора вѣка, въ связи съ культурной жизнью и главнѣйшими историческими событіями.

См. кр. 1) Сакулина, Вѣст. Восп. 1906 г. № 5; 2) Рус. Шк. 1906 г. № 12. 3) Обр. 1906, 8; 4) Крит. Обозр. 1907, 1; 5) Рус. Бог. 1906, 9; 6) Рус. Мысль 1906, 6. 7) Крит.-библіог. журн. „Книга“ 1906, 2.

IV.

Главнѣйшіе труды по исторіи русской литературы XIX вѣка.

Первой по времени историко-литературной работой посвященной XIX вѣку, главнымъ образомъ новѣйшему періоду, слѣдуетъ считать трудъ Скабичевскаго.

„Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1908 А. М. Скабичевскаго. Седьмое изданіе, исправленное и дополненное. Съ 57 портретами въ текстѣ. 487 стр. 2 р СПБ. 1909.

Авторъ начинаетъ свой трудъ установленіемъ граней новѣйшей литературы. По мнѣнію автора, Гоголь не начинаетъ новаго періода русской литературы, но лишь завершаетъ старый. „Этотъ старый періодъ преслѣдовалъ двѣ великія цѣли: съ одной стороны, выработку литературнаго языка и формъ; съ другой, переходъ литературы съ почвы подражательности, риторичности и отвлеченности на почву народности, самобытности и реализма. Гоголь довершилъ эту вѣковую работу. Послѣ него осталась литература съ прекрасно-выработаннымъ языкомъ, стихотворнымъ и прозаическимъ, вполнѣ реальная и самостоятельная. Недоставало этой литературѣ лишь одного, чтобы быть въ истинномъ смыслѣ этого

слова европейской: осмысленнаго идейнаго содержанія, которое могло бы поставить ее впереди своего времени“.

„Прежніе литературные корифеи завѣщали своему потомству великолѣпный инструментъ, отлично приспособленный для разыгрыванія на немъ какихъ угодно величественныхъ и глубокомысленныхъ классическихъ симфоній. Недоставало только музыкантовъ, которые были бы способны умѣло и разумно воспользоваться этимъ инструментомъ. Музыканты эти не замедлили явиться, и съ нихъ-то собственно и начинается совершенно новая эпоха въ нашей литературѣ“.

Это идейное содержаніе укрѣпилось уже послѣ Гоголя съ 40-хъ годовъ, но безъ помощи Гоголя.

„И дѣйствительно, передъ нами является эпоха до такой степени новая, представляющая такой полный переворотъ во всѣхъ литературныхъ сферахъ, что мы видимъ не одно только внесеніе новаго содержанія въ художественныя произведенія, но полное измѣненіе самыхъ литературныхъ нравовъ“.

Источниками новаго періода русской литературы служатъ три московскихъ философскихъ кружка 30-хъ годовъ, Герцена, Станкевича и Кирѣевскихъ, нѣмецкая философія, французская литература и народные идеалы.

Послѣ установленія граней новѣйшей русской литературы Скабичевскій даетъ общій обзоръ литературнаго движенія въ разсматриваемую эпоху и исторію критики. Авторъ характеризуетъ общую картину реакціи пятидесятыхъ годовъ и давленіе ея на литературу со всѣми послѣдствіями этого движенія, отмѣчаетъ дѣятельность бюрократическихъ оппортунистовъ въ литературѣ и дѣятельность критиковъ пятидесятыхъ годовъ А. В. Дружинина и П. В. Анненкова, какъ представителей оппортунистовъ, останавливается на литературныхъ заслугахъ славянофиловъ и ихъ критическихъ взглядахъ, на ученіи почвенниковъ и на критикахъ почвенниковъ. Далѣе отмѣчены три теченія въ шестидесятые годы, движеніе

эстетическихъ идей послѣ смерти Бѣлинскаго, при чем
разсмотрѣны воззрѣнія В. Майкова, Н. Г. Чернышевска-
го, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, М. А. Антонови-
ча; вскользь разсмотрѣны также выдающіеся критик
70-хъ и 80-хъ годовъ: Н. К. Михайловскій, А. Н. Пы-
пинъ, М. К. Цебрикова, К. К. Арсеньевъ, П. Н. Ткачевъ
М. А. Протопоповъ, С. А. Венгеровъ. Такимъ образом
въ развитіи русской литературы съ 40-хъ годовъ наблю-
даются слѣдующіе моменты: сороковые годы (художе-
ственный реализмъ, анализъ общественной жизни), пяти-
десятые годы (реакція), шестидесятые годы (теченія по-
литическое, философское, этическое).

Послѣ общаго обзора литературнаго движенія въ
разсматриваемую эпоху авторъ мѣняетъ планъ изложе-
нія, распредѣляя матеріалъ на 7 частей: 1) школа бел-
летристовъ сороковыхъ годовъ, 2) беллетристы народ-
ники, 3) беллетристы-публицисты, 4) историческая белле-
тристика, 5) беллетристы восьмидесятыхъ и девяностыхъ
годовъ, 6) драма и комедія и 7) поэзія. Подобную клас-
сификацію писателей надо признать случайной и весьм
неудовлетворительной.

Уже по приведенной схемѣ легко догадаться, чт
планъ изложенія совершенно неудовлетворителенъ. Н
основной идеи ни единства основанія въ группировк
нѣтъ. Скабичевскій группируетъ свой матеріалъ то хро-
нологически, то по формамъ словесныхъ произведеній
то по общему содержанію. Вслѣдствіе отсутствія руково-
дящаго принципа отдѣльныя части оказались не связан-
ными и цѣлой картины историческаго развитія русско
литературы не получилось. Вмѣсто исторіи получилс
сборникъ біографій и оцѣнокъ дѣятельности писателе
XIX в., въ которомъ авторъ въ значительной степен
обнаруживаетъ радикальныя публицистическія тенденці
отклоняясь отъ требованій исторической безпристрастно
критики. Въ біографіяхъ пропорціональности нѣтъ; одн
не въ мѣру пространны, другія бѣдны по содержанію

Лучшими слѣдуетъ признать біографіи тѣхъ писателей, которые наиболѣе извѣстны автору (60-е годы).

Еще по выходѣ перваго изданія „Исторіи“ Скабичевскаго въ 1891 г. критика энергично подчеркнула въ ней обиліе существенныхъ недочетовъ, вслѣдствіе чего въ послѣдующихъ изданіяхъ трудъ Скабичевскаго подвергался нѣкоторой переработкѣ, которая впрочемъ въ большинствѣ случаевъ сводилась къ дополненіямъ и поправкамъ, такъ какъ Скабичевскій не соглашался съ многими мнѣніями своихъ критиковъ („Новости“). Многія ошибки въ фактическомъ матеріалѣ и въ біографической части устранены, хотя въ біографіяхъ по прежнему нѣтъ пропорціональности; многіе пробѣлы пополнены, однако существенные недостатки въ планѣ, освѣщеніе и скудость матеріала остались прежними. Статьи, въ которыхъ автору приходится оцѣнивать чисто литературныя достоинства писателей 40-хъ годовъ и поэтовъ пушкинской школы, наименѣе удачны. Общаго вывода не сдѣлано. Вообще „Исторія новѣйшей русской литературы” Скабичевскаго никакъ не можетъ быть названа научной историко-литературной работой и совершенно не соотвѣтствуетъ своему заглавію, такъ какъ собственно развитія русской литературы въ исторической перспективѣ авторъ не далъ: это рядъ статей о писателяхъ, механически связанныхъ другъ съ другомъ. Скабичевскій не умѣлъ критически разбираться въ историческомъ матеріалѣ. По выходѣ въ свѣтъ перваго изданія критика хотя и отмѣтила многіе недочеты въ книгѣ Скабичевскаго, однако признала ее желательной и полезной, какъ первую попытку въ этой области. И дѣйствительно, для своего времени, т. е. лѣтъ 20 тому назадъ, она имѣла крупное значеніе, а теперь при наличности такихъ работъ, какъ работы Венгерова, Замотина, Сиповскаго, Александровскаго и др., она теряетъ и то значеніе, которое имѣла для широкой публики въ свое время.

1) Морозовъ, П. Новая русская литература и ея критикъ. Нед 1891. 6. 2) В—нъ, А. Новѣйшая русская литература В. Е. 91. 7. 3) Короб чевскій „Роковая ошибка" Рус. Обозр. 91. 8. 4) Ашевскій С. Міръ Божій 1903, № 11; Міръ Бож. 1897, 3. 5) Измайловъ, А. Русское Слово 1891; 6 В. А. Ист. Вѣстн. 1891, окт. 7) Михайловскій, Н. К. Литературныя воспоминанія и современная смута. Т. I; гл. III и IV 1900 г. 8) Плехановъ Г. В За 20 лѣтъ. Сборникъ статей.

Другая историко-литературная работа, посвященная XIX вѣку, принадлежитъ Энгельгардту.

Н. Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Томъ I (1800—1850 г.); томъ II (1850—1900 г. СПБ. 1903 г. Ц. 4 руб.

Отличительная особенность книги Энгельгардта расположеніе историко-литературнаго матеріала по десятилѣтіямъ. Такое изложеніе, по мнѣнію автора, ведетъ къ объективной научности. Авторъ утверждаетъ, что „у насъ литературная эволюція подчинялась характерному бросающемуся въ глаза хроническому ритму десятилѣтій Такой методъ позволяетъ руководиться сравненіемъ и сопоставленіемъ фактовъ по десятилѣтіямъ и приводитъ къ такому логическому выводу, который дастъ совершенно отъ насъ независящую, при всеисчерпывающей полнотѣ научнаго изученія, математически точную оцѣнку авторовъ и произведеній".

Исторія литературы, по мнѣнію Энгельгардта, должна быть построена по четыремъ координатамъ. Здѣсь имѣются въ виду: 1) вопросы формы съ цѣлью выяснить преемство писателей въ выработкѣ литературныхъ формъ; 2) литературныя школы; 3) историческія событія и общественныя движенія, которыя отражаются въ художественномъ творчествѣ; 4) выясненіе общей мысли данной эпохи, того основного „тезиса", который разрабатывается литературой.

Дѣленіе литературы XIX в. на десятилѣтніе періоды намъ придется считать весьма искусственнымъ. Второе десятилѣтіе XIX вѣка раздѣлено Отечественной войной и войной за освобожденіе Европы на двѣ различныя половины. Первая половина третьяго десятилѣтія отли-

чается отъ первой. 30-ые и 40-ые годы заходятъ другъ въ друга.

Къ искусственному расположенію матеріала и весьма неудачному плану присоединяются многіе недостатки въ содержаніи. Прежде всего надо отмѣтить, что объ общественномъ движеніи, о критикѣ, о журналистикѣ и художественной литературѣ говорится слишкомъ бѣгло. Затѣмъ въ трудѣ Энгельгардта критика отмѣтила обиліе фактическихъ ошибокъ и недосмотровъ въ содержаніи и значительные пробѣлы въ библіографическомъ отдѣлѣ (нѣкоторыя изъ ошибокъ указаны С. Ашевскимъ, Міръ Божій, 1902 г. № 6; 1903—№ 9).

Кромѣ указанныхъ основныхъ недостатковъ, надо отмѣтить, что „Исторія“ отличается малой самостоятельностью.

„Мы воздерживались—говоритъ Энгельгардтъ—отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній „своими словами“. Мы старались характеризовать писателей яркими цитатами и приводили оцѣнки изъ нашихъ выдающихся критиковъ“. Вслѣдствіе такой постановки вопроса Энгельгардтъ переполнилъ свою книгу цитатами. Относительно цитатъ Ашевскій приводитъ такія сужденія:

„Цитаты, особеннно изъ малодоступныхъ или забытыхъ сочиненій,—вещь хорошая и необходимая, когда онѣ служатъ для подкрѣпленія собственныхъ мыслей автора статьи или книги. Но когда цитатами возмѣщается или замаскировывается недостатокъ собственныхъ сужденій, тогда книга получаетъ характеръ журнальныхъ или газетныхъ обзоровъ текущей печати, при составленіи которыхъ дѣйствуютъ не столько перомъ, сколько ножницами. При такомъ почти механическомъ наборѣ цитатъ не трудно впасть въ противорѣчія и сбить читателя съ толку, а также наполнить книгу устарѣлыми взглядами и невѣрными фактами. Книга г. Энгельгардта, можно сказать, переполнена цитатами, при выборѣ которыхъ авторъ новой „Исторіи русской литературы“ не брезгалъ

даже такими источниками, какъ книга Гербеля о русскихъ поэтахъ. Кромѣ того, цитаты не всегда заимствованы изъ первыхъ рукъ, не всегда идутъ къ дѣлу и не всегда стоятъ на своемъ мѣстѣ. Такой небрежный подборъ цитатъ и вообще крайне небрежное отношеніе автора къ своему труду обусловили невѣроятное обиліе всякаго рода противорѣчій, ошибокъ и странностей".

Языкъ „Исторіи" не всегда точенъ, нерѣдко небреженъ. Когда рѣчь идетъ о 80—90 годахъ, авторъ проявляетъ большую тенденціозность. Наконецъ, бросается въ глаза неравномѣрность при оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній русской литературы и при изложеніи біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ.

Если собрать всѣ недостатки труда Энгельгардта, то придется сдѣлать выводъ, что этихъ недостатковъ очень много, что свидѣтельствуетъ о крайней небрежности и лихорадочной поспѣшности, съ которой составлялась книга Энгельгардта.

Свой разборъ „Исторіи" Энгельгардта С. Ашевскій заканчиваетъ такими словами: „Нѣтъ, это не объективная научность, а литературная стряпня, приправленная субъективнымъ памфлетизмомъ".

С. Ашевскій. Міръ Божій, 1902 г. № 6; 1903—№ 9; Г. Т. С. Ист. Вѣстн. 1902. апр.; М. Ист. Вѣстн. 1903, іюнь.

Среди работъ, посвященныхъ русскому роману XIX в., прежде всего выдѣляется трудъ Головина.

К. Ѳ. Головинъ (Орловскій). Русскій романъ и русское общество. Изд. I 1897 г.; Изд. II—1904 г. ц. 3 руб.

Сочиненіе состоитъ изъ введенія и 4 частей: 1) романтизмъ, 2) сороковые годы, 3) эпоха „бури и натиска" и 4) современное затишье.

Эпохѣ 60-хъ годовъ, эпохѣ „бури и натиска", отведено главное мѣсто; такимъ образомъ романтизмъ и сороковые года служатъ какъ бы вступленіемъ. Въ небольшомъ введеніи авторъ говоритъ о тѣхъ отличитель-

ныхъ свойствахъ русской литературы, вслѣдствіе которыхъ западъ заинтересовался русской литературой („не техническая отдѣлка, не занимательность фабулы, а богатство и задушевность внутренняго содержанія“). „Отличіе въ исторіи нашей литературы отъ западно-европейской заключается въ томъ, что на западѣ движеніе 40-хъ годовъ, то есть какъ разъ послѣдняя фаза романтизма, привело сперва къ революціонному взрыву, а потомъ къ скептическому утомленію. У насъ это движеніе сперва было подавлено извнѣ, а потомъ, десятилѣтіе спустя, оно переродилось въ ту ярко демократическую форму, которая отмѣтила собою наши 60-ые годы. Наше революціонное движеніе происходило медленно и, вмѣсто пламеннаго взрыва, огонь у насъ тлѣлъ подъ наружнымъ видомъ полицейскаго порядка. Оттого-то у насъ движеніе и затянулось на цѣлыхъ 20 лѣтъ, и разочарованіе наступило значительно позднѣе. Зато въ настоящее время, когда романтическій идеализмъ на западѣ возрождается, у насъ пока, на ряду съ послѣдними вѣяніями 60-хъ годовъ, широко расцвѣтаетъ одна безидейность. И у насъ индивидуалистическія стремленія пока выражаются только въ довольно мизерной формѣ мѣщанскаго эгоизма“.

Далѣе въ томъ же введеніи Головинъ по старому вопросу о тенденціозности и художественности литературныхъ произведеній высказываетъ слѣдующія положенія:

„Наша литература, въ самомъ дѣлѣ, всегда отличалась богатствомъ внутренняго содержанія. Даже въ самыхъ грубыхъ ея произведеніяхъ, даже въ тѣхъ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ протокольнаго матеріализма, чувствуется, хотя бы затаенное, стремленіе къ идеалу Нашъ романъ гораздо чаще грѣшитъ неряшливостью формы, отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ жизненному горю и бѣдностью идейныхъ мотивовъ. Русскіе беллетристы иногда хвали-

лись своимъ презрѣніемъ къ изяществу, возводили даже неряшливость въ культъ, но равнодушными протоколистами или сибаритами эстетики они не были никогда. Въ этомъ, быть можетъ, ихъ недостатокъ, но въ то же время и ихъ заслуга.

Идеалы и симпатіи, за одно съ поколѣніями, смѣняли другъ друга, но даже въ эпоху господства у насъ самаго грубаго реализма наша литература не переставала служить идеальнымъ стремленіямъ, хотя на словахъ, она, можетъ быть, и открещивалась отъ самого понятія объ идеалѣ“.

„Говоря это,—заявляетъ далѣе Головинъ—я вовсе не хочу выступать защитникомъ тенденціозности. Нѣтъ никакой надобности подмѣнять въ искусствѣ художественное мѣрило инымъ—политическимъ, соціальнымъ, или даже нравственнымъ. Нѣтъ надобности уже по той причинѣ, что всякая тенденціозность ради служенія излюбленной цѣли по необходимости исключаетъ всякую иную. Свойство партіи—быть нетерпимой; и тенденціозность не только влечетъ за собою подчиненіе искусства ничего не имѣющимъ съ нимъ общаго доктринамъ, но изъ этихъ доктринъ она выбираетъ себѣ одну, непремѣнно только одну, отрицая законность всѣхъ остальныхъ. А кто станетъ судьею между разнородными ученіями? Кто рѣшится признать за любымъ изъ нихъ преимущество безусловной правды?

Роль искусства, его самостоятельная, вполнѣ законная роль—въ томъ лишь, чтобы возсоздавать въ художественномъ образѣ явленія жизни, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ жизни внѣшней, бытовой, и внутренней идейной. А если бы кто-нибудь вздумалъ потребовать отъ меня точнаго опредѣленія эпитета „художественный“, я бы сказалъ, что тотъ образъ въ дѣйствительности заслуживаетъ этого названія, который совмѣщаетъ въ себѣ два условія типичность, то-есть ширину воспроизводимаго явленія, и красоту формы, въ которую оно выливается“.

Авторъ разсматриваетъ въ своемъ трудѣ, какъ шло параллельное развитіе беллетристики въ связи съ общественнымъ движеніемъ у насъ и на Западѣ.

Въ развитіи литературной и общественной жизни Головинъ намѣчаетъ четыре эпохи: романтизмъ, сороковые годы, эпоха „бури и натиска" и современное затишье.

Въ главѣ о романтизмѣ Головинъ выясняетъ происхожденіе романтизма, различіе между французскимъ и нѣмецкимъ романтизмомъ и затѣмъ пытается охарактеризовать русскій романтизмъ (Пушкинъ, Лермонтовъ, Марлинскій, Гоголь), который отличается, по мнѣнію автора, реальнымъ характеромъ.

К. К. Арсеньевъ находитъ, что нѣкоторыя изъ національныхъ видоизмѣненій романтизма указаны весьма мѣтко.

Въ литературѣ сороковыхъ годовъ Головинъ намѣчаетъ три направленія: 1) западническій идеализмъ, главнымъ представителемъ котораго служитъ Тургеневъ; 2) западническій реализмъ (Гончаровъ, Писемскій, Дружининъ); 3) національное направленіе (славянофилы, Сергѣй Аксаковъ, Ап. Григорьевъ, Достоевскій, гр. Левъ Толстой).

40-ые годы Головинъ, собственно говоря, пробѣгаетъ мимоходомъ. О Бѣлинскомъ ничего нѣтъ, какъ будто онъ не имѣлъ огромнаго значенія для развитія романа и общества той эпохи.

Третья эпоха—эпоха „бури и натиска". Подъ конецъ 50-хъ годовъ произошелъ въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ крутой и рѣзкій поворотъ.

Къ эпохѣ 60-хъ годовъ Головинъ относится несочувственно. Основная мысль сводится къ положенію, что „эпохѣ бури и натиска" обязаны мы современнымъ застоемъ, какъ въ общественной жизни, такъ и литературѣ.

„Разночинецъ" вторгся въ литературу.

Рѣзкому проявленію теоріи „искусства для жизни“ авторъ даетъ совершенно своеобразное объясненіе.

„Движеніе 60-хъ годовъ вовсе не выдвинуло новую литературную школу, какъ принято думать,—оно выдвинуло лишь новый общественный классъ. Оно было гораздо болѣе политическимъ и соціальнымъ, чѣмъ литературнымъ въ строгомъ смыслѣ. И только смотря на него съ этой точки зрѣнія, можно вѣрно оцѣнить всѣ его особенности. Въ лицѣ Добролюбова оно подвергло жестокому осмѣянію героевъ прежняго романа, бичуя въ нихъ безплодную красивость ихъ мирнаго либерализма. Конечно, въ свой критикѣ Добролюбовъ, а за нимъ все поколѣніе 60-хъ годовъ, черезъ голову романическихъ героевъ мѣтили въ самый общественный классъ, ничего не сдѣлавшій для осуществленія своихъ просвѣщенныхъ идей. И такой взглядъ, вовсе не обусловливается новыми эстетическими теоріями, а только новою постановкою взаимныхъ отношеній между классами. Когда герои 40-хъ годовъ являлись въ роли демократовъ, они въ сущности заботились не о себѣ, и потому естественнымъ образомъ относились къ своей задачѣ довольно вяло. Для разночинца шестидесятника, напротивъ, открыть себѣ широкую дорогу на равныхъ правахъ съ передовымъ сословіемъ было жизненнымъ вопросомъ. Они старались pro domo sua, а потому, опять таки вполнѣ естественно, старались очень усердно. Ставить имъ такую энергію въ особую заслугу въ виду этого и не приходится.

Такое же объясненіе легко найти и для эстетическихъ взглядовъ, преобладавшихъ въ 60-ые годы—для равнодушія къ изяществу формы, для предпочтенія, отдавшагося сюжетамъ бытовымъ, наконецъ, для знаменитой теоріи „искусства для жизни“. Нечего удивляться, что наклонность къ изяществу была слабо развита у людей, воспитанныхъ въ бурсѣ и любившихъ коротать часы за по-

луштофомъ, лучшимъ примѣромъ чему служитъ преждевременная смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (163 стр.).

Самый крупный вопросъ, поднятый эпохой „бури и натиска“, былъ вопросъ о подчиненіи искусства требованіямъ жизни.

„Подкладка этого ученія чисто политическая. Критика 60-хъ годовъ въ лицѣ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Зайцева отвергала чистое искусство не во имя какихъ - либо новыхъ эстетическихъ воззрѣній, а исключительно потому, что она стремилась воспользоваться изящной литературой для скорѣйшаго достиженія своихъ вовсе не художественныхъ цѣлей“.

Движеніе 60-хъ годовъ ушло на соціальную борьбу и на восторженное, страстное поклоненіе точному знанію, отъ котораго ожидалось не только расширеніе научнаго кругозора, но и нравственное обновленіе.

Движеніе 60-хъ годовъ породило очень обильную литературу. Беллетристика эпохи „бури и натиска“ по содержанію своему распадается на двѣ довольно рѣзко очерченныя группы. Предметомъ ея служитъ, съ одной стороны, борьба новыхъ идей съ прежнимъ строемъ жизни и понятій въ сферѣ культурнаго общества, но главнымъ образомъ въ его низшихъ слояхъ: это литература разночинческая по преимуществу. Рядомъ съ нею шла разработка народнаго быта—народническая литература.

Беллетристы, занимающіеся культурными классами, распадаются на двѣ группы: на оптимистовъ и пессимистовъ; оптимисты—Помяловскій, Слѣпцовъ и Омулевскій; пессимисты—Шеллеръ (Михайловъ), Хвощинская (В. Крестовскій), Салтыковъ.

Къ беллетристамъ народникамъ относятся Левитовъ, Рѣшетниковъ, Гл. Успенскій и Златовратскій.

Далѣе авторъ отмѣчаетъ, какъ относились къ движенію 60-хъ годовъ писатели 40-хъ и 50-хъ годовъ (за-

падники-идеалисты насмѣшливо, западники-реалисты отрицательно, націоналисты враждебно).

Младшіе послѣдователи также были въ оппозиціонномъ отношеніи къ шестидесятникамъ: Маркевичъ, Авсѣенко, Клюшниковъ, Вс. Крестовскій, гр. Саліасъ, Мельниковъ, Лѣсковъ. Боборыкинъ стоитъ, по мнѣнію Головина, совершенно одиноко въ нашей литературѣ. Пристегнуть его къ какому-либо изъ ея направленій нѣтъ возможности. Его спеціальность—отражать на себѣ всѣ оттѣнки измѣнчиваго облика русской общественности, отъ внѣшнихъ ея проявленій, въ томъ числѣ и самыхъ мелкихъ, до внутренней ея сути". Главная его заслуга—несомнѣнная чуткость въ улавливаніи преходящихъ теченій.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ эпохѣ „бури и натиска", т. е. 60-мъ и 70-мъ годамъ, замѣчается отсутствіе симметріи. Романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?", не отличающійся художественными достоинствами, излагается и разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ напр., „Дворянское гнѣздо", „Братья Карамазовы" и др.

По поводу сужденій Головина о Щедринѣ Арсеньевъ высказываетъ слѣдующія мысли: „Отъ критика, видящаго преимущественно слабыя стороны движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, нельзя ожидать большого сочувствія къ Салтыкову; тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ сравнительное безпристрастіе, съ которымъ говоритъ о немъ Головинъ. Можно, конечно, не соглашаться съ Головинымъ, когда онъ сожалѣетъ, что весь огромный талантъ Щедрина пошелъ на борьбу со злобой дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира (272 стр. въ I изд.), но хорошо уже и то, что онъ признаетъ Салтыкова, какъ автора сказокъ и какъ создателя Іудушки, Разумова, Утробиныхъ, крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ".

Наконецъ Головинъ переходитъ къ характеристикѣ „Современнаго затишія", т. е. 80-хъ годовъ и слѣдующихъ десятилѣтій. Въ настроеніи русскаго общества и

русской литературы произошла перемѣна. Въ этомъ поворотѣ общественнаго настроенія сказывается три различныхъ процесса: отрезвленіе послѣ 60-хъ годовъ, перерожденіе революціоннаго идеализма и западныя вліянія (французскій натурализмъ, реакція противъ него) и индивидуализмъ скандинавской и нѣмецкой литературы (Ибсенъ, Зудерманъ, Ницше).

Затѣмъ слѣдуетъ характеристика современной литературы и общіе очерки писателей: В. С. Гаршина, Короленки, Эртеля, Мамина — Сибиряка, Альбова, Мачтета, Чехова, Гнѣдича, Луговаго (Тихонова), Потапенки и др. Въ изложеніи Головина гр. Л. Толстой стоитъ особнякомъ. О Львѣ Толстомъ Головинъ говоритъ:

„Геніальные писатели зачастую пріобрѣтаютъ особенную власть надъ умами какъ разъ тогда, когда они ошибаются. Этотъ, съ виду парадоксальный, афоризмъ какъ нельзя лучше подтвердился на графѣ Львѣ Толстомъ. Пока онъ былъ только величайшимъ художникомъ своего времени, его, правда, окружала слава, но толпа за нимъ не шла. Я имѣлъ уже случай замѣтить, что два его знаменитыхъ романа, особенно второй, не были среди русской публики даже оцѣнены по достоинству. Но картина сразу перемѣнилась, какъ скоро Толстой выступилъ въ роли учителя—моралиста, скажу болѣе,—въ качествѣ основателя религіи. Одновременно плѣнять умы и порабощать сердца, быть первымъ среди людей своего времени и владѣть ключами вѣчности—это извѣстное дѣло, самая высокая степень человѣческаго честолюбія“ (441 стр.).

За самые послѣдніе годы стали ощущаться у насъ вѣянія французскаго декаденства.

„Но съ этимъ—можно надѣяться, быстротечнымъ повѣтріемъ не стоитъ знакомить читателя...

Это не что иное, какъ одинъ изъ отпрысковъ буржуазнаго теченія, стремящагося принизить все до уровня посредственности... То, что характеризуетъ современное

направленіе въ искусствѣ, какъ и въ цѣлой жизни общества, и есть ничто иное, какъ стремленіе удовлетворить вкусу средняго люда... Мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ поплечу и мелкая литература".

Такъ заканчиваетъ свой трудъ Головинъ.

„Русскій романъ и русское общество" читается легко и съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ излагаетъ чрезвычайно живо и любитъ мѣткія сравненія и сопоставленія. Языкъ у него вообще прекрасенъ. Но по мѣрѣ того, какъ авторъ приближается къ современной литературѣ, очерки его становятся все болѣе и болѣе поверхностными. Надо замѣтить и то, что авторъ допустилъ нѣсколько грубыхъ промаховъ. Въ общемъ развитіи русской литературы у него какъ будто не существуютъ 70-ые годы; послѣ эпохи „бури и натиска" у него наступаетъ эпоха „современнаго затишья". Чехова Головинъ не понялъ: не понялъ ни его міросозерцанія, ни его значенія для общества. Несмотря на промахи и пробѣлы, допущенные Головинымъ, несмотря на то, что симпатіи автора во многихъ мѣстахъ сильно сквозятъ, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія и нѣкоторую путаницу въ разсужденіяхъ о тенденціозности въ искусствѣ, несмотря на рядъ парадоксовъ, К. К. Арсеньевъ пришелъ къ выводу, что „Русскій романъ" въ свое время представлялъ замѣчательное явленіе современной литературы и по выбору сюжета и по мѣткости и независимости сужденій.

„Русскій романъ XIX в., въ особенности если разсматривать его въ связи съ различными фазисами общественнаго развитія, такъ близокъ къ намъ, что для исторіи его, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не наступило время. Неудивительно, что книга г. Головина носитъ на себѣ ясный отпечатокъ симпатій и антипатій автора; неудивительно и то, что его вниманіе распредѣлено неравномѣрно между различными частями его плана. Ему удалось написать живую картину одной изъ самыхъ

интересныхъ сторонъ русской жизни, картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ, въ такомъ объемѣ и въ такихъ предѣлахъ ее не рисовалъ никто. Это—его безспорная и немалая заслуга". (К. К. Арсеньевъ).

Трудъ Головина былъ удостоенъ половинной преміи имени Пушкина.

Въ 1904 г. Головинъ выпустилъ второе изданіе своего труда, въ которомъ обзоръ исторіи русскаго романа продлилъ до позднѣйшаго времени. Въ краткомъ предисловіи ко второму изданію авторъ заявляетъ, что умственный разбродъ послѣдняго времени дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ всякую группировку идей и писателей, всякое обобщеніе руководящихъ понятій, вслѣдствіе чего, быть - можетъ, и самую характеристику текущей эпохи и надо свести къ такому разброду.

Въ четвертую часть своего труда, озаглавленную „Современное затишье", Головинъ включилъ въ I главу свѣдѣнія о критикѣ конца вѣка и о Буренинѣ, и четыре дополнительныхъ главы, трактующихъ о модернизмѣ въ литературѣ и искусствѣ, о Максимѣ Горькомъ и Мережковскомъ и о романѣ Толстого „Воскресеніе".

Свѣдѣнія Головина о критикѣ конца вѣка довольно скудны. Онъ указываетъ всего - на - всего только одного представителя Буренина, межъ тѣмъ хорошо извѣстно, что Буренинымъ критика не исчерпывается, и довольно трудно оправдать игнорированіе дѣятельности Михайловскаго, Скабичевскаго, Страхова, Волынскаго, Протопопова, Громеки, Овсянико-Куликовскаго и др.

Въ обзорѣ романовъ также можно указать нѣкоторые пропуски: нѣтъ Ахшарумова, Авдѣева, Кущевскаго, автора романа „Николай Негоревъ", Стахѣева, Мордовцева, Немировича-Данченки, Каразина.

Заканчивая исторію русскаго романа, Головинъ останавливается на свѣтлой фигурѣ Владиміра Соловьева.

„Среди общаго разброда нашелся человѣкъ, въ которомъ воплотились самыя лучшія, самыя симпатичныя

черты русскаго народнаго духа. Западникъ по убѣжде-
ніямъ, онъ былъ самымъ полнымъ носителемъ русскихъ
народныхъ стремленій. И если послѣ его ранней утраты
его блестящая личность служитъ украшеніемъ недавняго
прошлаго, пусть она свѣтитъ намъ и по дорогѣ къ луч-
шему будущему".

Вслѣдствіе указанныхъ выше особенностей весьма
интересный трудъ Головина можетъ быть полезенъ толь-
ко лицамъ съ вполнѣ установившимися взглядами; реко-
мендовать книгу неопытному читателю нѣсколько рис-
кованно.

См. кр. 1) Р. И. Сементковскій. „Литературн. прилож." Нивы 1897 г., 6.
2) „Кавказъ", 1897 г. 132. 3) И. Н. „Русс. Вѣд." 1897, 156. 4) „Міръ Божій"
1897, 7. 5) А. Скабичевскій „Сынъ Отеч." 1897 275 и 282. 6) „Русс. Вѣстн."
1897, 6. 7) „Нива" 1897, 17. 8) Н. А. „Сарат. Дневн." 1897, 115. 9) Р. И. Се-
ментковскій, „Ист. Вѣстн." 1897, 6. 10) Русс. Мысль 1898. 5. 11) К. К. Арсенье-
евъ. (XIII прис. премій Пушкина 1899). Сборникъ Отдѣленія русскаго
языка и словесности, т. LXXIII. 1903. 12) С. Ашевскій. Міръ Божій
1904, окт. 13) И. Анненскій. Ж. М. Н. Пр. 1905, дек.

Въ общихъ обзорахъ послѣдняго времени, касаю-
щихся новѣйшей русской литературы, первое мѣсто при-
надлежитъ весьма интереснымъ очеркамъ С. А. Венге-
рова „Очерки по исторіи русской литературы", 2 изданіе
безъ перемѣнъ. 492 стр. СПБ., 1907 г. 2 р. 50 коп.

На первомъ мѣстѣ стоитъ замѣчательная по содержа-
нію и блестящая по формѣ вступительная лекція автора
„Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы",
читанная въ СПБ. университетѣ въ 1897 г. и вышедшая
и отдѣльной брошюрой.

Авторъ восторгается новѣйшей русской литературой
и приводитъ слѣдующія главныя положенія.

„Русская литература—замѣчательное явленіе: въ ней
отразилась не одна только наша общественная жизнь,
сама по себѣ, блѣдная и незначительная, но вся сово-
купность стихійныхъ и историческихъ условій, которая
создала широкій размахъ русскаго духовнаго склада. На

Западѣ литература есть частное проявленіе духовныхъ силъ, въ Россіи она исключительное проявленіе національнаго генія".

„Нѣтъ, безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать, что по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ русская литература новѣйшаго времени стоитъ безусловно выше новѣйшей западно - европейской литературы, кульминаціонный пунктъ которой—не во второй, а въ первой половинѣ вѣка, въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Бальзака, Гюго, Жоржъ-Зандъ, Диккенса. Развѣ то, что такъ недавно въ Европѣ являлось послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса—реализмъ, не господствуетъ у насъ уже около семидесяти лѣтъ? И притомъ, какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, насколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей? У русскихъ писателей жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе все - таки озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ резвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка. И несомнѣнно, что именно въ этомъ различіи русскаго и европейскаго реализма и лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ Западной Европы. Всѣ чувствуютъ, что въ застоявшійся и подернувшійся мутью потокъ европейской литературы вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, составляющихъ не продуктъ гніенія и разложенія, а результатъ органической

работы непочатыхъ и не истощенныхъ еще молодыхъ силъ. Вчерашние варвары говорятъ какое - то новое слово, которому суждено, и отчасти уже суждено оказать глубокое влияние на блѣдное творчество послѣдняго периода европейской литературы; оказать въ силу того, что въ этомъ новомъ словѣ, въ этомъ одухотворенномъ реализмѣ говоритъ не тоска пресыщения и немощь старческаго истощения, а юношески страстный порывъ къ свѣту и правдѣ“.

Особенность русской литературы, рѣзко отличающая ее отъ литературъ древнихъ европейскихъ народовъ, невольно останавливаетъ внимание ея историка.

„Русская литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось поучительное слово“.

Художники—проповѣдники являлись въ ней издавна: сатира Кантемира защищала Петровскую реформу, Ломоносовъ—пропагандировалъ западно-европейскую культуру, Фонвизинъ обличалъ общественные недостатки, Крыловъ былъ учителемъ жизни и т. д. Смертью Пушкина и Лермонтова кончается периодъ новой литературы.

История новѣйшей русской литература есть история развития идей и настроений, волновавшихъ русское общество. Съ 40-хъ годовъ каждый русский писатель—общественный вождь, который идетъ направо или налѣво, но при этомъ непремѣнно стоитъ во главѣ общественныхъ группъ. Поэтому въ истории новѣйшей русской литературы периоды можно устанавливать ни по именамъ писателей, ни по чисто литературнымъ направлениямъ, но въ зависимости отъ круга общественно - этическихъ идей, въ данный периодъ завладѣвшихъ умами, и по именамъ представителей теоретической мысли.

Въ „Общемъ очеркѣ истории новѣйшей русской литературы“ Венгеровъ отмѣчаетъ 7 периодовъ. Хотя дѣление эпохъ на периоды вещь весьма условная и всегда вызываетъ возражения, однако общая схема нашего ли-

тературно - общественнаго движенія за вторую половину XIX вѣка, предложенная Венгеровымъ, представляетъ собою весьма удачно составленную канву для дальнѣйшихъ историко - литературныхъ изслѣдованій и пріемлема вообще.

Новѣйшую русскую литературу Венгеровъ начинаетъ съ эпохи Бѣлинскаго, обзоръ которой даетъ въ статьѣ „Великое сердце“. Его именемъ можно назвать эпоху, потому что онъ дѣйствительно далъ ей свою окраску. „Бѣлинскій, конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскій—первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и эстетически - правильнаго, что было въ русской литературѣ послѣднихъ 60 лѣтъ“.

Исходнымъ пунктомъ для этой эпохи служитъ московскій университетъ, откуда вышли два кружка: Станкевича и Герцена. На почвѣ этихъ кружковъ зарождаются три группы общественно-литературныя: 1) партія офиціальной народности, 2) славянофильство и 3) западничество.

Второй періодъ—„Послѣдніе годы дореформенной эпохи (1848—1855) или „эпоха цензурнаго террора“, небывало строгихъ мѣръ противъ писателей (Салтыкова, петрашевцевъ и др.). Черты этой эпохи—уныніе, упадокъ критики и преобладаніе въ печати статей о старой русской литературѣ.

Но вотъ наступаетъ „Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса“ (1855—1861). Необычайный подъемъ общества, одушевленіе литературы, научной дѣятельности и общественнаго мнѣнія—открываетъ „эпоху великихъ реформъ“; появляется проповѣдь правъ русскаго гражданина; заговорили Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, А. Толстой и др.

Четвертый періодъ носитъ названіе „Реакціи и эпохи нигилизма“ (первая половина 60-хъ годовъ). Усиленіе ра-

дикальныхъ стремленій среди молодежи, польское возстаніе, петербургскіе пожары 62 г. вызвали реакцію и затормозили реформы. Д. М. Писаревъ, представитель радикализма среди молодежи, проповѣдуетъ „трезвое міросозерцаніе“ и „разумный эгоизмъ“.

Семидесятые годы Венгеровъ называетъ „эпохой высшаго развитія альтруизма“. Въ это время на сцену выступаетъ не разночинецъ—рѣзкій отрицатель-нигилистъ, но „кающійся дворянинъ“, желающій искупить свою вину передъ народомъ. Это стремленіе къ совершенствованію личности выражается въ формѣ „хожденія въ народъ“. Рядомъ съ идеаломъ усовершенствованія личности выдвигается принципъ общественнаго блага. Растетъ интересъ къ общественнымъ наукамъ; выразителями этого движенія являются Лавровъ и Михайловскій. Выдвигаются Гл. Успенскій, Гаршинъ и Короленко.

Съ альтруистическими теченіями 70 годовъ связывается и творчество Достоевскаго, Толстого и Салтыкова-Щедрина, трехъ талантовъ, созданныхъ эпохой. „Героическая эпоха 70-хъ годовъ кончилась полнымъ крушеніемъ демократическихъ надеждъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ наступаетъ самая страшная изъ всѣхъ русскихъ реакцій“.

Шестой періодъ (восьмидесятые годы) Венгеровъ называетъ „эпохой разброда и унынія“. Литературно-общественную жизнь этого періода можно назвать „Чеховскимъ періодомъ“, по имени главнаго представителя Россіи „дряблой, вялой и слабой волей“; вдохновителемъ правительственной реакціи былъ Побѣдоносцевъ, и этотъ мрачный періодъ авторъ называетъ „Побѣдоносцевскимъ“. Для перваго десятилѣтія реакціи 80 годовъ характерно „толстовство“, какъ ученіе о непротивленіи злу, личное усовершенствованіе и такъ называемая теорія „малыхъ дѣлъ“. Она называется иной разъ „абрамовщиной“, по имени публициста Абрамова, „старавшагося доказать, что въ эпохи, когда исчезаютъ широкія задачи, можно удовлетвориться скромной дѣятельностью въ роли народныхъ

учителей, докторовъ, земцевъ и т. п.“. Въ это время выдвигается порнографія, пасквиль, шовинистическая печать, какъ „Новое Время“ Суворина. Въ сферѣ журналистики передовымъ характеромъ отличается „Русская Мысль“ и „Вѣстникъ Европы“. Вслѣдствіе ослабленія общественныхъ интересовъ выдвигается „чистое искусство“: Фофановъ, Апухтинъ, Голенищевъ - Кутузовъ, Чюмина, Коринѳскій и др.

90-ые годы Венгеровъ характеризуетъ именемъ „начала Возрожденія“. „Прямымъ и органическимъ выраженіемъ перваго самаго страшнаго періода „Побѣдоносцевскаго“ 25-лѣтія было такъ называемое „декадентство“, этотъ, по выраженію Венгерова, „ядовитый пустоцвѣтъ“. Но то, что принято опредѣлять словомъ „декадентство“, претерпѣло существеннѣйшія измѣненія. Этотъ второй періодъ Венгеровъ предлагаетъ характеризовать „русскій модернизмъ“.

Вторая половина 90-хъ годовъ характеризуется приливомъ общественной бодрости; нарожденіе новаго настроенія быстро уловилъ Боборыкинъ въ романѣ (1894 г.) „Перевалъ“. „Этотъ знаменательный „перевалъ“ выразился въ оживленіи радикальной журналистики, въ поворотѣ „толстовства“ отъ непротивленія злу къ уничтожающей критикѣ поповско-буржуазной государственности, и особенно въ формѣ „марксизма“. Въ художественномъ творчествѣ пророкомъ марксизма былъ М. Горькій, которымъ Венгеровъ и заканчиваетъ свои очерки новѣйшей русской литературы.

Очерки написаны съ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ предмета. Будучи весьма талантливымъ изслѣдователемъ, Венгеровъ обладаетъ и рѣдкой эрудиціей, и ясностью анализа, и даромъ яснаго, простого и увлекательнаго изложенія. Очерки обнимаютъ всѣ наиболѣе существенныя явленія литературной жизни за указанный періодъ, сжато изложены и весьма содержательны. Нѣко-

торые фактическіе недосмотры были указаны С. Анѣевскимъ.

Въ новѣйшемъ періодѣ русской литературы, какъ мы видѣли, Венгеровъ считаетъ основными чертами смѣну идей и настроеній, волновавшихъ русское общество, и опредѣляетъ взаимодѣйствіе между общественной жизнью и литературой. Однако къ теоріи экономическаго матеріализма и борьбѣ классовъ Венгеровъ относится отрицательно и не даетъ анализа соціально - экономической подпочвы русскаго общественно - литературнаго развитія.

А. Е. Грузинскій далъ слѣдующій отзывъ о трудѣ Венгерова.

„Широкая точка зрѣнія, отсутствіе узкой тенденціозности позволили въ общемъ автору правильно распредѣлить свѣтъ и тѣни въ картинѣ послѣднихъ десятилѣтіи, гдѣ происходила смѣна очень разнородныхъ теченій, и кипѣла иногда въ высшей степени сложная борьба. Венгеровъ не стѣсняется указывать слабыя стороны тѣхъ направленій или отдѣльныхъ дѣятелей, которымъ въ общемъ сочувствуетъ и общественную стоимость которыхъ учитываетъ прямо какъ положительную величину; весьма вѣроятно, что его оцѣнки въ отдѣльныхъ случаяхъ будутъ встрѣчены возраженіями, но онѣ, что всего важнѣе, нигдѣ не были продиктованы узкими и предвзятыми соображеніями. Такъ, напр., происходившая на переходѣ отъ крѣпостной Россіи къ новой смѣна главныхъ дѣятелей и передача руководящей роли въ литературѣ другому классу общества,—вся эта соціальная подпочва борьбы „отцовъ и дѣтей“ не нашла себѣ опредѣленнаго мѣста въ картинѣ автора; 60-е годы вообще какъ - то сгладились и упростились въ освѣщеніи „медоваго мѣсяца“, а далѣе затемнились въ неполной и не совсѣмъ удачной характеристикѣ нигилизма. Но это не потому, что симпатіи и антипатіи автора невѣрно направлены; онъ мало заинтересованъ соціальной стороной литературы; вы можете найти, что его объясненія не всегда

полны или отчетливы, но вы не найдете ихъ ошибочными въ корнѣ, въ основѣ. Основой воззрѣній автора является широкій духъ свободы, который и спасаетъ дѣло".

A. Vrsal - Hlidka — 1908 (II—123—125; III — 214—216;—IV—291—292). А. Е. Грузинскій. Рус. Мысль. 1907, 10; Е. Колтановская, Обр. 1907—8. С. Ашевскій. Соврем. Міръ. 1907, 12. Былое 1907, 10. Вѣст. Восп. 1907, 6. Вѣстн. Евр. 1907—9.

V.

Попытки внести основной руководящій принципъ въ исторію русской литературы.

Въ послѣднее время стали появляться весьма смѣлыя попытки вносить основной руководящій принципъ въ исторію русской литературы. Къ обозрѣнію этихъ оригинальныхъ трудовъ мы и переходимъ, при чемъ я остановлю Ваше вниманіе на 5 обзорахъ.

1) Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи въ трехъ частяхъ (VII, VIII т. собранія сочиненій. СПБ. 1910. 1 р. 25 коп. за томъ. IX т. 1911 г. 1 р. 50 коп.).

Это не исторія русской литературы, а исторія русской интеллигенціи, изучаемая по даннымъ или по „итогамъ“ художественной литературы. Авторъ не даетъ характеристикъ той или другой эпохи въ исторіи нашего общества, но анализируетъ чувства и настроенія художественныхъ образовъ, въ которыхъ отразились типичныя для эпохи черты. Авторъ смотритъ на русскую литературу, какъ на отраженіе идеаловъ и настроенія общества.

Въ первой части „Исторіи русской интеллигенціи“ авторъ даетъ картину послѣдовательной смѣны различныхъ общественно-психологическихъ типовъ, созданныхъ той или другой эпохой и нашедшихъ свое художествен-

ное воплощеніе въ извѣстныхъ образахъ Чацкаго, Онѣгина, Печорина, Рудина, Лаврецкаго, Тентетникова и Обломова.

„Итоги“ художественной литературы авторъ провѣряетъ и комментируетъ данными литературной критики, мемуаровъ, писемъ и другихъ документовъ соотвѣтственной эпохи. „Сообразно съ задачей труда“, говоритъ авторъ „оставлены безъ разсмотрѣнія и даже безъ упоминанія многія первостепенныя произведенія нашей художественной литературы, каковы, напр.: „Полтава, Мѣдный всадникъ, Русалка, Капитанская дочка, Тарасъ Бульба, Старосвѣтскіе помѣщики, Шинель и т. д. и т. д., представляющія большой интересъ съ точки зрѣнія историко-литературной, но либо не относящіяся по сюжету къ изучаемой эпохѣ (XIX в.), либо не воспроизводящія типы мыслящей части общества. На послѣднемъ основаніи не разобраны типы первой части „Мертвыхъ душъ“.

Авторъ „не претендуетъ на полноту изложенія и оставилъ въ сторонѣ или упустилъ многое“.

Разсмотрѣніе лирической поэзіи не входитъ въ задачу автора; единственное изъятіе допущено для поэзіи Некрасова „въ виду важности для раскрытія идеологіи и даже самой психологіи передовыхъ круговъ общества въ эпоху 50-хъ—60-хъ годовъ“.

Наиболѣе рельефно отразилось настроеніе русской передовой интеллигенціи наканунѣ эпохи великихъ реформъ въ поэзіи Некрасова второй половины 50-хъ и первой 60-хъ годовъ и ранней сатирѣ Салтыкова-Щедрина. Въ поэзіи Некрасова и сатирѣ Салтыкова выраженъ поворотъ въ сторону народа, защита его интересовъ, пропаганда гуманнаго отношенія къ мужику, при чемъ замѣтна идеализація мужика.

Позднѣе переломъ въ обществѣ отразился въ творчествѣ Некрасова и Салтыкова. У одного и другого „народническая окраска пошла на убыль; чувство умиленія передъ глубиной, правдивостью, простотой народной вѣры

и здоровыми задатками народной психологіи не получаетъ уже прежняго приподнятаго и лирическаго выраженія; зато растетъ и все ярче проявляется другое, болѣе раціональное и въ высокой степени плодотворное отношеніе къ народу, основанное на чувствѣ справедливости".

Для характеристики отцовъ „людей 40-хъ годовъ" и „шестидесятниковъ" взяты произведенія Тургенева („Дымъ", „Отцы и дѣти"), разсмотрѣно настроеніе Базарова, даны свѣдѣнія о появленіи новаго психологическаго типа „кающагося дворянина".

Разсмотрѣны 70-ые годы со взглядами Михайловскаго и Лаврова. Общественное настроеніе въ 80-ые годы отразилось въ произведеніяхъ Чехова и романѣ Боборыкина „На ущербѣ".

Въ концѣ книги приложены два очерка „Чаадаевъ и русское національное самоотрицаніе" и характеристика Бельтова, героя романа Герцена.

„Исторія русской интеллигенціи" Овсянико-Куликовскаго представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ цѣнный трудъ. Овсянико-Куликовскій и публицистъ и ученый. Онъ извѣстенъ, какъ вдумчивый изслѣдователь и добросовѣстный критикъ психологъ, обладающій обширными знаніями и эрудиціей.

„Исторія русской интеллигенціи" помимо цѣнныхъ итоговъ и сопоставленій замѣчательна по постановкѣ вопроса; именно, авторъ выдвигаетъ теорію о психологическихъ типахъ, теорію „душевной организаціи". Эта теорія въ нѣкоторой степени измѣняетъ наши обычныя представленія о смѣнѣ направленій.

„Обыкновенно разсматривались сначала идеи, господствовавшія въ жизни того или другого поколѣнія, указывалось ихъ вліяніе на выработку міровоззрѣнія и на душевное настроеніе, а отсюда дѣлались уже частичные выводы и приложенія къ объясненію отношенія извѣстнаго поколѣнія къ историческому или историко-

литературному явленію. Изложеніе самой борьбы двухъ поколѣній и составляло собственно предметъ культурной исторіи; борьбу поколѣній разсматривали обыкновенно, какъ борьбу самыхъ идей, которыя являлись первичной основой. Теперь Овсянико-Куликовскій основаніемъ ставитъ „душевную организацію" поколѣній и различіемъ этой организаціи хочетъ объяснить и различіе въ идеяхъ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Онъ сознаетъ всю трудность такой постановки. Если мы примемъ послѣднюю, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ же вызывалось это различіе душевныхъ организацій, почему на смѣну поколѣнія съ извѣстнымъ укладомъ душевныхъ силъ выступало поколѣніе съ совершенно другимъ укладомъ? Авторъ признаетъ самъ, что это—трудный вопросъ общественной психологіи, для рѣшенія котораго не всегда мы найдемъ достаточно свѣдѣній. Вопросъ, несомнѣнно, трудный. Мы можемъ спросить, не попадемъ ли мы при предложенной авторомъ постановкѣ дѣла въ заколдованный кругъ? Какой бы періодъ литературы мы ни взяли, мы всегда видимъ извѣстныя направленія, которыя могутъ быть отвлечены отъ людей и разсматриваться сами по себѣ".

„Во всякомъ случаѣ, признаемъ ли мы идею источникомъ извѣстной душевной организаціи поколѣнія, или, наоборотъ, различіе въ душевныхъ организаціяхъ— источникомъ различія въ идеяхъ, мы должны признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общественной психологіей, и такъ какъ таковая еще не изучена сама по себѣ, то, разумѣется, все дѣло ограничивается обыкновенно констатированіемъ фактовъ" (В. М. Истринъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в., 19 стр.).

Такимъ образомъ, по соображеніямъ, высказаннымъ Истринымъ, нельзя сказать, чтобы выдвинутая Куликовскимъ теорія „душевной организаціи" была развита съ

достаточной полнотой. Теорія имъ только высказана и отчасти намѣчена.

Когда авторъ углубляется въ „психологическій" анализъ общественныхъ и литературныхъ типовъ, онъ переноситъ изъ своихъ критико - психологическихъ изслѣдованій и своеобразную терминологію. Его книга пеститъ такими терминами, какъ: „душевная позиція", „душевная гигіена", „обмѣнъ психическимъ содержаніемъ", „симпатическое воображеніе", „законъ забвенія", „право негодованія", „психологическій эквивалентъ", „психопатологія національнаго уклада", „психологическій половой типъ общечеловѣческаго, интернаціональнаго характера" „психологическій консерватизмъ" и т. д.

Полной исторіи русской интеллигенціи въ разбираемой книгѣ читатель не найдетъ. Подъ исторіей интеллигенціи слѣдуетъ понимать не только исторію настроеній и типовъ, какіе образовывались въ средѣ интеллигенціи, но также исторію теоретическихъ воззрѣній и политической дѣятельности этой общественной группы. Въ книгѣ Овсянико - Куликовскаго нѣтъ характеристики поэтическихъ взглядовъ декабристовъ, славянофиловъ; авторъ не указалъ характерныхъ для николаевскаго времени проявленій скептицизма и пессимизма, которыя обнаружились въ лицѣ Чаадаева и проф. Печерина. Вообще политическое движеніе въ средѣ интеллигенціи не представлено въ книгѣ. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что при подведеніи итоговъ русской художественной литературы лирическая поэзіи исключена. Такимъ образомъ, заглавіе книги обѣщаетъ болѣе, чѣмъ даетъ ея содержаніе. Тему книги вѣрнѣе было бы опредѣлить, какъ исторію литературныхъ типовъ русской интеллигенціи.

Во всякомъ случаѣ и теорія и трудъ Овсянико-Куликовскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ они измѣняютъ наши обычныя представленія о смѣнѣ направленій.

См. кр. 1) В. М. Истринъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX в. 2) Вѣст. Евр. 1906—8, 3) Былое, 1906—9.

2) Н. И. Коробка. Опытъ обзора исторіи русской литературы для школъ и самообразованія Ч. III. Эпоха реалистическаго романа. 1 р. 20 коп.

Книга назначена для самообразованія и обнимаетъ дѣятельность Гоголя, 30 и 40-ые годы, Бѣлинскаго, Герцена, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Л. Толстого, Салтыкова, Островскаго, Некрасова, А. Толстого и Майкова.

Авторъ считаетъ свою точку зрѣнія „совершенно новой въ учебникѣ литературы". Книга составлена по новому методу, который пока нельзя считать общепризнанымъ, какъ это думаетъ Коробка. Онъ разсматриваетъ художественный матеріалъ съ точки зрѣнія такъ наз. „классовой психологіи". Схема изложенія въ общихъ чертахъ представляется такой.

До 1825 г. въ обществѣ и литературѣ главную роль играло высшее дворянство, „гвардейская аристократія"; оно стояло во главѣ и въ политическомъ и культурномъ отношеніи; оно дало декабристовъ. Послѣ 1825 г. оно теряетъ свое значеніе; его политическое вліяніе переходитъ къ высшему чиновничеству и бюрократіи, а культурное—къ новой интеллигенціи, образовывающейся около Московскаго университета, и здѣсь выдвигается среднее дворянство. Оно испытываетъ процессъ разложенія и дифференцированія; часть его сливается съ бюрократіей, часть—крѣпко сидитъ на землѣ, а часть отрывается отъ деревни и отъ сословныхъ интересовъ, перемѣшиваясь съ шедшимъ снизу разночинцемъ.

Съ этими теченіями связаны литературные факты.

Общее разложеніе дворянства выразилось въ типахъ у Тургенева, Гончарова и др. „въ лишнихъ людяхъ".

Новая группировка общества отразилась въ разныхъ направленіяхъ: офиціальная народность создана бюро-

кратіей; славянофильство—дворянствомъ, сидѣвшимъ на землѣ; прогрессивное западничество — разночинствомъ; ранніе народники (Герценъ, Бакунинъ, Огаревъ)—группой, занимающей середину между славянофилами и западниками.

Приведенная схема не новая. Кромѣ того, авторъ, заявивъ, что стоитъ на новой точкѣ зрѣнія, вызываетъ нерѣдко въ читателѣ недоумѣніе, оставляя, напр., безъ объясненія, почему высшій слой „гвардейской аристократіи" въ началѣ XIX в. былъ настроенъ демократически. Въ главѣ о Бѣлинскомъ нѣтъ примѣненія новой точки зрѣнія.

Но авторъ можетъ читателя ввести и въ заблужденіе, высказывая сужденія или ошибочныя или запутанныя; у Писарева авторъ совершенно напрасно находитъ „усадебно - дворянскія симпатіи"; анализъ личности Андрея Болконскаго и Пьера Безухова въ связи съ классовыми разновидностями дворянства—неясенъ.

Еще больше недоумѣній вызываютъ сужденія автора объ Островскомъ. Авторъ заявляетъ, будто Островскій рисовалъ купечество, какъ торжествующій классъ, сильный сознаніемъ своей грядущей побѣды. Вѣдь хорошо извѣстно, что то купечество, которое изображаетъ Островскій, было въ состояніи разложенія, упадка и что въ самодурствѣ драматургъ чаще всего изображалъ именно его слабость.

Въ результатѣ попытку преобразовать исторію русской литературы на новыхъ началахъ нельзя признать удачной вслѣдствіе ея ошибокъ, хотя точка зрѣнія и нова.

См. кр. 1) Грузинскій. Русская Мысль, 1907 г. № 8. 2) Вѣстн. Евр. 903—12. 3) Научн. Сл. 1903—10.

3) Ивановъ - Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ рус-

ской литературѣ и жизни XIX вѣка. Т. I и II. Изд. 2. СПБ. 1907 г. 3 р.

Исторія русской общественной мысли, по мнѣнію Иванова-Разумника, есть въ то же время исторія русской интеллигенціи, такъ какъ она выразительница этой мысли.

„Философія исторіи русской интеллигенціи есть въ то же время отчасти и философія русской литературы. Литература есть тотъ фокусъ, въ которомъ собирается безконечное количество лучей, преломленныхъ жизнью. Русская литература въ этомъ отношеніи сыграла совершенно особую, неизмѣримую по значенію роль: условія русской жизни, жизни русской интеллигенціи складывались такъ, что только въ одной литературѣ горѣлъ огонь, насильно погашенный въ сѣрой и слякотной общественной жизни русской интеллигенціи; только въ одной литературѣ Бѣлинскій видѣлъ жизнь и движеніе впередъ. Отсюда громадное этическое значеніе русской литературы, ея столь ненавистное многимъ „учительство“; отсюда строгое и требовательное отношеніе къ ней, чуждое всякихъ компромиссовъ, далекое отъ малѣйшихъ уступокъ. Все, что преломляла и отражала жизнь, вся любовь и вся ненависть, все горѣло яркимъ огнемъ въ русской литературѣ; общественная ненависть, политическая борьба, глубокіе этическіе запросы—ничто не было ей чуждо. Русская литература—Евангеліе русской интеллигенціи; изучая постепенное развитіе идей въ русской интеллигенціи, мы обратимъ поэтому глубокое вниманіе на значеніе русской литературы; для исторіи русской интеллигенціи Пушкинъ или Чеховъ имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ Пестель или Бакунинъ. Поэтому предлагаемая книга, будучи философіей исторіи русской интеллигенціи, неизбѣжно является въ то же время отчасти и философіей русской литературы“. Ивановъ-Разумникъ указываетъ на расплывчатость и неопредѣленность термина „интеллигенція“, какъ его понимаютъ обыкновенно,

и пытается ясно формулировать этотъ терминъ. Если по-
нимать подъ интеллигентами людей съ опредѣленной сум
мой знаній или опредѣленнымъ отношеніемъ къ этико
соціологическимъ вопросамъ, то интеллигенція существо
вала всегда—въ XVI в. кн. Курбскій, Іоаннъ Грозны
Θеодосій Косой, въ XVII в. Матвѣевъ, Котошихинъ, Хв
ростинъ, въ началѣ XVIII в. Петръ Великій, Татищевъ
Ломоносовъ и т. д. Образованность или „культурность
еще не дѣлаетъ человѣка интеллигентомъ. „Никак
дипломы не сдѣлаютъ еще сами по себѣ человѣка инте.
лигентнымъ".

Однако говорить объ русской интеллигенціи вплот
до середины XVIII в. не представляется возможнымъ
такъ какъ „отдѣльныя, разрозненныя группы не связан
другъ съ другомъ преемственностью—ни логической н
хронологической". Впервые образуется русская интелл
генція, какъ группа, лишь съ половины XVIII в. съ Н
викова, Фонвизина и Радищева. Такимъ образомъ пер
выми признаками понятія „интеллигенція" авторъ сч
таетъ *группу* и *преемственность*.

Интеллигентъ—человѣкъ, отрѣшившійся отъ сосло
ныхъ предразсудковъ, постоянно перерабатывающій кул
турное достояніе старшаго поколѣнія, активно стремящі
ся къ проведенію въ жизнь своихъ идеаловъ и разр
шающій „средостѣнія", которыя созданы отдѣльным
эпохами. Итакъ, интеллигенція—внѣклассовая, внѣсосло
ная, преемственная группа.

Интеллигенціи, которая характеризуется индивидуа
лизмомъ, авторъ противополагаетъ мѣщанство, котор
очерчивается безличіемъ, отсутствіемъ творчества, ин
ціативы, ограниченностью стремленій, узостью идеаловъ
„Самое глубокое мѣщанство дѣлаетъ самымъ плоским
самое широкое—самымъ узкимъ, рѣзко индивидуальн
и яркое—безразличнымъ и тусклымъ".

Придавая понятіямъ „интеллигенція" и „мѣщанство
этическое значеніе, а не экономическое или точку зрѣні

условной сословности, Ивановъ-Разумникъ приходитъ къ слѣдующему выводу: борьба интеллигенціи и мѣщанства составляетъ сущность исторіи русской интеллигенціи.

„Мѣщанство, говоритъ авторъ, было тѣмъ фономъ, на которомъ и въ борьбѣ съ которымъ шло впередъ развитіе русской интеллигенціи; эта борьба велась во имя личности и во имя индивидуальности“.

Авторъ разсматриваетъ идеалы и міросозерцаніе смѣняющихся поколѣній, кончая современными теченіями — народничествомъ, марксизмомъ и философскимъ идеализмомъ. Разсмотрѣны дѣятельность Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, воззрѣнія Бѣлинскаго, Герцена, славянофиловъ и западниковъ, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Михайловскаго, Толстого, Достоевскаго, Чехова, Горькаго.

Новые идеалы, новыя формы, активное проведеніе ихъ—все это не свойственно мѣщанству.

Широкое въ общемъ смыслѣ мѣщанство въ частичности можетъ быть этическимъ, общественнымъ, литературнымъ, политическимъ или офиціальнымъ.

Борьба съ этимъ мѣщанствомъ во всѣхъ областяхъ его проявленія, борьба во имя индивидуальности—основной мотивъ въ русской интеллигенціи XIX в. и русской литературѣ, ее выражающей.

Русская интеллигенція XIX в. отличается по преимуществу однимъ основнымъ признакомъ—индивидуализмомъ, направляющимъ свою активную дѣятельность противъ темнаго начала мѣщанства. „Индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью; индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной человѣческой личности должно служить главнымъ критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія“.

Книга Иванова-Разамника вызываетъ вопросъ, дѣйствительно ли нашъ прогрессъ является постепеннымъ индивидуализированіемъ жизни, или напротивъ, мы идемъ

къ подчиненію личности стѣсняющимъ условіямъ на правахъ общественнаго братства и равенства. Вѣдь принципъ поглощенія личности общественнымъ благомъ, принципъ личнаго самоотверженія проповѣдывали русскіе великіе художники слова. Тутъ невольно возникает недоумѣніе.

Далѣе, въ чемъ заключается работа такихъ интеллигентныхъ силъ, какъ Онѣгинъ и Печоринъ, которые, по выраженію Иванова-Разумника, переросли мѣщанскую толпу. Почему ихъ работа достойнѣе вниманія, чѣмъ работа заурядныхъ журналистовъ, писателей, профессоровъ учителей, помѣщиковъ и даже тружениковъ—крестьянъ Надо признать, что исторія русской интеллигенціи все же не обнимаетъ всѣхъ явленій литературы, такъ как исторія русской литературы шире русской интеллигенціи и не исчерпывается ею. Даже если и признать опредѣленіе интеллигенціи, данное Ивановымъ-Разумникомъ, то многое въ исторіи русской литературы можетъ оказаться внѣ интеллигенціи; такъ напр., Гончаровъ—„типичный мѣщанинъ, апологетъ мѣщанскихъ идеаловъ“, произведенія котораго авторъ считаетъ „пѣснью торжествующаго мѣщанства“, оказывается внѣ интеллигентско - индивидуалистической волны русской литературы и внѣ исторіи интеллигенціи, изъятіе, которое вытекаетъ изъ даннаго авторомъ опредѣленія интеллигенціи.

Наконецъ, и опредѣленіе, данное интеллигенціи нельзя признать вполнѣ правильнымъ; оно формально и не годится для выясненія сущности понятія, которое отличается живою соціально - психологическою сложностью.

Опредѣленіе индивидуализма и личности также страдаетъ неустойчивостью.

Авторъ говоритъ такъ: „Мы будемъ понимать подъ индивидуальностью сумму всѣхъ типично—общечеловѣческихъ чертъ, при неизбѣжной яркости и характерности нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ“. Давая пониманіе лично

сти эмпирически, а не религіозно - метафизически, пониманіе индивидуализма авторъ суживаетъ, а такъ какъ индивидуализмъ служитъ исходнымъ пунктомъ пониманія и оцѣнки, то въ самое построеніе исторіи русской общественной мысли вносится авторомъ неясность.

Стремясь „прослѣдить послѣдовательное развитіе и развѣтвленіе различныхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ безпрерывно совершается процессъ выработки опредѣленныхъ міросозерцаній“, Ивановъ-Разумникъ располагаетъ все идейное содержаніе русской литературы XIX в. въ нѣкоторой схемѣ, построенной согласно основнымъ принципамъ труда. Этотъ схематизмъ придаетъ внутреннее единство, но лишаетъ живости изложеніе и вноситъ абстрактность и даже пустоту въ нѣкоторыхъ его характеристикахъ.

На заранѣе заготовленные идейные шаблоны нанизываются тѣ и другіе представители литературы и литературныя теченія.

Книга Иванова-Разумника своеобразно задумана, написана бойкимъ языкомъ, но смѣлости сужденій далеко не соотвѣтствуетъ ихъ основательность. Оригинальныхъ сужденій очень много, но признать ихъ выясненными, обоснованными и доказанными не представляется возможности.

Итакъ, авторъ для изученія исторіи русской интеллигенціи беретъ въ качествѣ руководящаго принципа борьбу съ мѣщанствомъ. Имѣя въ виду эти двѣ враждебныя силы (интеллигенцію и мѣщанство), авторъ пользуется этими терминами на каждой страницѣ. Опредѣленія этихъ терминовъ получились расплывчатыя, безформенныя и невразумительныя.

Въ конечномъ итогѣ нельзя не отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ этой работѣ, цѣликомъ построенной на расплывающемся положеніи Герцена „объ антикультурной миссіи мѣщанства“.

См. кр. Волжскій. Русская Мысль. 1907 г. № 6; Вл. Кранихфельдъ. Соврем. Міръ, 1908 г. № 2. Плехановъ Г. В. Идеалогія мѣщанина нашего времени. Совр. Міръ 1908—6 и 7. С. Франкъ. Критическое Обозрѣніе. 1907—1. Крит.-библіогр. журн. „Книга“ 1906—2.

4) Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX в. 24+XXXIV+566. Изданіе 3, исправленное съ вступительной статьей Петра Пильскаго. СПБ. 1907 г. 2 руб.

Многочисленные недостатки, указанные критикой въ первомъ изданіи, болѣе или менѣе устранены, и о книгѣ въ третьемъ изданіи дѣйствительно можно сказать, что она подверглась значительной „чисткѣ“.

Въ статьѣ „Вмѣсто предисловія“ авторъ заявляетъ, что основная идея русской литературы—религіозно-нравственная и основана на сознаніи святости человѣческой личности и человѣческой жизни. „Эта идея, зародившаяся еще въ концѣ XVIII вѣка, выросла и окрѣпла, какъ сталь, выкованная булатомъ, въ безконечно долгой борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ и духомъ крѣпостничества. У самаго начала самостоятельной жизни русской литературы стоитъ Радищевъ и его знаменитая книга, являющаяся какъ бы прообразомъ и символомъ цѣлаго вѣка нашего литературнаго развитія“.

„У нашей литературы была своя воля, идея, стремленіе, которыя ставили ее въ противорѣчіе съ окружающей дѣйствительностью. Не значитъ непремѣнно, что воля, идея, стремленіе были всегда и непремѣнно сознательны и выражались всегда въ ясныхъ и опредѣленныхъ терминахъ: художественные образы, стихійно создаваемые литературой, говорили, конечно, больше формулъ и программъ. Но и стихійно и сознательно, одинаково, наша литература имѣла свою любовь и свою ненависть. Это была любовь къ человѣку, это была ненависть къ рабству: къ человѣку, въ какомъ бы униженномъ и забитомъ положеніи ни находился онъ, и къ рабству—какая бы сила жизни ни проявлялась въ немъ, какія бы

слова ни приводило оно въ свое оправданіе. Воля литературы не имѣла ничего общаго съ волей официальной жизни. Ея стремленіемъ было освободить жизнь и человѣка. И она добивалась этой цѣли своей проповѣдью гуманности, своимъ призывомъ къ стыду и совѣсти всѣхъ привилегированныхъ, своимъ негодованіемъ при видѣ обидъ и униженія человѣка, своимъ протестомъ противъ нихъ. Какова формула русла русской литературы? Люди оспариваютъ не только формулу, данную мною, но и самую возможность ея. Они ссылаются при этомъ на свободу творчества. Мнѣ кажется, что свобода творчества тутъ не при чемъ. Богатая русская жизнь XIX в. легко, однако, укладывается въ формулу эмансипаціи личности и перехода отъ потребительно—земледѣльческаго хозяйства къ капиталистическому. Богатая литературная жизнь Россіи за тотъ же вѣкъ одинаково имѣетъ формулу".

„Борьба съ крѣпостнымъ правомъ и его переживаніями во имя освобожденія общинно - земледѣльческаго строя народной жизни и общинно - земледѣльческаго мышленія, какъ дѣятельное начало славянофильскаго теченія—борьба съ тѣми же устоями во имя эмансипаціи личности и ея развитіе, какъ дѣятельное начало теченія западническаго,—таковъ смыслъ исторіи нашей литературы въ ея главномъ руслѣ, такова формула нашего литературнаго развитія за XIX вѣкъ".

Попытку изложенія приведенной формулы Соловьевъ и даетъ въ своемъ трудѣ. Авторъ далъ сначала общую характеристику барской литературы, затѣмъ ея противоположности—литературы разночинной и, наконецъ, литературы, созданной кающимся двориниомъ. Эти три фигуры барина - идеалиста 40-хъ годовъ, разночинца 60-хъ и кающагося дворянина 60—70-хъ годовъ авторъ считаетъ основными въ исторіи нашего литературнаго развитія. Книга расположена по такой схемѣ: вражда принциповъ, внесенныхъ въ литературу бариномъ и разночинцемъ, и затѣмъ примиреніе этихъ принциповъ.

„Сознаніе необходимости бороться съ рабствомъ человѣка, въ какихъ бы видахъ оно ни проявлялось, бороться во имя голоса своей совѣсти, интересовъ человѣческаго развитія, чувства чести и достоинства—живетъ въ нашей литературѣ“.

„Борьба за мужика собственно закончилась. Теперь мужикъ можетъ получить лишь то, что получилъ человѣкъ вообще. Но борьба за человѣка вообще, за пролетарія только началась“.

Приведенными цитатами опредѣляется идея очерковъ, которые такимъ образомъ представляютъ интересъ съ точки зрѣнія основного руководящаго принципа. Авторъ впервые въ историко-литературномъ трудѣ выдвинулъ классовую точку зрѣнія при оцѣнкѣ литературныхъ явленій и дѣятельности писателей и оцѣнилъ роль разночинной интеллигенціи въ созданіи русской художественной литературы. Однако схема, въ которой Соловьевъ излагаетъ развитіе русской литературы XIX в. не дала ему возможности охватить всѣхъ литературныхъ явленій XIX вѣка, вслѣдствіе чего, напр., въ ряду писателей оказались пропущенными Островскій и Писемскій.

Первое изданіе „Очерковъ“ отличалось обиліемъ фактическихъ ошибокъ, противорѣчій и было написано наспѣхъ, неряшливо, вслѣдствіе чего авторъ подвергся сильнымъ критическимъ нападкамъ (Статьи Шулятикова и С. Ашевскаго).

Рецензенты обвиняли автора въ злоупотребленіи длиннѣйшими цитатами, приводимыми изъ самыхъ разнородныхъ авторовъ. Нѣкоторыя цитаты не были заключены въ кавычки, что послужило поводомъ къ обвиненію автора даже въ плагіатѣ.

Въ третьемъ изданіи „Очерки“ подверглись, какъ мы упоминали выше, „основательной чисткѣ“; однако, хотя фактическія ошибки, указанныя критикой, устранены, противорѣчія сглажены, тѣмъ не менѣе не всѣ выводы автора достаточно убѣдительны и къ нимъ надо

относиться болѣе, чѣмъ осторожно. Авторъ показалъ себя не столько критикомъ, не столько историкомъ литературы, сколько „бойкимъ журналистомъ".

Фельетонъ Шулятикова въ „Курьерѣ" 1902 г. № 42 подъ загл. „Литературный хищникъ". С. Ашевскій. „Міръ Божій". 1903 іюнь; Г. Т. С. „Истор. Вѣстн." 1902, апрѣль.

5) Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Изданіе 2. СПБ. 1909 г. 1 р. 20 коп.

Терминъ „философія литературы" Андреевичъ понимаетъ, какъ разсмотрѣніе ея господствующей идеи и воли (стремленія), въ которыхъ опредѣлились ея особое лицо и характеръ, а также ея жизнь въ ея необходимомъ развитіи.

„Господствующая идея нашей литературы—аболиціонистская и освободительная, неустанная „борьба за освобожденіе личности и личнаго начала прежде всего". Цѣль книги—опредѣлить главные моменты этого процесса, при чемъ авторъ отнюдь не имѣетъ намѣренія дать читателю исторію литературы въ обычномъ смыслѣ этого слова. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ формальное развитіе литературы: ея долгіе ученическіе годы, пути и способы, какими она обучалась языку, умѣнью выражать свои мысли и даже имѣть ихъ, завоеваніе читателя, ростъ числа подписчиковъ на журналы и покупателей на книги, борьбу книги съ журналомъ, журнала съ газетой. Авторъ почти не говоритъ объ отдѣльныхъ писателяхъ, даже самыхъ крупныхъ. „Философія литературы ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть обращена въ исторію генераловъ, хотя бы и замѣчательныхъ".

„Общій научно - философскій духъ XIX вѣка, вооруженный микроскопомъ и проникнутый идеей эволюціи, которая есть, въ сущности, идея безконечно малыхъ измѣненій, дѣлаетъ намъ понятной такія вотъ мысли.

„Всѣ истины, открытія и изобрѣтенія не обязаны своимъ существованіемъ одному какому-нибудь человѣку.

для нихъ наступило свое время, и вотъ руки со всѣхъ концовъ земли, повинуясь инстинкту, начинаютъ вездѣ шарить и захватываютъ, кто сколько можетъ. Дюжина забытыхъ изслѣдователей, чувствовавшихъ, что Америка гдѣ-то существуетъ, подготовили Колумбу путь для его открытія. Мысль не зарождается въ нашемъ умѣ. Она существуетъ отдѣльно, т. е. въ жизни, раздробленная на тысячи тысячей частичекъ". Или: „Величайшей ошибкой было бы признавать, что мыслитъ отдѣльный человѣкъ. Мыслятъ общественныя группы, общественныя классы". Съ отдѣльными именами связаны только наиболѣе удачныя формулы. Конечно, для исторіи литературы очень важны эти „наиболѣе удачныя" формулы, и естественно, если въ обычномъ изложеніи она разлагается на рядъ именъ, готова долго и много спорить о преимущественномъ значеніи Пушкина, или Гоголя, или Бѣлинскаго, но и въ нее съ каждымъ днемъ проникаетъ стремленіе освободиться отъ этого культа полубоговъ и героевъ, царей и царьковъ литературнаго міра. Она не отказалась еще вполнѣ даже отъ біографій отдѣльныхъ лицъ, и вездѣ вы можете узнать, что Радищевъ отравился царской водкой, или что Пушкинъ былъ высланъ въ свое Михайловское, гдѣ и похороненъ, хотя каждый понимаетъ, что и эти милліарды имъ подобныхъ „литературныхъ" фактовъ никакого отношенія къ исторіи литературы не имѣютъ. Однако, говорю я, на ряду съ подобными „пережитками" отводится все больше мѣста общественнымъ условіямъ жизни, характеристикѣ соціальной группы, къ которой принадлежалъ писатель. Есть уже попытки (особенно на Западѣ) давать исторію идей и настроеній, а не лицъ, и внести идею закономѣрности и эволюціи въ этотъ капризный и призрачно - свободный міръ литературно - художественнаго творчества. Съ исторіей литературы постепенно происходитъ тотъ же процессъ, какъ и съ исторіей собственно. Все равно, какъ эта послѣдняя, которая раньше была лишь исторіей ца-

рей и генераловъ, стремясь все къ высшимъ обобщеніямъ, къ созданію своихъ схемъ, къ ознакомленію со своими законами, обратилась въ исторію массъ, сословій, экономическихъ отношеній и приблизилась, насколько это для нея возможно, къ соціологіи,—такъ, тѣмъ же путемъ идетъ исторія литературы".

Андреевичъ сильно ополчается противъ біографическаго матеріала.

„Первое и самое элементарное мое требованіе, это отрѣшиться отъ біографическаго матеріала. Признаюсь, мнѣ совершенно никакого нѣтъ дѣла до того, былъ ли, напр., Некрасовъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, какъ утверждаетъ А. Н. Пыпинъ, или героемъ - рабомъ (?), какъ нелѣпо доказываетъ Г. Е. Елисѣевъ, или литературнымъ Ruffiano (разбойникомъ), какъ звалъ его Герценъ; но мнѣ есть дѣло до поэзіи Некрасова, особенно же до тѣхъ ея мотивовъ, въ которыхъ я слышу народолюбіе или голосъ городского пролетарія. Мнѣ важно отношеніе Некрасова къ мужику, землѣ, Россіи, какъ важно такое отношеніе разныхъ писателей вообще, даже всей нашей литературы; а откуда Некрасовъ досталъ деньги на изданіе „Современника", это уже дѣло его біографа".

Исторія литературы все дальше и дальше уходитъ отъ критики и монографій, становясь исторіей идей, типовъ, настроеній... Воспринявъ идею необходимости, она преобразуется въ философію исторіи. Въ пестромъ разнообразіи историко - литературныхъ фактовъ авторъ видитъ одну господствующую идею: борьбу за освобожденіе личности.

Но самую борьбу за освобожденіе личности Андреевичъ суживаетъ слѣдующимъ образомъ: „Я выдѣляю борьбу съ крѣпостнымъ правомъ и офиціальной жизнью во имя интересовъ развитія личности. Я думаю, что это и есть та ось, вокругъ которой „вертятся" у насъ литературныя явленія XIX вѣка".

Разсматривая развитіе русской литературы, какъ выраженіе постепеннаго разложенія нашего стараго общественнаго строя и постепеннаго торжества демократическихъ идей, Андреевичъ устанавливаетъ слѣдующіе періоды за истекшее столѣтіе: 1) дворянскій періодъ литературы, 2) всходы реализма, 3) борьба съ идеями дворянской литературы (60-ые годы), 4) народничество 70-хъ годовъ, 5) послѣднія слова народничества и его разложеніе и 6) „современная мысль, какъ проблема свободы и необходимости“.

Первый періодъ названъ дворянскимъ потому, что соціальнымъ факторомъ, создавшимъ нашу литературу, была барская, помѣщичья среда, которая и наложила на всѣ ея произведенія особый отпечатокъ.

„Всходы реализма“ выразились въ броженіи мысли, вслѣдствіе чего разрушилось барское „самодовольство“ и барская „самоувѣренность“. Въ этомъ броженіи мысли— предчувствіе новой жизни. Возлѣ земледѣльческой Россіи медленно выростала городская. Возлѣ идеализма—реализмъ и соціализмъ. Въ литературѣ появляется мужикъ. Возлѣ барской литературы появляется литература разночинцевъ. Въ эпоху борьбы съ идеями дворянской литературы господствующія мысли сводятся къ полному отрицанію прошлаго, патріархальнаго, дворянскаго во имя освобожденія личности и общественности, къ требованію отъ каждаго человѣка гражданской общеполезной работы, къ стремленію раціонализировать жизнь, устранить изъ нея все мистическое, традиціонное, патріархальное, противорѣчащее разуму, и устроить ее по логикѣ полезнаго. Все это слилось въ понятіи эмансипація. „Это ключъ къ пониманію эпохи. Эмансипировались крестьянинъ отъ помѣщика, женщина отъ семейной кабалы, гражданинъ отъ государства, мысль отъ преданій и кумировъ прошлаго. Былъ порывъ, была страсть, было вдохновеніе. И въ этомъ „боевая“ красота эпохи“. Все это создало

своеобразную литературу, при чемъ первое мѣсто заняла журналистика.

За періодомъ отрицанія дворянскихъ идей слѣдуетъ періодъ служенія народу; героемъ эпохи становится кающійся дворянинъ. Возникаетъ идея расплаты съ народомъ. Лозунгомъ эпохи 70-хъ годовъ были слова: „въ народъ". И подъ знакомъ этого лозунга разыгрался послѣдній актъ „драмы русскаго барства".

Но въ эту эпоху героическаго служенія мужику надвигалась на Россію новая сила, грозная: промышленный строй, который на первыхъ порахъ принялъ исключительную форму хищничества. Огромныя деньги вдругъ получила Россія послѣ освобожденія крестьянъ. 400 милліоновъ выкупныхъ платежей, ссуды изъ земельныхъ банковъ, ссуды по желѣзнодорожнымъ концессіямъ— вошли въ обращеніе. „Началась дикая биржевая сатурналія, разнузданная пляска милліоновъ, гомерическія мошеничества, кутежи, крахи и обогащенія. Поразительную картину того времени и всего разврата, который вноситъ и въ душу человѣка и въ общественную жизнь жажда наживы, нарисовалъ намъ Щедринъ. Главныя идеи 70-ыхъ годовъ—народъ, мужикъ, служеніе имъ, огражденіе Россіи отъ безземельнаго пролетаріата, отъ капитализма и напряженная борьба съ офиціальнымъ міромъ. Бичомъ свиститъ по воздуху сатира Щедрина, гнѣвно поражая ненавистную ему бюрократію и формализмъ жизни вообще. Но народничество въ 80-ые годы умирало и догорало, не достигнувъ своихъ цѣлей, потому что неравна была борьба его съ „офиціальнымъ міромъ" и съ капиталистическимъ строемъ. Капитализмъ нанесъ народничеству смертельный ударъ".

„Народничество умерло отъ внушеній дѣйствительности, не оправдавшей надеждъ ни на мужика общинника ни на русскую интеллигенцію. Толстой доводитъ до конца скрытую идею народничества—его борьбу съ западнымъ раціонализмомъ и рѣшительно выдвигаетъ на первый

планъ проблему личнаго спасенія. Уставшая отъ разочарованій 70-хъ годовъ, отъ властныхъ деспотическихъ, но давно уже мертвыхъ формулъ служенія крестьянскому царству, личность обращается къ себѣ, въ себя. Чеховъ даетъ намъ поэму огромной и убогой жизни, которой нечѣмъ жить, некуда итти, въ которой нѣтъ силы и рѣшительности, нѣтъ знанія и мужества—жизни скупой, гнетущей, унижающей".

Послѣдній моментъ въ литературномъ развитіи Андреевичъ опредѣлилъ нѣсколько туманно: „Современная мысль, какъ проблема свободы и необходимости".

„Въ наши дни очевиденъ огромный совершающійся на нашихъ глазахъ переломъ жизни. Мы разными словами обозначаемъ этотъ переломъ: или „разложеніемъ общинно - земледѣльческаго строя жизни" или „развитіемъ капиталистическаго хозяйства" или „началомъ рабочаго движенія жизни", но несомнѣнно, что всѣ эти разныя слова по существу означаютъ то же самое, т. е. что средневѣковая по преимуществу, земледѣльческая, деревенская, патріархальная Россія дожила или доживаетъ свои послѣдніе дни".

Кризисъ нашей жизни—замѣна стараго дореформеннаго хозяйства хозяйствомъ капиталистическимъ. Наше общество буржуазно; интересы рынка и собственности играютъ въ немъ первенствующую роль; крестьянство превращается въ пролетаріатъ и мѣщанство. Идею и культъ мужика марксизмъ затѣнилъ идеей и культомъ пролетарія.

Свое изслѣдованіе Андреевичъ довелъ до нашихъ дней, и въ этомъ смыслѣ весьма интересны его мнѣнія о марксизмѣ, Л. Андреевѣ и М. Горькомъ, которые какъ бы завершаютъ все прошлое русскаго прогресса.

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что постановка вопроса въ трудѣ Андреевича чрезвычайно интересна и заслуживаетъ глубокаго вниманія. Авторъ слѣдитъ въ

своей книгѣ за развитіемъ идеи „свободы и освобожденной личности“.

При всемъ томъ авторъ при разсмотрѣніи философіи русской литературы не обнаруживаетъ глубины философскаго мышленія и въ трудѣ, носящемъ названіе „Опытъ философіи русской литературы“, обнаруживаетъ прежде всего недостатокъ философіи. Вмѣсто „опыта философіи“ получился бѣглый, историко - литературный обзоръ, въ однихъ мѣстахъ отличающійся мѣткостью замѣчаній и остроуміемъ, въ другихъ хлесткостью рѣчи, граничащей съ болтовней.

Основная ошибка Андреевича сводится къ тому, что, объявивъ господствующей идеей русской литературы борьбу за освобожденіе личности, онъ эту исходную точку зрѣнія взялъ совершенно догматически. Съ другой стороны, не только объемъ и содержаніе основныхъ понятій „свобода“ и „личность“ остались у него съ весьма неопредѣленнымъ содержаніемъ, но даже и самыя понятія трактуются, какъ понятія чисто отрицательныя безъ всякаго положительнаго содержанія.

Приведу рядъ сужденій по этому вопросу, высказанныхъ Волжскимъ.

„Идея личности существуетъ для г. Андреевича только въ отрицаніи, въ противорѣчіяхъ; какъ только уничтожается объектъ отрицанія, разрѣшаются противорѣчія—упраздняется и самая личность“. „Поднимая вопросъ о происхожденіи „личности“,—пишетъ онъ,—приходится признать, что она вырабатывается, главнымъ образомъ, въ процессѣ отрицанія, скептицизма, борьбы. Это ея прошлое не только въ Европѣ, но и въ Россіи, и совершенно естественно, если реальная соціологія нашихъ дней, выростая на почвѣ ученія Маркса, разсматриваетъ личность, какъ „результатъ столкновенія различныхъ общественныхъ слоевъ“. Тамъ, гдѣ нѣтъ общественной борьбы классовъ, гдѣ нѣтъ низшихъ и высшихъ, нѣтъ неравенства, недовольства, протеста, жажды под-

няться выше въ своемъ общественномъ положенiи, нѣтъ гнѣва, зависти, властолюбiя—словомъ, нѣтъ такъ называемыхъ, антисоцiальныхъ чувствъ,—нѣтъ и личности... Но въ конечномъ итогѣ освобожденiя личности Андреевичу видится, какъ идеалъ, „та свобода, которая исключаетъ возможность какого бы ни было физическаго и нравственнаго насилiя человѣка надъ человѣкомъ".

„Вмѣсто мѣщанскаго, метафизическаго, оппозицiоннаго индивидуализма нашихъ дней,—развиваетъ свою мысль далѣе Андреевичъ,—не сегодня-завтра выступитъ на сцену индивидуализмъ пролетарскiй. Онъ признаетъ полную свободу и полную независимость интимной стороны человѣческой личности, т. е. область вѣры и художественнаго творчества, и полное подчиненiе интересамъ мiрового товарищескаго производства выводамъ точной науки, общественной справедливости"... Ясно, что здѣсь мыслится устраненiе „антисоцiальныхъ чувствъ" и того, что съ ними связано, а если внѣ ихъ—*нѣтъ личности*, то получается въ конечномъ счетѣ упраздненiе *личности въ процессѣ ея освобожденiя, свобода личности* есть *отрицанiе личности.* Вотъ въ концѣ концовъ въ какой тупикъ упирается „опытъ философiи" Андреевича, поскольку онъ оперируетъ съ своимъ чисто-отрицательнымъ понятiемъ личности и ея освобожденiя".

„Освобожденiе „отъ чего"—это ясно въ книгѣ Андреевича, но „во имя чего"—это совсѣмъ неясно. Поэтому то процессъ самоопредѣленiя въ исторiи русской литературы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ уясняется г. Андреевичемъ въ *моментахъ отрицанiя,* но въ положительныхъ *моментахъ утвержденiя* остается совершенно непонятнымъ.

Поэтому, напримѣръ, обнаруживается полное безсилiе „Опыта философiи" осмыслить положительную цѣнность всей той сложности литературныхъ переживанiй, которая *наслоилась* около образа русскаго „лишняго человѣка"; остался неосмысленнымъ весь этотъ сложный

и глубокій художественный анализъ изъязвленій и ранъ интеллигентской души, вся эта страшная трагедія душевнаго саморазлада, когда освобождающаяся личность, ощущая пустоту внутри себя, стремится къ полнотѣ положительнаго самоопредѣленія, ищетъ идеала, Бога, какъ безусловнаго положительнаго содержанія своей личности. Вся религіозная, нравственная боль высшихъ духовныхъ алканій, эта святая тоска, мука мученическая около проклятыхъ вопросовъ, осталась въ „Опытѣ философіи“ безъ всякаго, истинно философскаго освѣщенія; нельзя же все это свести къ моменту освобожденія въ томъ его чисто отрицательномъ и внѣшнемъ пониманіи, съ которымъ оперируетъ Андреевичъ; еще меньше можно все это разгадать на почвѣ сословно-классовыхъ противорѣчій, какъ это пробуетъ сдѣлать Андреевичъ“. (Вопросы жизни, 1905 г. апрѣль-май. Литературные отклики, 282 стр.).

Многія живыя явленія въ русской литературѣ исчезли въ изложеніи Андреевича, такъ какъ онъ былъ весьма стѣсненъ узкими рамками своего метода; въ силу этого въ его схему далеко не все могло улечься.

„Методъ моей книги—діалектическій. Онъ состоитъ въ разъясненіи тѣхъ противорѣчій, развитіе которыхъ обусловило органическій ростъ нашей литературы. Первое основное противорѣчіе я вижу между литературой и официальной жизнью: литературой, всѣ требованія, „надежды и основанія“ которой сводятся къ тому, чтобы обезпечить свободное проявленіе творческой личности человѣка, и офиціальной народностью съ ея единственной задачей приготовить нужныхъ государству слугъ и и плательщиковъ налоговъ.

Это великій споръ и великая борьба, далеко еще не рѣшенная.... Идетъ затѣмъ рядъ противорѣчій внутри самой личности. Прежде всего видимъ группу идей и настроеній, выросшихъ и формулированныхъ въ дворянскій періодъ нашей литературы, который длится вплоть

до 60-хъ годовъ. Освободительная идея въ эту эпох имѣетъ прежде всего характеръ гуманизма, покровител ственнаго сострадания къ закабаленному народу. Но эт не просто гуманизмъ, не просто состраданіе. Здѣсь вся кое чувство окрашено эстетизмомъ, а его объектъ со зерцается, какъ нѣчто прекрасное, и потому достойно свободы. Какъ нѣчто прекрасное, созерцается Россія в ея будущемъ или прошломъ, русскій народъ; даже в психологіи крестьянина стараются выдвинуть на первы планъ или ея артистическія стороны, или красоту этиче скую, т. е. праведность.....“

„Наступаетъ „буря и натискъ“ 60-хъ годовъ. В главѣ литературы становится разночинецъ, слишкомъ однако, слабый и слишкомъ лишенный общественно почвы, чтобы надолго удержать за собою позицію. Н все же онъ вноситъ въ литературу опредѣленное *хотѣ ніе*, опредѣленную *волю*. Всѣ силы своего отрицанія протеста онъ направляетъ на дворянскій эстетизмъ, н гуманность, не выходящую за предѣлы красиваго сло ва и созерцанія. Онъ требуетъ прежде всего работы пользы; онъ увлекается естествознаніемъ, а не мета физикой. Онъ вноситъ съ собой въ литературу вск ту связку чувствъ, которая обусловлена хотѣніемъ жиз ни, свободы, правъ, развитія и ненависти къ препят ствіямъ, стоящимъ на дорогѣ этого хотѣнія. Онъ ду маетъ о народѣ, но это не главная его забота. Глав ная забота сосредоточилась на освобожденіи личност изъ-подъ власти стихійнаго и патріархальнаго, путем положительнаго знанія прежде всего. Но разночинецъ говорю я, не удержался на позиціи. Онъ быстро по чувствовалъ свое одиночество, и въ этомъ одиночеств онъ затерялся и стерся. Его оружіе-отрицаніе приту пилось, главные его вожди выбыли изъ рядовъ, самая идея „эмансипаціи“ была такой чуждой и необычной для русской жизни, а естествознаніе давало въ сущно

сти такъ мало для сложныхъ запросовъ сознанія, что было мудрено не затеряться.

Быть можетъ, отъ этой растерянности и одиночества, слѣдуя въ то же время стихійному развитію своей идеи, разночинецъ ударился въ чистое отрицаніе, для котораго и раньше были готовы всѣ посылки....

... Здѣсь онъ дошелъ до тупика мысли, и мало кто слѣдовалъ за нимъ. Большинство, по крайней мѣрѣ, лучшая часть этого общества, опять тянула къ нашей традиціонной идеѣ „служенія народу", къ вѣрѣ, къ положительнымъ догматамъ поведенія, къ созиданію жизни... Наступаетъ эпоха 70-хъ годовъ. Это, прежде всего, *отрицаніе отрицанія,* т. е. нигилизма, борьба съ нимъ, стремленіе къ религіозному мышленію, т. е. къ признанію такихъ нравственныхъ цѣнностей, которыя дороже самой жизни. Во многомъ это возвращеніе къ идеямъ 40-хъ годовъ. Опять идеализируется мужикъ, опять народная жизнь съ ея общинно-земледѣльческими устоями созерцается, какъ нѣчто прекрасное, больше даже, чѣмъ прекрасное—какъ единственно праведная.—Христіанская мораль, выросшая на идеяхъ служенія народу и расплаты съ нимъ, замѣняетъ мораль личности, стремящейся къ силѣ, т. е. полнотѣ саморазвитія и самоудовлетворенія. Таковъ фактическій ходъ нашего литературнаго развитія вплоть до крушенія народничества, т. е. до 80-хъ годовъ".

Итакъ въ основу развитія исторіи русской литературы кладется борьба двухъ борящихся другъ съ другомъ началъ: христіански-демократическая оригинальная тенденція и заимствованная съ запада идея освобожденія личности. Эти два начала Андреевичъ считаетъ взаимно-исключающими другъ друга, при чемъ самъ становится на сторону личнаго начала.

Тезисъ Андреевича, что русская литература усиленно питается христіанствомъ, очень цѣненъ и по своей важности заслуживаетъ особеннаго вниманія.

„Какую бы формулу нашей прежней литератур
вы ни взяли, кромѣ, разумѣется, офиціальной, государ
ственной, вы найдете въ ней проповѣдь любви, сострад
нія, жалѣнія, гуманности и подвига, который цѣненъ да
же не по своимъ результатамъ, а самъ по себѣ. Эт
вѣчная жажда искупленія грѣховъ, расплаты съ нар
домъ, работа примиренія съ своею совѣстью. Вотъ чт
говорю я, находимъ мы въ нашей литературѣ, какъ с
отличительное и ей присущее. *Все это, въ концѣ концов
переработанная христіанская мораль*".

Совершенно вѣрно подчеркнувъ, что русская лит
ратура питается христіанскими переживаніями, Андр
евичъ одновременно обнаружилъ непониманіе христ
анства.

„Толковать, напримѣръ, опростительную тенденці
въ русской литературѣ, особенно у Л. Толстого, как
несомнѣнную и неотъемлемую принадлежность христіа
ства, значитъ слишкомъ опроститься въ пониманіи хр
стіанства; въ частности толстовское опрощеніе въ н
сравненно большей степени результатъ буддійскаго эл
мента въ Толстомъ, привнесенный черезъ вліяніе Ш
пенгауэра, чѣмъ результатъ собственно христіанска
вліянія" говоритъ Волжскій (ibidem, 280 стр.).

..."Какъ бы параллельно, говоритъ Андреевичъ,
существовали двѣ нравственности, языческая и христіа
ская, *полной свободы* и *полнаго подчиненія*"... Это утве
жденіе Андреевича только печальный результатъ е
легкомысленнаго отношенія къ сущности христіанства
съ одной стороны, грубо внѣшняго, матеріалистическа
пониманія принципа свободы личности — съ друго
Андреевичъ не понимаетъ, что абсолютное самоутве
жденіе личности можетъ выражаться въ ея эмпирич
скомъ самоограниченіи, самоотреченіи, въ актѣ созн
тельнаго и свободнаго самопожертвованія. Въ христіа
ствѣ же дается не формальный принципъ автономіи ли
ности, а нѣчто большее, абсолютное утвержденіе ея в

юбви, во Христѣ, высшая свобода въ любви. Богъ,—о глубокому опредѣленію Вл. Соловьева,—„абсолютная ичность“, „Христосъ на дѣлѣ показалъ, — говоритъ нъ,—что Богъ есть любовь и абсолютная личность“. мыслъ христіанства не въ „полномъ подчиненіи“ личости, какъ это кажется Андреевичу съ высоты птичьго полета его философіи, а въ утверждающей личность юбви, гдѣ самопожертвованіе не есть самоотрицаніе, а ысшее полаганіе личности, любовное и потому свободое. „Сберегшій душу свою потеряетъ ее; а потерявшій ушу свою ради меня сбережетъ ее“... (Матѳ. 11, 39) и, ще, „истинно, истинно говорю Вамъ, если не сдѣлаете диному изъ сихъ меньшихъ, не сдѣлаете Мнѣ“. (ibidem, 91 стр.).

Понятно, что при такомъ огрубленномъ пониманіи ристіанства г. Андреевичъ не могъ осмыслить ни Доттоевскаго, ни Соловьева, ни всей новой полосы руской религіозныхъ исканій, ни Розанова, ни Мережковкаго, ни „религіозно-философскихъ собраній“; все это емно для г. Андреевича, онъ проходитъ мимо всего это в своемъ „Опытѣ философіи“ съ удивительнымъ егкомысліемъ, отдѣлываясь смѣшками и хихиканіемъ.

Въ виду указанныхъ серьезныхъ недостатковъ „Опыа философіи русской литературы“ руководствоваться мъ вообще никакъ нельзя. „Опытъ“ съ нѣкоторой польой можетъ служить только для вторичнаго ознакомлеія съ предметомъ.

См. кр. 1) Вопросы жизни, 1905, апр.-май. Литературные отклики. Вѣстн. Евр. 1905, 9. 3) Крит.-библіогр. журн. „Новая Кн.“, 1907, 7. 4) Венгеровъ Энц. Сл. Брокгаузъ и Ефронъ, 4 доп. томъ. 5) А. Орловъ. бр. 1905—10. 6) Пильскій. Критическія статьи.

VI.

Обзоры, посвященные ближайшему къ намъ времени.

Само собою разумѣется, что изучающій исторію рус-ской литературы не можетъ и не долженъ игнориро-вать ближайшую къ намъ и современную намъ лите-ратуру. Она интересна, какъ выразительница текуще жизни; она поучительна, какъ одинъ изъ моментов общей литературной эволюціи. Съ другой стороны, так же очевидно, что ближайшее къ намъ время не можетъ быть объектомъ науки по самой простой причинѣ: он даетъ слишкомъ много простора для проявленія субъ-ективности и дилетанства. По этимъ причинамъ совре-менная и ближайшая къ намъ литература являются обы-кновенно достояніемъ критики и публицистики.

„Разумѣется, говоритъ акад. Истринъ, трудно ука-зать хронологическій предѣлъ, до котораго доходитъ наука и отъ котораго начинается критика и публицисти-ка. Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что наша наука кончается Пушкинымъ и Гоголемъ, а что послѣ нихъ, то не изучено. Но если мы нѣсколько и подви-немся впередъ, захвативъ и 40-ые, и 50-ые, и 60-ые го-ды, то дальше этого итти будетъ дѣйствительно опасно Множество матеріала еще не изучено, и нарисовать кар

тину настроенія общества въ ближайшее къ намъ время затруднительно.

Какъ бы то ни было, мы должны считаться съ тѣмъ фактомъ, что у насъ нѣтъ научно обработанной исторіи литературы, такъ называемой „новѣйшей". Но если нѣтъ книгъ по исторіи новѣйшей литературы, то вѣдь сама-то литература существуетъ, и мы не можемъ отказаться отъ мысли ее изучать. Изученіе ея можетъ не имѣть той цѣльности, которая имѣетъ мѣсто при изученія литературы достаточно прошедшаго времени, но вопросы могутъ задаваться тѣ же, что и при изученіи послѣдней; только, быть-можетъ, они будутъ рѣшаться болѣе односторонне и болѣе субъективно".

Итакъ для ознакомленія съ современной литературой существуютъ только критическія публицистическія статьи. Подавляющая масса этихъ бѣглыхъ, случайныхъ и дилетанскихъ замѣтокъ принадлежитъ перу рецензентовъ, которые съ теченіемъ времени выпускаютъ въ свѣтъ собраніе своихъ статей въ видѣ сборниковъ. Эти сборники достоинствами не обладаютъ. Авторы обнаруживаютъ критическое чутье въ весьма слабой степени, пытаются примѣнять къ литературнымъ явленіямъ весьма условныя рамки и во имя предвзятыхъ идей скорѣе затемняютъ смыслъ произведеній.

Обратимся къ нѣкоторымъ сборникамъ, которые выходили даже вторымъ изданіемъ и пользовались у публики нѣкоторымъ успѣхомъ.

К. Чуковскій. Отъ Чехова до нашихъ дней. Литературные портреты характеристики. 3-ье изд., испр. и дополненное. 267 стр. СПБ. Ц. 1 р. 25 коп.

Эпоха послѣ Чехова, по мнѣнію Чуковскаго, характеризуется тремя чертами. Прежде всего она характеризуется тѣмъ, что впервые отдала всю русскую литературу во власть города. Такія отличительныя черты современныхъ художественныхъ произведеній, какъ крат-

кость, наклонность къ эффектамъ, торопливость, экзотичность ихъ формъ, тенденція къ стилизованности импрессіонистскій духъ—все это создано въ городѣ городомъ и для города.

Вторая черта послѣчеховской литературы—ея мѣщанственность. Русская публицистическая критика почему-то полагаетъ, будто показателемъ антимѣщанства служитъ индивидуализмъ. На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію автора, индивидуализмъ въ настоящее время какъ разъ и является формой, наиболѣе присущей русскому мѣщанству, что оправдывается разборомъ произведеній Горькаго, Арцыбашева, Анатолія Каменскаго и др.

Третья черта послѣчеховской литературы — черта еще до сихъ поръ никѣмъ не отмѣченная—это полнѣйшее забвеніе передовой ея частью того самаго индивидуализма, который имѣетъ еще свою привлекательность для литературнаго арьергарда и который былъ вдохновителемъ всей русской литературы отъ Радищева до Чехова; это знаменательное явленіе оправдывается произведеніями Мережковскаго, Брюсова, Бориса Зайцева и Леонида Андреева.

Примѣнительно къ этимъ тремъ чертамъ авторъ распредѣляетъ изложеніе на три отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ характеризуется вліяніе города, во второмъ мѣщанствующій индивидуализмъ, въ третьемъ—кризисъ этическаго индивидуализма.

Заглавіе книжки Чуковскаго „Отъ Чехова до нашихъ дней“ заставляетъ предполагать, будто въ книжкѣ есть какой-либо историческій очеркъ. Въ началѣ 1908 г. Чуковскій издалъ часть своихъ газетныхъ фельетоновъ, но не связалъ ихъ, не обработалъ, вслѣдствіе чего историческаго очерка не получилось. Такимъ образомъ на книжку Чуковскаго надо смотрѣть, какъ на сборникъ случайныхъ фельетоновъ, посвященный характеристикамъ 20 писателей (А. Чеховъ, К. Бальмонтъ, А. Блокъ, О. Дымовъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, А. Купринъ, М. Горь-

кій, Скиталецъ, А. Каменскій, М. Арцыбашевъ, Г. Чулковъ, Т. Ардовъ, А. Рославлевъ, Е. Тарасовъ, Я. Годинъ, Д. Цензоръ, С. Юшкевичъ, Ѳ. Сологубъ, Б. Зайцевъ, Д. Мережковскій, В. Брюсовъ, Л. Андреевъ).

Въ статьѣ о Чеховѣ авторъ говоритъ:

„Едва только оторвавшійся отъ земли мужикъ пришелъ на городскіе тротуары освободиться отъ своей свободы и встать у фабричнаго колеса, какъ въ русской жизни произошло одно изъ величайшихъ событій: мужикъ исчезъ и превратился въ рабочаго, господинъ исчезъ и превратился въ хозяина, деревня исчезла и превратилась въ городъ. Не то, чтобы въ одинъ прекрасный день вдругъ не стало ни господъ, ни деревень, ни мужиковъ,—но „центръ тяжести“ русской исторіи перемѣстился съ нихъ на этихъ новопришельцевъ.

Одно изъ первыхъ дѣлъ города заключалось въ томъ, что господинъ превратился въ хозяина, въ городского собственника, въ мѣщанина.

Съ его приходомъ дворянская, помѣщичья, „рыцарская честь замѣнилась бухгалтерскою честностью, гордость—обидчивостью, изящные нравы—нравами чинными, вѣжливость—чопорностью, парки—огородами, дворцы—гостиницами, открытыми для всѣхъ, т. е. для всѣхъ имѣющихъ деньги“.

„У насъ въ Россіи это превращеніе господина въ хозяина, барина въ мѣщанина начало совершаться въ 80-хъ годахъ XIX вѣка, и сколько парковъ успѣло съ тѣхъ поръ замѣниться огородами!“

Когда появилось мѣщанство, „у русскаго общества была только одна возможность—кричать противоположное. У него былъ только одинъ органъ противорѣчія—литература“. Чеховъ „развилъ, укрѣпилъ, установилъ то распредѣленіе общественныхъ симпатій и антипатій, которое такъ было нужно нашей трудной эпохѣ, и своей стихійной непріязнью къ міру цѣлей подорвалъ глубочайшую и предвѣчную сущность мѣщанской культуры—

утилитаризмъ. Здѣсь великое соціальное значеніе твореній Чехова, если только кому-нибудь еще нужно это значеніе, и недостаточно осязать, впивать, поглощать эти лунныя, колдующія созданія, которыя далъ намъ стыдливо-геніальный художникъ".

Приведенныхъ основныхъ положеній Чуковскаго вполнѣ достаточно, чтобъ судить о тонѣ, характерѣ и значеніи разсужденій. Положенія, приведенныя Чуковскимъ, вызываютъ большое недоумѣніе, чтобъ не сказать больше. О какомъ рыцарствѣ въ русскомъ обществѣ авторъ говоритъ? Недоумѣнія вызываетъ и масса противорѣчій въ разныхъ мѣстахъ сборника Чуковскаго, получившихся вслѣдствіе смутныхъ у автора представленій о мѣщанствѣ, объ интеллигенціи и индивидуализмѣ; особенно сбивчивы разсужденія автора объ индивидуализмѣ Горькаго.

Всѣ очерки автора довольно поверхностны, содержаніе ихъ совершенно случайное; замѣтки случайны, темы случайны, много разсыпано остротъ иногда удачныхъ, изложеніе отрывочное. Въ методѣ Чуковскаго нѣтъ ничего общаго съ критикой и критическими пріемами. Чередованіе пересказа съ выкрикиваніями, полное отсутствіе исторической точки зрѣнія, полное отсутствіе стройной, цѣльной и ясной системы міровоззрѣнія—всё это такія черты, которыя совершенно лишаютъ автора права на довѣріе читателя.

Въ итогѣ, каждый читатель неизбѣжно приходитъ къ тому же выводу, къ какому пришелъ и Вл. Кранихфельдъ: книжка Чуковскаго феноменальна по количеству собраннаго въ ней легкомыслія.

См. кр. Кранихфельдъ, Вл. Литературные отклики. Совр. Міръ 1908, февр.

Александровичъ. Послѣ Чехова.

Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. В Базаровъ, П. Орловскій, В. Фриче и В. Шулятиковъ. Москва. 1910. Ц. 1 р. 75 коп.

Сборникъ содержитъ три статьи П. Орловскаго изъ исторіи новѣйшаго романа (о Горькомъ, Купринѣ и Андреевѣ) и статьи В. Фриче: „Эволюція театра и драмы“, В. Базарова: „Судьбы русскаго идеализма за послѣднее десятилѣтіе“ и В. Шулятикова: „Этапы новѣйшей лирики“. Статьи всѣхъ четырехъ авторовъ объединены міровоззрѣніемъ экономическаго матеріализма.

Такъ какъ въ послѣднее время въ русской общественности рѣзко обозначился переходъ отъ земледѣльческой, деревенской, барско - крестьянской Руси къ Руси промышленной, городской буржуазной и такъ какъ развитіе пролетаріата и буржуазіи должно было отразиться въ новой русской литературѣ, то названные авторы пытаются поставить развитіе ея во всѣхъ направленіяхъ не только въ связь съ новыми явленіями общественности, но и въ прямую зависимость отъ нихъ. Всѣ статьи и особенно статья В. Шулятикова вызываютъ массу недоумѣній. Освѣщеніе тенденціозное, сближенія между соціально - экономическими явленіями и поэтическими формальны и весьма искусственны. Въ итогѣ Шулятиковъ если и далъ читателямъ, знакомящимся съ новѣйшей русской поэзіей и изучающимъ её руководящую нить, то именно такую, какою совсѣмъ не слѣдуетъ руководиться. (Вѣст. Евр. 1910, 5).

Литературный распадъ. Критическій сборникъ. Книга первая. Изд. второе. Стр. 299. 1908. Книга вторая. Стр. 279. Книгоиздательство „Eos“. СПБ. 1909.

Составители этого критическаго сборника заявляютъ, что они „стоятъ на почвѣ пролетарскаго міровоззрѣнія въ его единственно научной формѣ—марксизма“. Они считаютъ неизбѣжнымъ „признаніе принципіальнаго разрыва между творчествомъ современнаго декаданса и творчествомъ будущаго“. Они исходятъ изъ того убѣжденія, что „цѣнности литературнаго модерна созданы расколотымъ міромъ, чующимъ надвигающуюся гибель“, и что „грядущее творчество будетъ преодолѣніемъ цѣнностей,

созданныхъ эпохой идейнаго и моральнаго распада. Въ первой книгѣ помѣщены статьи: Ю. Стеклова—о соціально-политическихъ условіяхъ литературнаго распада, Ю. Каменева—о Ласковомъ Старикѣ и Валеріи Брюсовѣ, П. Юшкевича—о современныхъ философско-религіозныхъ исканіяхъ, Ст. Ивановича—о прессѣ Модернъ, А. Луначарскаго — статья — Тьма. Л. Войтоловскаго — итоги русскаго модернизма, Н. Троцкаго—Франкъ Ведекиндъ и др.

Во второй книгѣ В. Базаровъ ядовито полемизируетъ съ Д. С. Мережковскимъ; Л. Войтоловскій говоритъ о декадентствѣ, какъ продуктѣ внутренняго буржуазнаго кризиса; Ю. Каменевъ—о произведеніяхъ З. Гиппіусъ; А. Луначарскій—о марксизмѣ въ связи съ задачами искусства; Михаилъ Морозовъ — о творчествѣ Бориса Зайцева; П. Орловскій—о двухъ типахъ нигилизма: Базаровѣ и Санинѣ. Г. Ю. Стекловъ посвящаетъ очень обстоятельный этюдъ критическому разбору сочиненій Өедора Сологуба.—причемъ опять-таки предсказываетъ въ концѣ, что „пролетаріатъ пробьетъ себѣ дорогу къ конечной цѣли своихъ освободительныхъ порывовъ, и врата адовы не одолѣютъ его“. Г. В. Фриче въ дѣльномъ небольшомъ очеркѣ характеризуетъ основные мотивы западно-европейскаго модернизма; В. Шулятиковъ возвращается къ старой полемикѣ съ идеалистами—романтиками, а П. Юшкевичъ вновь разсуждаетъ о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ.

Основной смыслъ содержанія обѣихъ книгъ, направленъ, съ одной стороны, противъ декадентства въ разныхъ его видахъ, а съ другой—противъ религіозно-философскаго идеализма.

Участники „Литературнаго распада“ впадаютъ въ грубую ошибку, приписывая современный идейный разбродъ капиталистическому строю. (Л. Слонимскій. Вѣст. Евр. 1909., 5).

Болѣе критическаго чутья обнаруживаютъ слѣдующіе авторы.

1) Ю. Александровичъ. Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія 1898—1908. Москва. 1 р. 256 стр.

2) Петръ Пильскій. О Леонидѣ Андреевѣ, Валеріи Брюсовѣ, Н. Минскомъ, Ѳед. Сологубѣ. О критикѣ, о Д. Писаревѣ, Е. Соловьевѣ, В. Буренинѣ, Ант. Крайнемъ и др. СПБ. 1910 г. Ц. 1 р. 277 стр.

3) М. Морозовъ. Очерки новѣйшей литературы. Статьи о Леонидѣ Андреевѣ, С. Сергѣевѣ-Ценскомъ, Борисѣ Зайцевѣ, В. Ропшинѣ, Максимѣ Горькомъ и Львѣ Толстомъ. СПБ. 1911. Ц. 1 р. 25 коп. 254 стр.

4) П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Современники. Томъ III: три выпуска, по рублю каждый. Москва. 1910 г.

Своимъ очеркамъ Коганъ предпосылаетъ введеніе, посвященное выясненію двухъ противоположныхъ теченій въ современной русской литературѣ, выражающихъ великій расколъ въ русской интеллигенціи.

„Андреевъ и Купринъ—два полюса современной литературы. Они—выраженіе двухъ противоположныхъ направленій, по которымъ разбились современныя интеллигентныя силы.

Около нихъ можно сгруппировать современныхъ поэтовъ и беллетристовъ. Это не значитъ, что молодые писатели непремѣнно ихъ ученики и подражатели. Но оба писателя—самые яркіе и законченные выразители тѣхъ двухъ духовныхъ теченій, къ одному изъ которыхъ неизбѣжно примыкаетъ всякій современный писатель. Одно изъ нихъ ведетъ къ борьбѣ личности съ несовершенствами жизни, другое уводитъ отъ жизни внутрь самого человѣка, въ глубину его собственной души. Одно исходитъ изъ вѣры, что жизнь есть созданіе человѣка, что счастье его находится въ его рукахъ, что непремѣннымъ условіемъ освобожденія личности является реорга-

низація общественнаго строя на разумныхъ началахъ, что въ общественномъ неустройствѣ лежитъ главная причина страданій личности. Другое исходитъ изъ вѣры, что Царство Божіе внутри насъ, что освобожденіе личности—дѣло ея внутренней работы надъ самой собой, что центръ тяжести лежитъ не въ революціи общественнаго строя, а въ революціи сознанія. Художественная литература всегда является только образнымъ выраженіемъ того пониманія жизни, которое складывается изъ борьбы интересовъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что наши молодые писатели сознательно или безсознательно отразили состояніе современнаго общества, одѣли въ плоть и кровь разладъ, вызванный различнымъ пониманіемъ средствъ, ведущихъ къ удовлетворенію назрѣвшихъ общественныхъ потребностей".

У Андреева Коганъ отмѣчаетъ индивидуалистическія тенденціи, у Куприна соціальный инстинктъ. Въ первомъ теченіи авторъ находитъ пессимизмъ, эстетическое, эротическое, ирраціональное направленіе и считаетъ главными представителями этого теченія Андреева, Бальмонта и Сологуба; Купринъ, Арцыбашевъ и Юшкевичъ относятся ко второму теченію.

Авторъ заявляетъ, что „не судить и оцѣнивать на основаніи своихъ субъективныхъ вкусовъ собирается онъ".

Авторъ хочетъ указать „тотъ элементъ, который въ послѣднемъ счетѣ является единственнымъ непогрѣшимымъ судьей художественныхъ твореній и всѣхъ вообще продуктовъ духовной работы, указать на интересы и потребности массъ, всегда обусловливающіе идейное содержаніе даннаго момента. У критики можетъ быть только одна задача: выясненіе связи между художественнымъ твореніемъ и породившей его реальной обстановкой, опредѣленіе реальной цѣнности произведенія, которая измѣняется тѣмъ, поскольку оно содѣйствовало проясненію общественнаго сознанія, раскрыло обществу

его собственную душу, воплотивъ въ конкретные типы стремленія и представленія цѣлыхъ группъ“.

Отмѣтивъ нѣкоторыя принципіальныя положенія, авторъ приступаетъ къ характеристикамъ современныхъ писателей. Первый выпускъ посвященъ восьми писателямъ: Куприну, Арцыбашеву, Ѳ. Сологубу, Юшкевичу, Телешеву, Шолому Ашу, Айзману и Зайцеву. Болѣе всего авторъ удѣляетъ вниманія характеристикѣ творчества Куприна и приходитъ къ выводу, что Купринъ пишетъ „громадную потрясающую и правдивую книгу“.

„Она громадна, потому что онъ всестороненъ, онъ охватываетъ всю жизнь; подобно Гоголю, родоначальнику нашего реализма, онъ хочетъ охватить всю сумму „маленькихъ, но поразительныхъ мелочей“, мимо которыхъ мы проходимъ равнодушно. Его книга правдива, потому что въ ней нѣтъ выдумки, въ ней фактъ—главная движущая пружина жизни. Его книга—потрясающая книга, потому что страданія личности, противорѣчія жизни особенно глубоко потрясаютъ современнаго человѣка, когда они раскрываются во всей „чудовищной простотѣ и будничной дѣловитости“, когда къ нимъ подходятъ „безъ громкихъ фразъ“ и „овечьей жалости“, а вплотную, „близко—близко“. Въ очеркѣ объ Арцыбашевѣ, этомъ „обличителѣ русской интеллигенціи“, Коганъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на разборѣ „Санина“ и требуетъ отъ публики болѣе объективнаго отношенія къ герою романа. „Санинъ не пошлякъ и не порнографъ, какимъ его хотѣли видѣть. Его грубое отрицаніе было неизбѣжной реакціей противъ долгаго служенія необоснованнымъ нравственнымъ принципамъ, извлекаемымъ изнутри духа, принципамъ, не оправданнымъ фактами и принесшимъ разочарованія и отчаяніе. За Санинымъ некуда итти. Культъ голаго инстинкта не программа. Но Санинъ былъ нуженъ, чтобы напомнить о главномъ, что упустили изъ виду эстеты и фантасты. Пересмотръ прошлаго во имя жизни и счастья всегда служитъ залогомъ воскресенія.

Опасно обличеніе, которое убиваетъ вѣру въ себя, парализуетъ силы и уводитъ вдаль отъ земли. А это обличеніе—то, за которымъ начинается возрожденіе. Оно будитъ бодрость духа и зоветъ къ борьбѣ. Оно властно возвращаетъ насъ къ единственному смыслу жизни—реальному счастью и реальной радости человѣка, ищетъ правды „тутъ", „на землѣ", а не въ небесахъ, которыя столько разъ обманывали страдающихъ и вѣрующихъ. Оно клеймитъ презрѣніемъ слабость и безсмысленную жертву и утверждаетъ незыблемость закона борьбы, какъ единственнаго для человѣка средства къ осуществленію его человѣческаго права".

Въ очеркѣ о Ѳ. Сологубѣ Коганъ говоритъ о немъ, какъ о представителѣ новаго реализма и какъ выразителѣ „передоновщины".

Второй выпускъ посвященъ Леониду Андрееву, Бальмонту, Брюсову, И. Бунину, Блоку и разбору „Навьихъ чаръ" Сологуба, этого послѣдняго слова модернизма. Болѣе всего Коганъ, какъ и слѣдовало ожидать, останавливается на творчествѣ Л. Андреева, „этой драгоцѣнной жертвы пережитаго нами тяжелаго періода".

„Л. Андреевъ—драгоцѣнная жертва пережитаго нами тяжелаго періода. Если будущему историку понадобится отыскать самое яркое выраженіе того ужаса передъ жизнью, который на время парализовалъ умъ и волю русскаго общества, онъ найдетъ это выраженіе въ произведеніяхъ Андреева. Его разсказы и трагедіи—символы, въ которые претворяетъ испуганное воображеніе отдѣльныя стороны дѣйствительности. Его фигуры и образы надгробныя надписи надъ похороненными человѣческими усиліями. Его выводы—проклятіе небу, въ желѣзныя врата котораго тщетно стучался пасынокъ земли, оставшійся безъ пути и цѣли. Андреевъ—драгоцѣнная жертва, потому что онъ—талантъ, потому что талантъ—тотъ, кому посчастливилось раньше всѣхъ и лучше всѣхъ воплотить думы многихъ. Всѣ произведенія. Андреева, отъ

самыхъ раннихъ до „Анатэмы“, это—печальная повѣсть души, которая вопіетъ къ небу: „скажи!“. Это—тотъ крикъ, съ которымъ отецъ Игнатій обращался къ могилѣ своей дочери и на который не получилъ отвѣта.

„Скажи!“ „Скажи, почему человѣкъ хочетъ счастья, а его преслѣдуетъ несчастье; скажи, почему человѣкъ такъ любитъ жизнь, а его ждетъ неизбѣжная смерть, почему мысль человѣка ставитъ себѣ вопросы о тайнѣ мірозданія и почему она такъ ограничена, что никогда не отвѣтитъ на эти вопросы, почему вѣра человѣка говоритъ ему о благости и справедливости Бога, а въ мірѣ нѣтъ ни благости ни справедливости, откуда всѣ эти и тысячи другихъ трагическихъ противорѣчій и несоотвѣтствій, кто насмѣялся такъ жестоко надъ человѣкомъ, кому понадобилось бросить его въ міръ, привить ему стремленія и не дать силъ для ихъ осуществленія? Андреевъ прошелъ все поле жизни, и на этомъ полѣ „какъ въ знойной Ливійской юдоли не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ“. Весь этотъ путь убѣдилъ его въ одномъ, что всѣ пути, которыми человѣчество мечтало отвоевать себѣ свободу и счастье, ложны, что его судьбами управляетъ жестокая и враждебная сила, стоящая за предѣлами умопостигаемаго міра. Эта злая сила не только враждебна человѣчеству. Она непостижима. Она не только причиняетъ зло и страданія. Она равнодушно смотритъ съ своей высоты на безплодныя усилія человѣка разгадать ея цѣли, уловить какой - нибудь смыслъ, какую - нибудь цѣлесообразность въ ея дѣйствіяхъ“.

Третій выпускъ Когана посвященъ тремъ современнымъ мистикамъ: Мережковскому, Андрею Бѣлому и Вячеславу Иванову.

Современный мистицизмъ переживаетъ глубокій кризисъ. Мережковскій кончилъ тѣмъ, что запутался въ своихъ исканіяхъ. Андрей Бѣлый и Вячеславъ Ивановъ могутъ служить еще болѣе яркими показателями приближающагося банкротства мистицизма.

„Эти лучшіе представители мистицизма остались въ сторонѣ отъ большой дороги жизни, одинокими сектантами, либо непонятыми, либо осмѣянными“.

Книга Когана читается съ большимъ интересомъ, однако къ выводамъ автора надо вообще относиться болѣе или менѣе осторожно, съ одной стороны, потому, что разсмотрѣнная литературная дѣятельность современныхъ писателей еще не стала достояніемъ исторіи и вообще въ настоящее время не можетъ быть предметомъ объективнаго изложенія, съ другой стороны и потому, что Коганъ обнаруживаетъ излишнюю рѣшительность и категоричность сужденій и осужденій.

Характеръ изложенія у автора полемическій. Коганъ выдвигаетъ мысль, что нельзя смѣшивать научнаго метода и вѣры, которые проникаютъ всѣ построенія богоискателей. Это смѣшеніе приводитъ къ противорѣчіямъ, спутанности мысли и безсилію постичь непостижимое.

„Тотъ тупикъ, въ который уперся мистицизмъ въ лицѣ своихъ наиболѣе талантливыхъ представителей, является лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ трудно ожидать обществу съ этой стороны отвѣта на свои запросы“.

(Ч. В—скій, В. Европ. 1910. ноябрь).

Чтобы покончить съ вопросомъ объ изученіи позднѣйшей русской литературы, мы укажемъ еще на одну ея особенность, которую намъ особенно хочется подчеркнуть.

Мы обладаемъ богатѣйшимъ литературнымъ наслѣдствомъ, которое получали въ разное время: сначала отъ Пушкина и Гоголя, и не такъ еще давно отъ Тургенева и Чехова. Въ этомъ литературномъ наслѣдіи отъ славнаго прошлаго самое цѣнное для насъ и дорогое, это тотъ языкъ, который геній Пушкина пропустилъ черезъ горнило своей творческой мысли; тотъ языкъ, о которомъ Гоголь отозвался, что онъ „исполинъ“; тотъ „ве-

ликій, могучій, правдивый и свободный языкъ", который завѣщалъ намъ Тургеневъ; тотъ языкъ, который у Чехова достигъ наибольшей простоты и лиризма; тотъ языкъ, который блещетъ своей красой, выразительностью и благозвучіемъ въ трудахъ знаменитаго русскаго философа и поэта Владиміра Соловьева.

Эти наши національные геніи, видя въ созданномъ языкѣ твореніе великаго народа и находя въ немъ „поддержку и опору въ дни сомнѣній и въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины", завѣщали потомству любовь и уваженіе къ языку народа.

Послѣ смерти Тургенева прошло всего около 30 лѣтъ, не успѣли увянуть листья и поблекнуть цвѣты вѣнковъ, возложенныхъ на могилы Чехова и Владиміра Соловьева, какъ завѣты бережно хранить достоинство языка стали забываться чуть ли не всѣми, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ литературѣ и наукѣ.

Какъ это ни странно, но слова нѣкоторыми писателями употребляются въ какомъ-то особенномъ смыслѣ, не въ общеупотребительномъ: у Арцыбашева, напр., въ разсказѣ „Рабочій Шевыревъ", встрѣчаемъ: „омерзительно прекрасно украшенъ черными волосами". У В. Брюсова читаемъ—„О, высота степей"; сказать такъ все равно, что сказать: сухость воды, мокрота сухости. Находимъ также такія сужденія: „Тѣнь несозданныхъ созданій" и „Всходитъ *мѣсяцъ* обнаженный при лазоревой *лунѣ*". Понять смыслъ подобныхъ изреченій откажется каждый здраво мыслящій человѣкъ.

Среди *неологизмовъ* въ поэзіи Бальмонта обращаютъ на себя особенное вниманіе слова на ость—красность, прекрасность, несчастность. Для характеристики этой ненормальности поэзіи Бальмонта и его школы одинъ шутникъ составилъ даже такую фразу: сигарность моей папиросности.

Съ легкой руки Бальмонта пошли гулять по нашей

матушкѣ Россіи слова на ость. Въ не такъ давно вышедшей книгѣ стихотвореній Булдѣева находимъ: безкрайность, воздушность, кошмарность. У этого же Булдѣева встрѣчаемъ выраженія „ароматнѣе дня“, „хрустальный сонъ“. Животовъ въ собраніи стихотвореній „Клочья нервовъ“ постоянно огорашиваетъ читателя какой - нибудь выходкой, какимъ - нибудь неожиданнымъ словцомъ. Читая подобные стихи, иногда теряешь представленіе, на какомъ языкѣ читаешь, на русскомъ, на французскомъ или нѣмецкомъ.

У Брюсова встрѣчаются неуклюжія новыя слова: предскучный, предзапертый.

Современные писатели выбрасываютъ слова дюжинами и вызываютъ обыкновенно одинъ лишь смѣхъ, какъ во время оно славянофилы, которые для замѣны иностранныхъ словъ придумали массу новостей въ родѣ шаропехъ—шарокатица—мокроступы—самость.

Когда читаешь у Сологуба *провинціализмы*: пошава, хабалка, жома, зой, истошный, притинъ, пренька, вѣтрочуй, провинціализмы, которыми испещрена его рѣчь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и которыми онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, злоупотребляетъ, такъ и кажется, что Сологубъ задался цѣлью издѣваться надъ читателемъ.

Однако въ сологубовскомъ стилѣ оригинальна и *перестановка* словъ въ предложеніяхъ: опредѣленіе отдѣляется отъ опредѣляемаго нѣсколькими промежуточными словами, вслѣдствіе чего вмѣсто ожидаемой ясности получается неожиданное недоразумѣніе—„печально ясный длился день“. Что изъ двухъ? печально ясный или печально длился?

Стремленіе нѣкоторыхъ современныхъ писателей къ музыкальности въ рѣчи превратилось въ маньячество, при чемъ вслѣдствіе потери у нихъ чутья къ русскому языку въ ихъ музыкальныхъ импровизаціяхъ получается вмѣсто дивныхъ тургеневскихъ аккордовъ необычайная

какофонія, производящая на не утратившаго чутья къ языку такое же впечатлѣніе, какое производитъ кошачій концертъ. Кто прочтетъ у Сологуба въ разсказѣ „Два готика“:

„Когда разсуждаю дѣльно, то чувствую тосчищу, словно тазъ чищу, никому не нужный тазъ“, того станетъ тошнить и отъ какофоніи и отъ безсмыслицы.

Много оригинальнаго находимъ мы и въ сравненіяхъ, которыя, какъ извѣстно, должны способствовать картинности рѣчи.

Въ разсказѣ Сергѣева - Ценскаго „Лѣсная топь“ (помѣщено въ альманахѣ „Шиповникъ“) читаемъ: „У него было лицо, какъ широкая захолустная улица лѣтомъ... У нея было лицо, какъ сѣть узкихъ тупиковъ и переулковъ гдѣ - нибудь на окраинахъ большого города... Онъ говорилъ долго и безсвязно, точно поспѣшно плевалъ въ воздухѣ и растиралъ кирпичами (!)“. На ряду съ этими стилистическими выкрутасами встрѣчаются въ „Лѣсной топи“, этой лучшей вещи Ценскаго, страницы, изложенныя богатымъ и мѣткимъ языкомъ.

Въ разсказѣ „Бабаевъ“ читаемъ: солнце хохочетъ и качается, какъ акробатъ въ циркѣ. Потолокъ умираетъ. Бунтующаяся толпа кричитъ на улицѣ, и ему кажется‘ что „съ пальцевъ изъ - подъ ногтей слетали крики, такіе они были острые, странные“. У того же Ценскаго читаемъ, что баба пахнетъ „корнями подземныхъ глубинъ“.

Вотъ какимъ реторическимъ хламомъ засоряется нашъ прекрасный и сильный языкъ.

Но непостижимѣе всего то, что мы находимъ даже неправильности въ языкѣ; у В. Брюсова, напр., мы читаемъ:

Утреннія звѣзды
Изъ вышины горятъ.

Всѣ эти особенности современнаго стиля и языка обращаютъ на себя особенное вниманіе не только пото-

му, что онѣ смѣшны и неуклюжи, но и потому, что онѣ причиняютъ боль чутью языка и притупляютъ это чутье.

Кто слишкомъ долго вращается въ области современнаго фокусничества, стилистическихъ выкрутасъ и музыкальнаго маньячества, тотъ рискуетъ окончательно притупить чутье къ обще - литературному языку и красотамъ подлинной народной рѣчи, т. е. рискуетъ попасть въ положеніе иностранца. Чтобы не притуплялось чутье къ русской рѣчи, для противодѣйствія нѣкоторымъ вреднымъ вліяніямъ современной литературной рѣчи, надо почаще возвращаться къ тѣмъ чистымъ источникамъ, гдѣ звучитъ настоящая русская рѣчь и гдѣ раздаются чистые и звонкіе голоса русскаго народа. Надо почаще заглядывать въ обаятельную старину съ ея неувядаемыми красотами и прислушиваться къ тому, какъ говорили Пушкинъ, С. Аксаковъ, Тургеневъ, Гончаровъ и Владиміръ Соловьевъ.

См. кр. Андрей Шемшуринъ. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. Москва. 1908. Ц. 1 р.

Кромѣ того, см. фельетоны Буренина и Меньшикова въ Новомъ Времени.

Заключеніе.

М. Г.

Передъ нами промелькнулъ цѣлый рядъ старыхъ и новыхъ трудовъ по исторіи русской литературы, трудовъ разнообразныхъ по матеріалу и по направленію, различныхъ по научнымъ достоинствамъ и отличающихся различнымъ объемомъ. Самый бѣглый и далеко неполный обзоръ работъ по исторіи русской литературы, который мы выше привели, уже даетъ возможность прійти къ нѣкоторымъ небезполезнымъ и не лишеннымъ особеннаго интереса выводамъ.

Положенія, формулированныя нами ниже, вообще ничего новаго не представляютъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ взятыя, они могли бы дать руководственныя указанія всѣмъ тѣмъ, кто не стоитъ близко къ наукѣ и кто желаетъ услышать общія замѣчанія, хотя бы и высказанныя въ догматической формѣ.

1. При обозрѣніи трудовъ по исторіи русской литературы прежде всего бросается въ глаза то, что, несмотря на сравнительное обиліе и разнообразіе всевозможныхъ трудовъ, всё - таки научно - популярныхъ изложеній въ строгомъ смыслѣ этого слова, которыя можно было бы рекомендовать среднему читателю безъ всякихъ оговорокъ, почти нѣтъ. Работы такихъ ветерановъ науки, какъ Галаховъ, Карауловъ, Порфирьевъ и др., уже значительно

устарѣли въ научномъ отношеніи. Школьныя руководства, за исключеніемъ Сиповскаго и нѣкоторыхъ другихъ, неудовлетворительны. Среди школьныхъ руководствъ встрѣчаются многія или прямо невѣжественныя или питающіяся до сихъ поръ устарѣлымъ матеріаломъ. Въ широкой публикѣ удивительно легко распространяются историко - литературныя работы явно тенденціознаго характера.

Нельзя не констатировать и того грустнаго факта, что въ руки лицъ, приступающихъ къ изученію литературы, очень и очень часто попадаютъ фальсифицированныя пособія, макулатура и вредная литературная стряпня. Приведенныя обстоятельства, кромѣ многихъ другихъ соображеній, достаточно краснорѣчиво доказываютъ то, что въ нынѣшнее время необходимо проявлять особенную осторожность при пользованіи историко - литературными трудами и различными пособіями. Мы сказали бы даже больше. Многія работы публицистическаго характера совсѣмъ не годятся для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей литературы.

2. Попытки дать синтезъ явленій русской литературы въ большинствѣ случаевъ оказываются преждевременными и малонаучными. Наука въ силу необходимости ударилась въ сильную спеціализацію и детальную обработку предмета. Ежегодно появляются новыя монографіи и спеціальныя разысканія. Въ такіе непочатые углы исторіи русской литературы, какъ повѣсть, драма и т. д., начинаетъ проникать свѣтъ. Быть можетъ, строго научныхъ трудовъ не такъ много, но всё - таки научный матеріалъ растетъ и растетъ.

Итакъ, у насъ нѣтъ еще такого курса по исторіи русской литературы во всемъ ея объемѣ, который могъ бы вполнѣ удовлетворить всѣмъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Тѣ пробѣлы, которые обнаруживаются въ извѣстныхъ трудахъ по исторіи русской литературы, слѣдовало бы пополнять изученіемъ отдѣльныхъ моногра-

фій, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ. Указаніе специальныхъ разысканій и монографій не входило въ нашу задачу. Наиболѣе важныя монографіи перечислены въ библіографическихъ указателяхъ, которыми снабжены почти всѣ курсы. *)

3. Ученые, чаще всего воздерживаясь отъ попытокъ создать исторію русской литературы во всемъ ея объемѣ, предпочитаютъ излагать литературное движеніе за отдѣльные, менѣе продолжительные періоды.

Что касается изученія древней русской литературы, то хотя и существуютъ у насъ такіе цѣнные труды, какъ Порфирьева, Архангельскаго, Владимірова и др., тѣмъ не менѣе надо подчеркнуть тѣ затрудненія, съ которыми сопряжена въ настоящее время разработка древней русской литературы. Дѣло въ томъ, что, какъ оказывается, даже составъ древней русской литературы еще недостаточно выясненъ и не всѣ памятники еще собраны. Далѣе, то обстоятельство, что литературный матеріалъ начальнаго періода дошелъ до насъ чаще всего анонимнымъ и недатированнымъ, постоянно приводитъ въ смущеніе ученыхъ. Этихъ научныхъ открытій и изслѣдованій мы съ большимъ нетерпѣніемъ и ждемъ.

---

*) Особенно цѣнными справочниками считаются 1) систематическій „Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой". А. В. Мезіеръ, въ 2 частяхъ. Ч. I—до XVIII ст.—2 р.; ч. II—XVIII и XIX ст. 4 р. и 2) для XIX вѣка библіографическіе указатели въ „Исторіи русской литературы XIX вѣка", издаваемой въ Москвѣ подъ редакціей Овсянико-Куликовскаго.

Кромѣ того укажу слѣдующіе справочники:

А. С. Архангельскій. Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. Казань. 1898 г. Цѣна 30 коп.

Д. И. Малининъ. Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Опытъ литературно-критическаго указателя къ произведеніямъ русской литературы XIX в. Изд. второе. Москва. 1911 г. Ц. 40 коп.

И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей литературѣ. Бердянскъ 1908 г. Ц. 60 коп.

Програмы домашняго чтенія. Систематическій курсъ. 4 вып. Изд. Московской комиссіи.

Для памятниковъ и писателей XIII—XVII вв. до сихъ поръ еще не было такого связнаго обзора, который удовлетворялъ бы научнымъ требованіямъ. Еще слишкомъ мало имѣется подготовительныхъ работъ. Особенно труднымъ считается вопросъ о систематизаціи разнороднаго матеріала. Въ настоящее время обнаруживается особенное вниманіе историковъ литературы къ концу XVIII и особенно къ XIX вѣку.

4. Что касается такъ называемаго новѣйшаго періода въ русской литературѣ, то хотя и появляются такія исторіи, какъ исторія Скабичевскаго, Энгельгардта и др., однако нельзя скрывать того, что эти труды плодъ простого недоразумѣнія: онѣ не могутъ и не должны претендоватать на названіе исторіи литературы. Въ настоящее время невозможно исторически изучать „новѣйшую“ русскую литературу. Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло только съ критикой (Истринъ).

5. Въ послѣднее время стали выходить книги, которыя „вызваны не научными фактами, но политическими направленіями текущаго времени. Поэтому онѣ представляютъ собою публицистическія статьи извѣстнаго пошиба. Хотя въ нихъ есть хорошія мысли и мѣткія наблюденія, однако отличительный характеръ всѣхъ подобныхъ книгъ—хлесткость фразы, осужденіе всего того, что не можетъ нравиться современной молодежи, отвыкшей совершенно отъ научной работы. На научную цѣнность такія книги, какъ Андреевича, Иванова-Разумника и др., конечно, претендовать не могутъ. Однако и ихъ появленіе должно быть отмѣчено, какъ показатель того же стремленія къ выработкѣ общаго взгляда. Что книги эти касаются только лишь XIX в., объясняется, конечно, въ сильной степени тѣмъ, что у нашихъ публицистовъ отсутствуютъ даже самыя элементарныя свѣдѣнія по исторіи литературы приблизительно до 20-хъ—30-хъ годовъ прошлаго столѣтія“ (Истринъ).

6. Въ позднѣйшее время стали все чаще и чаще по-

являться попытки, все болѣе и болѣе смѣлыя, внести руководящую идею въ курсы исторіи русской литературы и присоединить сюда и новѣйшій періодъ. Вопросъ объ опредѣленіи руководящей идеи и тѣхъ особенностей, которыя проходятъ черезъ всю нашу литературу, съ начала ея возникновенія до нашихъ дней, конечно, интересенъ.

„Историкъ литературы, обозрѣвающій явленія историческія, обязанъ опредѣлить, чѣмъ каждая эпоха въ исторіи литературы связывается съ предшествующей и послѣдующей, такъ какъ настоящее есть собственно преобразованное прошедшее. Но если историкъ литературы захочетъ опредѣлить лейтъ - мотивъ русской литературы на всемъ ея пространствѣ, то его вниманіе будетъ обращено преимущественно на направленія „психологическія“. „Историческія направленія—скоро преходящія, измѣняющіяся вмѣстѣ съ измѣненіемъ всѣхъ другихъ условій, съ которыми литература находится въ связи, а психологическія—суть направленія, идущія какъ бы изъ глубины природы русскаго человѣка, и потому остающіяся всегда, несмотря на всѣ внѣшнія измѣненія литературы“. (В. М. Истринъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка).

Истринъ связываетъ древнѣйшее время съ позднѣйшимъ, основывая эту связь на психологической почвѣ. По мнѣнію Истрина, основной чертой нашей литературы за все время ея существованія нужно признать, съ одной стороны, склонность къ учительству, а съ другой стороны—стремленіе къ личному нравственному совершенствованію („центробѣжное и центростремительное направленія“). Проф. В. Н. Перетцъ связывалъ новую литературу съ древней указаніемъ на одну особенность, свойственную, по его мнѣнію, всей русской литературѣ: на склонность русскаго писателя къ „учительству“. В. В. Сиповскій считаетъ основной чертой русской литературы христіанскую мораль. И Сиповскій глубоко правъ. По-

слушайте, что сказалъ такой знатокъ русской литературы и тонкій цѣнитель, какъ Де-Вогюэ.

„Высшее достоинство русскаго реализма, равно какъ и англійскаго, замѣчаетъ критикъ въ своей книгѣ о русскомъ романѣ—вниманіе къ внутренней, нравственной сторонѣ человѣческой души, религіозное качество сердца... Волнующаяся душа русскихъ прорывается сквозь всѣ философіи и всѣ заблужденія. Она дѣлаетъ свои остановки въ нигилизмѣ и пессимизмѣ; поверхностный читатель могъ бы иногда смѣшать Толстого съ Флоберомъ; но этотъ нигилизмъ никогда не принимается безъ внутренняго сопротивленія. Эта душа никогда не остается нераскаянной; она тоскуетъ и ищетъ; въ концѣ концовъ она возстаетъ, снова выкупаетъ себя милосердіемъ,—болѣе или менѣе дѣятельнымъ у Тургенева и Толстого, необузданнымъ у Достоевскаго до того, что дѣлается болѣзненной страстью... Они носятся со всѣми ученіями, которыя приходятъ къ нимъ извнѣ: скептицизмомъ, фатализмомъ, позитивизмомъ; но безъ вѣдома ихъ самихъ, въ самыхъ затаенныхъ фибрахъ своего сердца, они всегда остаются христіанами... Пробѣгая ихъ самыя странныя книги, угадываешь съ сосѣдствѣ основную руководящую книгу (un livre régulateur), къ которой тяготѣютъ всѣ другія, это—достопочтенная рукопись, которая стоитъ на почетномъ мѣстѣ въ Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ,—новгородское Остромирово Евангеліе 1056—1057 гг. Среди столь недавнихъ произведеній національной литературы эта книга символизируетъ ихъ источникъ и ихъ духъ“...

Сведя въ одинъ итогъ все изложенное, мы должны признать, что наша наука находится „въ разгарѣ развитія“, давая ежегодно спеціальныя работы и указывая новыя точки отправленія. Отсюда вытекаетъ необходимость неусыпно и неустанно слѣдить за развитіемъ науки.

М. Г.

На долю весьма многихъ изъ васъ выпадаетъ вводить въ оборотъ уже готовое, добытое наукой, раньше мало обслѣдованное и часто старое освѣщать наново. Эта задача сама по себѣ трудна и вызываетъ необходимость слѣдить за развитіемъ науки. Но я Вамъ уже имѣлъ честь доложить, что наряду съ научными изслѣдованіями появляются на книжномъ рынкѣ литературный хламъ и книги извѣстнаго публицистическаго пошиба, которыя ничего общаго съ наукой не имѣютъ. При пользованіи ими надо обнаруживать критическую осмотрительность. Очевидно, что далеко не все то, что ново и оригинально, научно. Вооружившись научными знаніями и любовью къ истинѣ, мы дилетантскимъ тенденціямъ и скороспѣлымъ выводамъ противопоставимъ требованія науки: стремленіе къ истинѣ, объективное отношеніе, добросовѣстность и основательность въ сужденіяхъ. Вотъ тѣ мысли, которыя намъ хотѣлось подчеркнуть.

Если бы, кромѣ того, намъ удалось и вызвать среди уважаемыхъ слушательницъ и слушателей соотвѣтственное впечатлѣніе, хотя бы и чисто внѣшняго характера, могущее дать толчокъ къ серьезной работѣ и къ сознанію необходимости такъ сказать освѣжить свои знанія въ области русской литературы, „этомъ замѣчательномъ явленіи русской жизни“, мы сочли бы возложенную на насъ отвѣтственную и трудную задачу выполненной.

Того же автора:

Положеніе русской женщины въ эпоху Пушкина. Рѣчь, несенная 26 мая 1899 года въ залѣ Сувалкскаго горо общественнаго собранія. Сувалки. 1899 г.

В. А. Жуковскій, какъ поэтъ—воспитатель. Сувалки. 1

Что сказалъ Н. И. Пироговъ своимъ соотечественникам кладъ, читанный въ студенческомъ педагогическомъ к при Варшавскомъ университетѣ. (Печатается).

Готовится къ печати.

Фридрихъ Паульсенъ. Современное воспитаніе и п нравственность. Нѣсколько наблюденій надъ дѣтским стомъ. Переводъ съ нѣмецкаго.

Складъ изданія
у автора, Варшава, 4-ая ... сн